

АНАЛИТИКА
ДИСКУССИИ
МНЕНИЯ
2018

Исходные данные

Фонд им. Фридриха Эберта | Региональный Офис «Диалог Восточная Европа»
ул. Пушкинская 34 | 01004 Киев | Украина
Тел.: +38 044 234 10 38 | Факс: +38 044 234 10 39
<http://www.fes-dee.org> | e-mail: office@fes-dee.org

Ответственный за публикацию:
Николаос Гавалакис

IPG – Международная политика и общество
www.ipg-journal.io

Шеф-редактор:
Ольга Васильцова

Контакт:
ipg@ipg-journal.io

Коммерческое использование всех публикаций Фонда им. Фридриха Эберта (ФФЭ) не разрешается без письменного согласия ФФЭ.

Редакция «IPG - Международная политика и общество» может не разделять мнение авторов опубликованных статей.

ISBN 978-617-7157-78-5

Аналитика
Дискуссии
Мнения
2018

Содержание

- 8 Николаос Гавалакис, Ольга Васильцова
От редакции

Январь

- 9 Ричард Гирагосян
Недооцененный соперник?
Как Китай укрепляет позиции в Евразии, пока Россия отвлекается на Запад
- 11 Вячеслав Садовничий
Равенство в нищете
Почему для большинства постсоветских стран безусловный базовый доход – утопия
- 15 Пауль Хокенос
Новый Восточный блок готов?!
Будапешт, Варшаву, Вену и Прагу не устраивает наднациональная власть ЕС

Февраль

- 18 Барбара Тот
Сильная. Женственная.
Сильным женщинам до сих пор навешивают ярлык ведьмы, но кое-кому удается это использовать в политике
- 21 Андреас Цумах
Сепаратизм: цепная реакция
С 1990 года все изменения границ в Европе происходили с нарушением международного права
- 25 Кнут Флекенштайн, Юлия Ваннингер
На первый-второй не рассчитывай
Почему не стоит разделять страны «Восточного партнерства» на ассоциированных и неассоциированных

- 27 Хелене Кортлендер
Секс, церковь и Совет ЕС
Конвенция Совета Европы о борьбе с домашним насилием вызвала жесткое разногласие в Болгарии

Март

- 30 Евгений Гонтмахер
Три пути после выборов, Россия
Какой вариант выберет Путин, определяющий сейчас свою политику на следующие шесть лет?
- 33 Николаос Гавалакис
Эlegantный юрист во главе дипломатии
Какие изменения повлечет за собой назначение Хайко Мааса министром иностранных дел ФРГ
- 35 Заал Анджапаридзе
На пороге
Почему НАТО не пускает Грузию в свою открытую дверь

- 38 Сандра Вайсс
Состязание можно считать открытым
Как Китай подрывает доминирующее положение США в Латинской Америке

- 42 Кэролайн Кенде-Робб
Год прорыва для Африки
Благодаря успехам в восьми ключевых областях

Апрель

- 45 Хартмут Эльзенханс
«Вышвырнуть Германию из еврозоны»
Если политика Германии не изменится, такое требование в скором времени может быть выдвинуто всерьез

- 48 Яша Мунк
Распад
Яша Мунк о системе права без демократии
- 51 Хеннинг Тилльманн
Дигитализация – это только начало
За ней следует искусственный интеллект, полностью меняющий базовые ценности общества
- 55 Марк Леонард
Совместить несовместимое
Макрон готовится к выборам в Европарламент
- 58 Нильс Шмид
«Нам нужна своеобразная двойная стратегия»
Депутат бундестага Нильс Шмид об альтернативах санкциям, отношениях с Россией и контроле над вооружениями
- 60 Маттиас Бири
Тяжелый (у)рок
Как ЕС способствует сепаратизму, сам того не желая

Май

- 63 Фрэнсис Фукуяма
«Я значительно больше виню Россию и Путина, чем Запад»
Фрэнсис Фукуяма о борьбе России и Запада, причинах кризиса в ЕС и либеральной демократии
- 66 Дэниел Циблатт
«Проблема не только в Дональде Трампе»
Дэниел Циблатт о слабых местах американской политической системы
- 70 Бакар Берекашвили, Тато Хундадзе
Стражи неолиберального порядка
Развивающимся странам стоит отказаться от политики, навязываемой международными организациями

Июнь

- 73 Айк А. Мартиросян
Следующий шаг
Судьба нового правительства Армении зависит от скорости и силы перемен, на которые оно пойдет
- 77 Наджит Заммури
«У нас нет проблем с демократией. У нас большие экономические проблемы»
Почему молодые люди, сделавшие революцию в Тунисе, вынуждены покидать страну
- 80 Ванда Выпорська
Дорогой дом
Как жилищная проблема обостряет социальное неравенство и что с этим делать

Июль

- 83 Райнхарт Крумм
Все против всех
Понятия «холодная война» или «горячий мир» для нынешней глобальной борьбы слишком устарели
- 86 Михаэль Брёнинг
Выйти из зоны комфорта
Как меняется курс левоцентристских европейских партий по вопросу миграции
- 90 Анатолий Марциновский
А смысл?!
ЕС и НАТО в Конституции: зачем Украине особый путь к членству?
- 93 Барак Обама
Полная потеря стыда
Барак Обама о политике сильной руки, фейковых новостях и своей вере в демократию. Отрывки из речи в Йоханнесбурге.

- 97 Юлиан Хейл
Цифровые технологии и справедливость
 Как профсоюзы стремятся спасти права трудящихся при переходе к цифровым технологиям

Август

- 101 Джеффри Сакс
«Изменение климата? Какой бред!»
 Как банда отрицателей науки ведет человечество к гарантированной трагедии
- 104 Тобиас Фелла
Призрак немецкой бомбы
 О безответственной болтовне вокруг ядерного вооружения бундесвера
- 108 Натан Шнайдер
Невозможный принцип равенства
 Израильский социолог Натан Шнайдер о спорном законе о национальном еврейском характере государства
- 111 Маттиа Неллес,
 Никлас Коссов,
 Анн-Софи Гаст
Хватит строить Москве глазки!
 Диалог имеет рамки, и Германия должна их придерживаться не так, как Россия

Сентябрь

- 116 Питер У. Сингер
Война лайков
 Как Интернет изменяет войну и политику и почему мы все становимся оружием
- 119 Алексей Семений
Экзистенциальный вызов
 Смогут ли предстоящие выборы вернуть мир в Украине

- 122 Томас Гремингер
Заложники «промежуточного положения»
 Шесть ориентиров для европейской безопасности в контексте деятельности ОБСЕ

Октябрь

- 125 Мартин Хёпнер
Социальная Европа – это иллюзия
 Почему нужно распрощаться с мифами о становлении социального Евросоюза
- 130 Ян К. Берендс
Новая восточная (пост)политика
 И Путин не вечен. Нужно готовиться к периоду, который наступит после него.
- 132 Мануэла Маттесс
Срочно!
 Земля уже прогрелась на 1°C, и мы видим катастрофические последствия
- 135 Тобиас Фелла
Новый «Уотергейт» – это иллюзия
 Почему миру придется в обозримом будущем приспособливаться к Трампу

От редакции

Богатый событиями год подходит к своему завершению. Постсоветские страны, которые являются основной аудиторией этого журнала, по-прежнему находятся в процессе своего становления. Резонансная пенсионная реформа в России, смена власти в Армении, антиправительственные протесты в Молдове, застопорившийся Минский процесс – это далеко не полный перечень произошедших событий.

Безусловно, самым ярким событием этого года в данном регионе стала мирная, но до сих пор не завершившаяся смена власти в Армении. И только время покажет, насколько оправданным окажется ликование армян по поводу успешной «бархатной» революции. Определенно эта революция стала символической для всего региона, в котором противостояние между старыми элитами и новым поколением, поддерживающим ценности правового государства, скорее только набирает обороты.

Правда, постсоветское пространство формируют страны с большим внутренним разнообразием. В то время как некоторые из них являются членами ЕАЭС и поддерживают тесные отношения с Россией, другие активно готовят проекты для сближения с ЕС и/или НАТО. Процесс европейской и евроатлантической интеграции проходит в период, когда сам Евросоюз стоит перед мощными внутренними вызовами: Брексит, миграционный кризис и трансатлантический раскол, а также сильные популистские движения – все это подрывает его базовые принципы. «В миграционную политику могут быть внесены корректировки, но существует и моральная сторона, когда люди просто должны стремиться защищать либеральную демократию как наилучшую форму правления», – призвал Фрэнсис Фукуяма в нашем с ним интервью.

Без сомнения, упомянутые выше процессы в государствах Восточной Европы в ближайшие годы будут оставаться в приоритете для стран – членов ЕС. Ведь нынешний кризис отношений с Россией уже недвусмысленно продемонстрировал Западу значимость стран по ту сторону восточных границ.

По-прежнему вызывают беспокойство авторитарные тенденции, ограничение свободы слова, а также использование СМИ для влияния на общество. Ведь свободный обмен аргументами является базовой предпосылкой для демократической культуры ведения дискуссий. Генеральный секретарь ОБСЕ Томас Гремингер говорил в своем выступлении, текст которого опубликован на страницах этого издания: «Диалог всегда является первым шагом к построению отношений».

Главная цель журнала «IPG – Международная политика и общество» заключается в том, чтобы посредством публикации авторских материалов сделать определенный вклад в формирование актуальных дискуссий на постсоветском пространстве. Вместе с этим мы стараемся обеспечить доступ русскоговорящей аудитории к актуальным дебатам в Германии, ЕС и мире. В сотрудничестве с нашими редакциями в Берлине и Брюсселе мы пытаемся улучшить информированность стран Запады и их понимание Восточной Европы.

Материалы, опубликованные в данном сборнике, не только дают обзор ключевых событий, они также имеют целью побудить читателя к продуктивному мышлению. Мы делали все возможное, чтобы наши публикации стали импульсами в процессе формирования общественного мнения. Надеемся, что в этом году у нас все получилось, и вы почерпнете из наших статей много полезной информации к размышлению.

Николаос Гавалакис, Ольга Васильцова

Недооцененный соперник?

Как Китай укрепляет позиции в Евразии, пока Россия отвлекается на Запад

Ричард Гирагосян

На протяжении большей части истории в Евразии пересекались интересы нескольких конкурирующих империй, прежде всего российские, персидские и турецкие. Подобно «большой игре», определяющей геополитику большей части материка того времени, в постсоветской Евразии появилась тенденция растущего соперничества между Россией и Китаем. В этом контексте активное восстановление Россией своей власти и влияния столкнулось с не таким очевидным, но не менее влиятельным китайским участием на большей части постсоветского пространства. И во многих отношениях этот растущий конфликт интересов России и Китая станет значительным и динамичным новым фактором в современной геополитике Евразии.

В последние годы безопасность и стабильность многих бывших советских республик все чаще становились заложниками вновь заявившей о себе конфронтации между Россией и Западом. Как показало применение российской «жесткой силы» и военной агрессии против Грузии и Украины, такое противостояние обусловлено и определяется стремлением России восстановить доминирующую позицию контроля над Евразией как естественной сферы влияния.

И хотя это противостояние также включало в себя и другие рычаги влияния – от традиционного экономического давления до более тонких инструментов «мягкой силы» – оно, как правило, только усиливало неуверенность и нестабильность на всей территории материка.

Но помимо российского конфликта с Западом, существует другое, менее заметное, но одинаково важное соперничество между Россией и Китаем. Последнее не настолько конфронтационное, а скорее озаменовано возвращением к историческому соперничеству между Россией и Китаем за геополитическую власть, военные и экономические привилегии в Евразии.

В чем интересы Китая

Для Китая проникновение в Евразию представляет собой стратегическое расширение статуса, которое давно объявлено как «мирный подъем Китая», что по сути означает предложение вернуться к традиционной роли Китая в качестве великой державы в регионах Восточной Евразии. Впрочем, этот фокус также определяется практическими соображениями, поскольку экономика, ориентированная на экспорт и энергопотребление, опирается на последовательную экспансию на новые рынки. И в этом контексте энергетический спрос на китайский рост требует установления приоритетов энергетических резервов Центральной Азии. Энергетический аспект более активного участия китайцев на постсоветском пространстве является наиболее заметной областью и даже повлиял на развитие транспортных и транзитных трубопроводов, которые все чаще уклоняются от западных рынков для принятия и адаптации растущего спроса со стороны Китая с востока.

«Битва титанов»?

Помимо энергетической конкуренции, присущей этому сдвигу с Запада на Восток, конфликт интересов России и Китая проявляется и в двух других областях. Во-первых,

с точки зрения демографии, китайские предприниматели используют слабость Москвы в более отдаленных, слаборазвитых и малонаселенных дальневосточных районах России. Учитывая наличие минеральных и других природных ресурсов в этих регионах, Китай целеустремленно, но неявно укрепляет свои позиции, пока Россия ими пренебрегает.

Второй ключевой элемент стремления Китая к власти и борьбы с российскими интересами в Евразии сосредоточился на создании сети связей с местными постсоветскими элитами в оборонной сфере. Это происходило как в рамках международного сотрудничества, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), так и в двустороннем порядке с каждым из государств Центральной Азии, что привело к постепенной зависимости сферы безопасности от поддержки Китая.

В более долгосрочной перспективе возможным геополитическим последствием этого соперничества может стать «столкновение титанов», тем более что Москва в значительной степени отвлекается на противостояние Западу (Европейскому союзу, НАТО и США), а также на поддержку военной кампании на востоке Украины.

Такое стратегическое отвлечение российского внимания и ресурсов проложило путь Китаю в Евразию, а еще предложило государствам Центральной Азии важную китайскую альтернативу чрезмерной зависимости от России. Это лишь подтверждает приближающееся «столкновение титанов» – России и Китая. Оно особенно вероятно в случае ослабления санкций против России или когда Москва отступит от своей агрессивной военной кампании против Украины. Другими словами, как только Россия снова обратит внимание на Восток, китайская деятельность в восточной Евразии станет для нее запоздалой проблемой. В этом контексте Россия, несомненно, воспримет Китай как прямую угрозу своим интересам в ее сфере влияния, и у Москвы появится недооцененный соперник.

«Один пояс – один путь»

Дополнительным источником тревоги для Москвы является масштабная и долгосрочная стратегия Пекина в амбициозной инициативе «Один пояс – один путь», которая не только угрожает экономической привилегированности и энергетическим позициям России в Евразии, но и ослабит Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Россия не сможет конкурировать с китайскими инвестициями и новыми торговыми связями, предусмотренными проектом «Один пояс – один путь».

Примечательно, что влияние китайского мегапроекта еще более значимо по двум другим причинам. Во-первых, в дополнение к соперничеству с Россией, инициатива Китая только угрожает усилить коррумпированные местные политические элиты в большей части Евразии, что препятствует демократизации. Во-вторых, связанное с этим негативное влияние ослабит экономическое развитие, поскольку зависимость проекта от непрозрачных, неконкурентных тендеров подорвет реформы, направленные на улучшение подотчетности и конкуренции.

Таким образом на ринге конкуренции в Евразии ожидаются столкновения интересов России и Китая. А масштаб такой «битвы» будет еще долгие годы влиять на стабильность и стратегическую безопасность всей территории Евразии.

⊗ **Ричард Гирагосян** (Richard Giragosyan) – основатель и директор независимой аналитической организации «Центр региональных исследований» (RSC) в Армении.

Равенство в нищете

Почему для большинства постсоветских стран безусловный базовый доход – утопия

Вячеслав Садовничий

Идея безусловного базового дохода получает шанс перейти из разряда теоретических споров в плоскость практической реализации. Во многих странах начинают пилотные проекты, чтобы выяснить последствия перевода граждан на полное обеспечение.

О чем идет речь? Концепция безусловного базового дохода (ББД) предполагает обязательство государства регулярно выплачивать каждому человеку фиксированную сумму денег. Ее должно хватать для удовлетворения минимальных потребностей (де-факто это прожиточный минимум) – базовость дохода, а факт выплаты не должен зависеть от наличия у человека работы, других заработков, сбережений, активов – безусловность дохода. Выплату должны получать все: от безработного до миллионера.

Многие воспринимают эту идею как утопическую, проводя параллели с построением коммунистического будущего по принципу «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»: мира, где работа не является необходимой для выживания.

Современные государства поддерживают элементы базового, хоть и не безусловного дохода, в виде временной социальной помощи. Даже введение минимальной зарплаты отвечает правилу базовости, что человек не может получать доход ниже критического уровня. По такому же принципу выплачивается пособие по безработице, пока не найдена работа.

Желание искоренить бедность и нищету было ключевым при обсуждении идеи ББД в Индии и африканских странах (Кения, Намибия и Уганда). В дискуссиях в европейских странах на первый план выходили цели уменьшения экономического неравенства и решения проблемы структурной безработицы, когда закрытие устаревших отраслей лишает людей рабочих мест. Частью этой проблемы является технологическая безработица, ведь автоматизация труда повышает продуктивность экономики, но снижает потребность в человеческом труде – не только физическом, но и умственном.

Но если в США, где уровень безработицы упал до рекордно низких 4,1%, проблема защиты бедных остро не стоит, то в Европе безработица все еще высока – 7,3%, а обсуждение идеи безусловного базового дохода кажется простым решением проблемы.

Выплата безусловного базового дохода позволила бы людям не только больше времени потратить на поиск работы, а побудила бы переквалифицироваться на более оплачиваемую специальность, или позволила заниматься тем, что им нравится, а не только тем, что позволяет оплачивать счета. В таком контексте идея безусловного базового дохода обсуждалась в Германии, Италии, Нидерландах, Франции, но на пилотный проект, организованный правительством, решилась лишь Финляндия.

Эта страна в 2017 году запустила двухлетнюю программу. Из 177 тыс. безработных были отобраны 2 тыс. человек, которым начали выплачивать ежемесячно по 560 евро. Выплата, сопоставимая с пособием по безработице, не прекращается даже после трудо-

устройства. От успехов программы зависит, будет ли она внедрена на постоянной основе и охватит ли всех граждан. Пока что пилотный проект затронул лишь 0,036% населения, которым за два года выплатят всего 27 млн евро. Тогда как попытка распространить эксперимент на 100% населения будет стоить в тысячи раз больше.

В Финляндии поддержка идеи безусловного базового дохода падает с 70% до 35% после того, как респондентов предупреждают о повышении налогов для финансирования выплат

Именно фантастическая стоимость ББД привела к провалу референдума в Швейцарии – первого в мире плебисцита по внедрению всеобщего безусловного базового дохода. 77% швейцарцев в июне 2016 года отказались от выплаты в размере 2500 франков (и 625 франков на ребенка). Они осознали, что даже у богатой Швейцарии нет лишних денег, а для финансирования выплат потребуется поднять налоги на 200 млрд франков. Это перераспределение денег из одного кармана в другой понравилось всего 23% тех, кто пришел на референдум. Внедрение безусловного базового дохода привело бы к демонтажу системы господдержки: соцвыплаты на 55 млрд франков пошли бы «под нож», и социально незащищенные граждане получили бы не увеличение доходов, а те же самые суммы, но просто под другим названием. Подобное урезание соцподдержки произойдет и в Финляндии, если государство одобрит идею ББД по 800 евро для всех.

В постсоветских странах пока не было серьезного изучения общественного мнения по этому вопросу, которое бы позволило получить ответы на ключевые вопросы. Во-первых, готовы ли граждане из своих налогов, а ведь поступления в госбюджет в основном состоят из налоговых платежей, платить безусловный базовый доход абсолютно всем, даже олигархам и предпринимателям, или все же базовая выплата не должна быть безусловной, а ее должны получать только самые бедные и социально незащищенные?

Во-вторых, согласно ли население, что выплата безусловного базового дохода может привести к полному демонтажу не только системы социального обеспечения, но и солидарной пенсионной системы. Ведь ни одна страна не может позволить себе отдавать гражданам вдвое больше денег, чем они платят ей, а попытка финансировать такие выплаты за счет роста госдолга неизбежно завершится банкротством страны.

И ключевой вопрос: готовы ли мы платить больше налогов, если выяснится, что даже после полной отмены социальных выплат у государства не будет хватать денег для всеобщей выплаты базового дохода? В той же Финляндии опросы показывали, что поддержка идеи безусловного базового дохода падает с 70% до 35% после того, как респондентов предупреждают о повышении налогов для финансирования выплат.

Ответы «нет» на эти вопросы делают маловероятным внедрение ББД на постсоветском пространстве. Даже грубые подсчеты показывают, насколько невыполнимой может оказаться эта задача.

К примеру, официальный прожиточный минимум в Украине составляет 1700 грн (около \$60 по состоянию на январь 2018 года). Дискуссионным остается вопрос, можно ли прожить месяц на эти деньги. Но даже если взять их в основу безусловного базового до-

хода, то 42,4 млн человек потребуется выплатить 865 млрд грн (почти \$30 млрд). Тогда как все доходы госбюджета-2018 ожидаются всего в размере 918 млрд грн (\$32 млрд).

Очевидно, что введение всеобщего ББД потребует дополнительных денег, даже если будут отменены все социальные программы и пенсии. А повышение налогов для украинцев для финансирования ББД приведет лишь к изъятию у них тех сумм, которые они получают в качестве ББД. Это игра с нулевым результатом, которая лишь побудит украинцев уйти в тень и не платить налоги, но при этом ждать, что государство «из воздуха» будет платить им обещанный базовый доход.

В случае Украины объем ББД составил бы размер госбюджета

Финляндия занимает 14-е место в Европе по ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (\$42,2 тыс.), а Украина на предпоследнем месте среди 45 стран (\$8,3 тыс.). По международным стандартам, порядка 60% украинцев находятся за чертой бедности, но лишь 12% украинцев признают это. Но ни бедность, ни богатство не упрощают ревизию «общественного договора»: если в случае Украины объем ББД составил бы размер госбюджета, то в Финляндии он вполне может его превзойти.

Раздать деньги людям – это не ответ на сложные социальные проблемы, тем более если денег нет. Общество должно понимать, что конкретно оно хочет. Ликвидировать бедность и сопутствующую ей преступность и социальные проблемы? Лишить часть населения стимула работать, чтобы устранить безработицу, вызвать дефицит рабочих рук и повысить зарплаты тех, кто продолжит работать? Или может быть цель простимулировать экономику с помощью роста потребительского спроса? Должны быть конкретные задачи и просчитанные последствия изменений, чтобы не спровоцировать гиперинфляцию, девальвацию и коллапс финансовой системы.

Выплата ББД не только снизит безработицу, но и вызовет дефицит рабочих рук, когда часть населения откажется от постоянной работы в пользу легкой жизни на диване

Если допустить мысль, что такой проект может быть запущен, то кроме финансового аспекта – а хватит ли у государства денег – будет поднят вопрос влияния инициативы на рынок труда. В теории наличие ББД должно побудить человека не гнаться за любой оплачиваемой, но нелюбимой работой, чтобы суметь прожить от зарплаты до зарплаты. Наличие ББД должно освободить человека от «экономического рабства», позволить выбирать или другую работу, или предпринимательство, или обучение, или даже хобби, которое в будущем может приносить доход и стать основной работой. ББД обеспечит финансированием тех, кто хотел бы помогать людям с ограниченными возможностями или заниматься общественной деятельностью.

Поскольку выплата гарантированного дохода не связана с продуктивностью труда и уровнем развития экономики, резкое увеличение доходов работающих граждан привело бы не к сбережению, а всплеску потребительского спроса и инфляции. В итоге ББД уже не покрывал бы базовые потребности и нуждался в повышении. К тому же воплощение идеи «кто не работает, тот ест» могло бы привести к интеллектуальной деградации общества и остановить экономический рост. Ведь выплата ББД не только снизит безработицу (люди перестанут искать работу), но и вызовет дефицит рабочих рук в случае, когда часть населения уволится и откажется от постоянной работы в пользу легкой жизни на диване. Они даже увидят в этом свою миссию: «чем больше денег из бюджета раздадут людям, тем меньше украдет власть».

Высока вероятность, что базовый доход будет выплачиваться только тем, кто не способен заработать даже минимальный доход

Несмотря на эти риски, важно понимать: если опыт Финляндии окажется успешным, и она сможет масштабировать позитивный результат, его попытаются повторить в других странах. Развивающиеся страны с помощью ББД попытаются ликвидировать бедность, а развитые страны – ответить на вызовы постиндустриальной экономики: роботизации производства и появления социальной группы лишних людей.

Идею безусловного базового дохода могут подхватить политики социалистического толка, но внедрение ББД выглядит популистским не только в развивающихся, но и в развитых странах. Это не означает, что не стоит проводить эксперименты среди самых бедных категорий населения. Наоборот, практика раздачи безусловных выплат позволит выяснить, что изменится в социальном поведении, что будет в этом случае с уровнем их доходов, их желанием работать и продуктивностью. Поэтому высоковероятно, что в ходе обсуждения идеи ББД она может лишиться черты «всеобщего», а базовый доход будет выплачиваться не всем, а только тем, кто не способен заработать даже минимальный доход. То есть элементы ББД позволят модернизировать систему социальной поддержки, заменить специализированные выплаты, пенсии и субсидии.

Ⓞ **Вячеслав Садовничий** (Vyacheslav Sadovnychiy) – главный редактор информационно-агентства «Финансовый клуб». Свыше 13 лет работает в сфере финансовой журналистики: с 2006 по 2014 год возглавлял отдел экономики и финансов газеты «Коммерсантъ-Украина», после чего руководил интернет-порталами о финансах FinMaidan и FinClub. Окончил проекты Digital Future of Journalism (DFJ) и Centre for Excellence in Economic Journalism at Kyiv School of Economics (CEEJ).

Новый Восточный блок готов?!

Будапешт, Варшаву, Вену и Прагу не устраивает наднациональная власть ЕС

Пауль Хокенос

Еще год назад самые тяжелые баталии Евросоюза происходили между богатым Севером и погрязшим в долгах и экономических проблемах Югом.

Но сегодня большую озабоченность вызывает разрыв между либеральным, ориентированным на интеграцию Западом и националистически ориентированным Востоком, который охватывает некоторые, но не все страны Центральной Европы.

События в конце 2017 года в Брюсселе, Будапеште, Варшаве, Праге и Вене являются однозначным тревожным свидетельством того, что ЕС сталкивается с экзистенциальной дилеммой в противостоянии с националистическими лидерами Центральной Европы во главе с Польшей и Венгрией.

Проевропейские наблюдатели, например, Даниэль Кон-Бендит, считают, что для сопротивляющихся стран возможность выйти из Союза в стиле «Брексита» может быть лучшим решением сохранить ЕС таким, каким мы его знаем.

В свою очередь Россия, хоть и не является инициатором противостояния, но на протяжении многих лет пыталась посеять раздор между членами ЕС и теперь наслаждается плодами своих усилий.

Злая ирония состоит в том, что спустя четверть века после крушения Восточного блока коммунистических стран во главе с Москвой, который европейцы нехотя терпели, в центре Европы появился новый Восточный блок.

На этот раз он добровольно благосклонен к России и ее авторитарному лидеру Владимиру Путину, подход и националистический дух которого выглядят привлекательнее, чем либеральные демократии Западной Европы. (Исключение составляет Польша, которая может сопротивляться Путину, так как он вмешивается в регион, и сама Россия в силу исторических событий, однако, как и другие центральноевропейские страны, ценит открытый национальный стиль правления Путина).

Новый Восточный блок является свободным союзом государств, возглавляемых Вишеградской группой (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия), но не ограничивается ею, с аналогичными национально-ориентированными взглядами на ЕС, права человека, парламентскую демократию и отношения с Россией.

В отличие от западных государств ЕС, которые кажутся разобщенными и потерянными в связи с растущим дефицитом ЕС, у него есть видение того, как можно преобразовать Евросоюз: сделать Европу конфедерацией независимых государств, которые будут обладать несколькими наднациональными функциями, помимо зоны свободной торговли.

Эта «Европа наций», как ее часто называют центрально-европейские и крайне правые группы по всему континенту, предполагает суверенные, христианские европейские государства, связанные друг с другом неприятием ислама, с одной стороны, и мультикультурализмом – с другой.

Также под названием «Европа наций» она могла бы быть сильно децентрализованной, в результате чего национальные государства получили бы свободу разработки своих собственных не обремененных ЕС законов в отношении средств массовой информации, судебной системы, гражданских свобод, миграции, госконтроля и других областей.

Конфликт с Польшей

Конфронтации между различными концепциями будущего Европы стали более очевидными, когда 20 декабря Европейская комиссия, исполнительная власть ЕС, объявила судебное разбирательство против Польши за политическое вмешательство в его систему правосудия.

Комиссия обвинила правительство Польши в подрыве фундаментальных ценностей демократических государств. То же обвинение было выдвинуто Будапешту за вмешательство в независимость системы правосудия и средств массовой информации Евросоюза, хотя Комиссия прекратила принимать меры, которые привели бы к приостановлению голосования.

Согласно наихудшему сценарию, Комиссия может лишить Польшу прав голоса в органах ЕС, что является первым в истории наказанием в 60-летней истории Союза.

Согласно другим уставам, Евросоюз может судиться с Венгрией, Польшей и Чехией за их отказ принять обязательные квоты ЕС для лиц, добывающихся убежища. Между тем он подает в суд на Будапешт за «закручивание гаек» для университетов и групп гражданского общества, которые получают иностранное финансирование.

Комиссия утверждает, что в течение последних двух лет правящая партия Польши «Право и справедливость» (ПиС) приняла 13 законов, которые открывают свои суды для политического вмешательства со стороны исполнительной власти.

«С тяжелым сердцем мы решили применить пункт 1 статьи 7 (договора ЕС), но факты не оставляют нам выбора», – сказал вице-президент Комиссии Франс Тиммерманс, ссылаясь на предусмотренный этим положением отказ предоставления права голоса стране-члену за нарушения.

По словам Тиммерманса, Польша нарушила принцип разделения властей, определяющий демократические государства в ЕС. «Судебные реформы в Польше означают, что правовая система страны теперь находится под политическим контролем правящего большинства», – добавил он.

Невзирая на сенсационные заявления в свой адрес, Варшава ответила, что она ничего не нарушила и продолжит «законные» реформы судебной системы. Даже президент Польши Анджей Дуда, который больше не является членом «ПиС», обвиняет лидеров ЕС во лжи, когда они заявляют, что недавние судебные изменения угрожают верховенству закона и демократическим стандартам.

Возможно, еще более впечатляющим и неожиданным стало то, что на защиту Варшавы сразу же встала Венгрия. Премьер-министр Виктор Орбан пообещал наложить вето на санкции ЕС против Польши, если разбирательство пойдет так далеко.

«Мы будем защищать Польшу перед лицом несправедливого, сфабрикованного политического производства», – сказал вице-премьер-министр Венгрии Жолт Шемьен.

Чешская Республика отреагировала более осторожно: премьер-министр Андрей Бабиш, миллиардер с евроскептическими настроениями, убежден, что действия Комиссии «являются следствием отсутствия коммуникации» и санкции «окажут негативное влияние на весь регион».

Комиссии необходимы только 22 из 28 голосов государств-членов, чтобы известить

Варшаву о формальном предупреждении – во всяком случае, план таков. (Германия и Франция уже заявили, что поддержат решение.)

Но для того чтобы фактически приостановить права голоса в Совете министров ЕС, необходимо единогласное одобрение всех государств ЕС, которое как минимум будет блокироваться Венгрией.

Правые настроения Австрии

Новый Восточный блок не соответствует своей старой версии времен «холодной войны». Австрия, фактически являющаяся членом со стороны Запада в тот период, долгое время выступала в качестве моста между Западом и Востоком. Однако Вена утратила этот статус, когда 18 декабря в столицу пришла новая правая коалиция между консервативной Народной партией и ксенофобской крайне правой Партией свободы.

Новое правительство, единственное в Западной Европе с министрами из крайне правых, свидетельствует о том, что австрийская коалиция имеет много общего с правительствами Венгрии, Польши и Чехии: политика в области миграции и беженцев, интеграции в ЕС, приоритетов внутренней безопасности, отношения к исламу и границам. Правая администрация хорошо вписывается в лагерь нового Восточного блока (так бы расположилась и Великобритания, если бы она не решила выйти из ЕС).

В Вене новый премьер-министр Себастьян Курц принял значительные меры, чтобы показать остальной части ЕС, что его правительство не намерено проводить референдум о выходе из Союза, как этого в прошлом требовала Партия свободы.

Тем не менее Австрия не будет поддерживать реформы ЕС – по крайней мере, так, как на это надеялись Париж и Берлин. Новое правительство, как однозначно заявил Курц, хочет ограничить сферы влияния Евросоюза – в том же духе, что и центральные европейцы, которых не устраивает наднациональная власть Брюсселя.

Учитывая, что Партия свободы ответственна за внутреннюю безопасность, оборонные и иностранные дела, вполне вероятно, что ограничительные меры правопорядка откроют новую эру контроля и исламофобии, имеющую больше общего с венгерской моделью, чем с германской.

Будапешт, Варшава, Вена и Прага не являются единственными столицами, в которых исламофобия, настроения против ЕС и страх перед миграцией стали основными столпами поддержки как консервативных, так и националистических политиков-популистов. Они являются частью дискурса каждой европейской страны и потенциальными партнерами в правящих коалициях.

Многие политические партии в посткоммунистической Центральной Европе от стран Балтии до Балкан устали от давления ЕС, что, по их мнению, слишком ограничивает суверенитет, обретенный после освобождения от многолетней советской власти.

Новый Восточный блок готов к работе. Его другом, очевидно, выступает Москва, чьи средства массовой информации – международное пропагандистское оружие России – предоставляют отличную опору для сторонников «Европы наций». Во многих смыслах идея Кон-Бендита становится все популярнее в современной Европе.

☞ **Пауль Хокенос** (Paul Hokenos) пишет с 1989 года на европолитические темы. Он живет в Берлине и Нью-Йорке.

Сильная. Женственная.

Сильным женщинам до сих пор навешивают ярлык ведьмы, но кое-кому удается это использовать в политике

Барбара Тот

Писать о женщинах во власти и их публичных выступлениях не просто. Можно быстро попасть под обвинения в том, что критикуешь женщину, добившуюся успеха, руководствуясь лишь внешними признаками. Ведь этого, мол, никогда не происходит, когда речь идет о мужчинах в однообразных костюмах, и вообще, в итоге все это вредит феминизму. На это можно возразить: мужчин также можно охарактеризовать по их манере одеваться, по самоподаче и связанным с ней формированием своего имиджа. А мужчины и женщины, являющиеся политическими лидерами, сознательно используют эти средства во времена Instagram, Twitter и Facebook. Никогда еще не было так просто продвигать по каналам социальных сетей себя и свой имидж.

Интересно, что при характеристике женщин во власти постоянно повторяются определенные клише и архетипы. От «матери нации», образ которой в прошлом олицетворяли регентши Мария Терезия Австрийская или Луиза Прусская, понятия «кронпринцесса», которое охотно приписывается женщинам, унаследовавшим власть от влиятельных мужчин и поддерживаемых ими, как, например, ранняя Ангела Меркель, бывшая некогда «девочкой Коля», до «ведьмы» – ярлыка, который навешивался на сильных, эмансипированных женщин, в частности кандидата на пост президента США Хиллари Клинтон во время предвыборной кампании 2017 года. Существует типаж «красавица с левыми убеждениями» – здесь достаточно вспомнить хотя бы немку Сару Вагенкнехт или бывшего председателя австрийской партии зеленых Еву Главишниц, равно как и образ «женщины на руинах», вступающей в действие всегда, когда нужно очистить территорию от мусора, который оставили после себя политики-мужчины.

Однако приписывание определенных специфических гендерных признаков охотно используется и в политических играх, например, правыми популистами. Путем сознательного использования в постановочных целях женского начала делаются попытки смягчить имидж праворадикальных и правопопулистских партий, которые связываются преимущественно с мужским, авторитарным и агрессивным началом.

Когда Марин Ле Пен в 2011 году возглавила «Национальный фронт», это была праворадикальная партия. Такой она остается и поныне, но Ле Пен придала ей более дружелюбный, женственный облик. В таком формировании публичного имиджа сыграла роль не только ее внешность. С точки зрения содержания своих высказываний она то и дело занимает по сути псевдофеминистическую позицию. Такая стратегия получила название «феминизм в стиле Perwoll» с намеком на популярное моеющее средство, рекламируемое за свою способность делать одежду более пушистой. Правые берут на вооружение феминистские передвижные декорации, чтобы производить более гладкое, мягкое и безобидное впечатление.

«Права женщин в этой стране вытесняются на задний план», – сетовала Ле Пен, в частности, во время выступления по случаю Дня трудящихся 1 мая. «Это прописная истина, которой сегодня, однако, часто пренебрегают: женщины и мужчины равны между собой везде, во всех отношениях», – заявила она в начале предвыборной кампании.

Как юрист по образованию она использует и свою личную биографию. Ле Пен – мать-одиночка, воспитывающая троих детей, и подает себя как вышедшую из народа и энергичную личность. Разрыв с отцом, который построил эту партию и постоянно мешал ей смягчить партийный имидж своими антисемитскими выпадами, она представила как существующий с древних времен конфликт между отцом и дочерью.

Без зазрения совести Ле Пен использует в своих целях самую знаменитую французскую феминистку Симону де Бовуар. «Я вспоминаю слова Симоны де Бовуар, – пишет она в ежедневной газете L'Opinion: – “Никогда не забывайте, что как только дело доходит до политического, экономического или религиозного кризиса, права женщины оказываются под вопросом”». И тут же добавляет от себя: «Боюсь, что кризис с беженцами – это начало конца женских прав». Поводом для написания статьи стали нападения на женщин в новогоднюю ночь 2015 года в Кельне, после чего многие из тех, кого права женщин почти не волновали, стали выдавать себя за феминисток.

Псевдофеминистские лозунги, направленные против мнимой исламизации страны, – это стратегия, которой пользуется не только Марин Ле Пен и ее племянница Марион, возглавляющие «Национальный фронт» во Франции, но и другие движения правых популистов в Европе и США. Например, бывший председатель партии «Альтернатива для Германии» (AfD) Фрауке Петри, министр финансов Норвегии и глава правопопулистской Партии прогресса Сив Йенсен, глава правительства Польши и партии «Право и справедливость» Беата Мария Шидло или экс-мисс Бельгия Анке ван дер Мееш, представляющая в парламенте правозащитную партию «Фламандский интерес». Дочь Дональда Трампа Иванка изображает из себя сильную женщину, хотя феминизм для нее скорее аксессуар, нежели позиция.

По логике вещей образом врага «феминисток в стиле Perwoll» становятся такие действительно эмансипированные, интеллектуальные женщины, как Хиллари Клинтон

Логичным антиподом и образом врага «феминисток в стиле Perwoll» являются такие действительно эмансипированные, интеллектуальные женщины, как Хиллари Клинтон. Под влиянием мнения, опубликованного и растиражированного правыми медиа во время президентской кампании в США, на нее навесили ярлык представительницы древнего женоненавистнического архетипа ведьмы: расчетливой, коварной, чрезмерно честолюбивой и хладнокровной женщины. Ведьмы всегда были сильными, умными и независимыми настолько, что одновременно внушали и страх. Их наделяли властью над мужчинами. В случае с Клинтон приписывание таких качеств повторяется снова в современной форме.

Честолюбивые женщины, возведенные в ранг предательниц. Такое не раз бывало в истории. Американская ученая-социолог Сьюзен Бордо исследовала биографию одной из наиболее знаменитых и интригующих представительниц этого типа – Анны Болейн (1501-1536), второй жены короля Англии Генриха VIII. Чтобы жениться на ней, Генриху пришлось отречься от римско-католической церкви и основать англиканскую. Позже Анна попала в немилость и была казнена по обвинению в мнимой супружеской и государственной измене.

Для Бордо параллели с Клинтон очевидны. В интересном эссе под названием «Изобретение и уничтожение Хиллари Клинтон» она пишет, что его героиня не была неправильным

кандидатом, ее сделали таковой. К этому приложилась не только контролируемая республиканцами пресса, но и ее соперник в стане демократов Берни Сандерс, который хотя и не называл Клинтон лгунией, но поносил в качестве кандидата от Уолл-стрит.

Одним из ключевых моментов избирательной кампании стало воспаление легких, в котором Клинтон не сразу публично призналась. Это дало повод обвинить ее в постоянных попытках снова что-то скрыть. «Она должна была лишь показать себя с человеческой стороны» – такой критике подверг ее позже американский режиссер и активист Майкл Мур. И снова Клинтон предстала в своем привычном образе женщины, не сохранившей в себе ничего человеческого.

В этом отношении у «женщины на руинах» дела получше. Ну не парадокс ли это? Чем больше проблем у страны или партии, тем быстрее могут реализовать себя женщины. Премьер-министр Британии Тереза Мэй – хороший тому пример. Вначале она производила впечатление единственного человека, сохранившего здравый рассудок в доме, единственной взрослой женщины, сгребавшей разбитую посуду после неистовой вечеринки мальчишек и пытающейся спасти то, что еще можно спасти.

Мальчишки – это ее однопартийцы. Вначале предшественник Дэвид Кэмерон затеял референдум по Брекситу, а затем подал в отставку. Одержавший победу в результате голосования Борис Джонсон собственно был обязан взяться за свою работу, но его хитростью устранил из игры однопартиец Майкл Гоув. Наиболее примечательно то, что женщины этого поколения лидеров в такие моменты пробивают «стеклянный потолок» не в силу победы феминизма, срабатывания женской квоты или попросту потому, что они были наилучшими кандидатами для такой работы. Верно лишь то, что по всем этим причинам они могут подняться на уровень второго или третьего эшелона.

Однако им позволяют появиться в свете лишь потому, что их солидный прагматизм во времена шатаний и брожений начинает говорить сам за себя. Посмотрите, перед вами практически мыслящая, далекая от эксцентричности женщина, способная снова привести все в порядок! Таково главное послание.

Мистический образ «женщины на руинах» возник после окончания Второй мировой войны, когда в городах бывшего Третьего рейха нужно было убирать руины и пепел, оставшиеся после сброшенных союзниками бомб. Отсутствие «мужчин на руинах» объясняется просто. В конце войны мужчины либо воевали на фронте, либо были интернированы в концентрационных лагерях для принудительного труда. Некоторые из женщин, убравших обломки, делали это не добровольно. Их принуждали к этому союзники из-за того, что они симпатизировали нацистам.

С образом «женщин на руинах» нынче связывается возвеличенное в ретроспективе время восстановления и экономического чуда. Их чувствуют как героев. Во времена восстановления женский труд в плане общественного развития был желательным и необходимым. Вскоре после этого их снова оттеснили на классическую позицию домохозяйки и матери. Такое же положение у многих «женщин на руинах» в политике. Они – личности переходного периода. За ними уже, как правило, маячит наследник. И, конечно же, мужчина.

⊗ **Барбара Тот** (Barbara Tóth) – писатель и журналист. Она руководит рубрикой «Городская и сельская жизнь», а также страницей «Политическая книга» в венском журнале Falter и является автором публикаций отдела «Политика».

Сепаратизм: цепная реакция

С 1990 года все изменения границ в Европе происходили с нарушением международного права

Андреас Цумах

Что общего у следующих территорий: Косово, Крым, Каталония, Чечня, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Венгрия, Шотландия и курдские районы Ирака, Сирии и Турции? После окончания холодной войны каждая из них была объектом попыток отделения или изменения национальных границ.

В Югославии, Грузии и Украине сепаратисты использовали насилие для принудительного перемещения национальных границ с помощью внешних сил (НАТО, Россия). В остальных случаях обстоятельства и исторический фон сильно отличаются.

В течение четырех десятилетий глобальной конфронтации между Востоком и Западом не наблюдалось таких многочисленных попыток, а существовавшие имели мало шансов на длительный успех, не в последнюю очередь потому, что им не хватало поддержки от двух доминирующих держав – Соединенных Штатов Америки, Советского Союза, а также от других государств, имеющих право вето в ООН: Франции, Великобритании и Китая.

Кроме того, среди государств – членов ООН не было единого мнения о том, что не следует ставить под сомнение три основных принципа учредительного устава 1945 года. Устав начинается с фразы: «Мы, народы...», но далее определяет национальные государства в качестве субъектов международного права и членов ООН, подчеркивая их «суверенное равенство», «неприкосновенность их территориальных границ и политического порядка» и «принцип невмешательства во внутренние дела других государств».

В годы холодной войны не наблюдалось многочисленных попыток сепаратизма, а существовавшие имели мало шансов на успех без поддержки доминирующих держав

Например, создание народом игбо республики Биафра в юго-восточной Нигерии в 1970-е годы не получило поддержки на международном уровне и было отменено через четыре года после кровавой войны, начатой правительством Нигерии. Эритрея получила свою – впоследствии признанную – независимость от Эфиопии лишь в 1993 году после 30-летней войны. Напротив, Сомалиленд, который объявил о своем выходе из Сомали в 1991 году, по-прежнему признается только тремя африканскими странами. Во всех трех случаях сепаратисты ссылались на «право народов на самоопределение». Это право закреплено и в Уставе ООН, но без каких-либо правил его реализации и без разрешения конфликта с тремя основными принципами Устава.

Однако после окончания холодной войны ЕС применил это «право» для выборочного признания трех югославских республик – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины – в качестве независимых государств после того, как они отделились от Югославии. Это выборочное признание, которое в то время поощрялось прежде всего Германией, происходило без согласования с югославским правительством и несмотря на явное предупреждение Генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльера.

Таким образом был открыт ящик Пандоры произвольных изменений в национальных границах. Восемь лет спустя НАТО создало условия для отделения и независимости Косово с его агрессивной войной против Сербии – войной, которая нарушила международное право. Согласно заключению Международного суда ООН в 2010 году, провозглашение независимости Косово само по себе не является нарушением международного права, но Международный суд не представил никакого заявления о международном статусе Косово.

В результате только 103 из 193 государств – членов ООН признали Косово, в том числе – только 23 из 28 членов ЕС. Косово стало прецедентом, который побудил националистов из числа боснийских сербов требовать выхода своей Республики Сербской из Боснии и Герцеговины и ее присоединения к Сербии.

Чтобы оправдать аннексию Крыма, российское правительство указывает на Косово и этнических русских сепаратистов в Восточной Украине. То же самое касается сепаратистов Абхазии и Южной Осетии в Грузии, поддерживаемых Россией и в настоящее время признанных только тремя другими государствами ООН, а также Приднестровьем, признанным только Москвой.

Запретом на изменение национальных границ пренебрегли в 1990-х годах, и он не может быть восстановлен. Должны быть установлены новые правила для всех будущих территориальных изменений.

В бывшей Югославии и Украине сепаратисты были и являются этнически определенными группами, над которыми доминируют другие этнические группы, или теми, кто подвергается дискриминации и преследованиям со стороны центрального правительства. В случае аннексии Крыма дальнейшие мотивы включают интересы безопасности России в отношении восточной экспансии НАТО, а также попытки исторического обоснования: Россия утверждает, что Крым был частью России с 1783 года, во времена правления Екатерины Великой, до тех пор, пока Никита Хрущев незаконно не передал территорию Украине в 1954 году.

В Венгрии правые популисты, входящие в состав правящей коалиции, используют этнические претензии, чтобы оправдать свои агрессивные призывы к восстановлению «Большой Венгрии» путем включения районов, населенных венгерскими меньшинствами в трех соседних странах: Румынии, Молдове и Украине.

С другой стороны, причины, по которым Каталония желает покинуть Испанию, носят исключительно экономический характер. Каталония, безусловно, является самой богатой провинцией страны, которая больше не желает быть казначеем для более

бедной части Испании. Точно так же итальянская правопопулистская партия «Лига Севера» уже давно выступает за то, чтобы отделить процветающий север от бедного юга страны.

Мотивы шотландцев и северных ирландцев, которые хотят покинуть Великобританию, также отличны: они хотят оставаться членами ЕС и после Брексита.

Какими бы ни были причины и конкретные обстоятельства, за исключением мирного и согласованного разделения Чехословакии и распада Советского Союза на 15 государств, все изменения границы в Европе с 1990 года применили насилие или угрожали его применением, а также не имели согласия между заинтересованными сторонами; они также нарушили Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт (1975 год), Парижскую хартию (1990 год) и другие соглашения и договоренности, которые европейские государства заключили в рамках сотрудничества в ОБСЕ. Некоторые из них нарушают международные законы, установленные Уставом ООН.

**Формулировка «давайте забудем об этом и будем жить как раньше»
являет собой опасный просчет и будет постоянным яблоком раздора**

Запретом на изменение национальных границ пренебрегли в 1990-х годах, и он не может быть восстановлен. Тем не менее должны быть установлены правила для всех будущих территориальных изменений. Они должны быть ненасильственными и требуют согласованных процедур с конституционными нормами, охватывающими все задействованные в процессе стороны.

В рамках ОБСЕ предварительные правила были согласованы, но необходимы уточнения и дополнения положениями об их реализации. Будучи региональной подсистемой ООН, ОБСЕ должна работать над тем, чтобы эти правила были включены в глобальное международное право – с возможными положениями о «праве народов на самоопределение», провозглашенном в Уставе ООН.

Более того, следует также изучить опыт упомянутых изменений границ. Они должны либо укрепляться, либо корректироваться, либо по крайней мере достигать расширенной основы легитимности и принятия посредством процессов обоюдных договоренностей.

Часто звучащее мнение об аннексии Крыма, сформулированное как «давайте забудем об этом и будем жить как раньше», являет собой опасный просчет. При таком подходе Крым станет постоянным яблоком раздора между Москвой и Киевом, между Россией и Западом, а также источником проблем в Европе.

Если ситуация останется неразрешенной, суверенитет Косово, достигнутый войнами НАТО против Сербии, останется источником нестабильности в Юго-Восточной Европе. Косово является коррумпированным мафиозным государством; оно не предлагает будущего для молодого поколения и служит предостерегающим примером того, что отделения и государственные образования, основанные на этнической однородности, не работают.

То же можно сказать и о Боснии и Герцеговине. Конституция, учрежденная в 1995 году путем Дейтонских соглашений, провозглашает унитарное государство, но передает все

основные полномочия в руки двух этнически определившихся субъектов – Республики Сербской и Мусульмано-хорватской федерации – под эгидой слабого многоэтнического центрального правительства в состоянии постоянного паралича. Если эта конституция не будет исправлена, Босния и Герцеговина так и останется несостоявшимся государством. Поскольку жители страны неспособны внести эти изменения, инициаторы и гаранты Дейтонских соглашений – США, Россия и ЕС – должны взять на себя эту ответственность.

Данная статья впервые вышла в The Security Times, ее перевод публикуется с разрешения правообладателя.

☞ **Андреас Цумах** (Andreas Zumach) – немецкий журналист и публицист, эксперт ООН. Работает международным корреспондентом в печатных изданиях, на радио и телевидении. Автор книги «Глобальный хаос – беспомощная ООН. Устарела ли международная организация?» [2016].

На первый-второй не рассчитывай

Почему не стоит разделять страны «Восточного партнерства» на ассоциированных и неассоциированных

**Кнут Флекенштайн,
Юлия Ваннингер**

Тот, кто считает программу «Восточное партнерство» (ВП) приемной для вступления в ЕС, уменьшает шансы на успех этой политики, предусматривающей намного больше. Смысл этого партнерства заключается в поддержке восточных соседей ЕС в осуществлении политических, экономических и социальных преобразований с тем, чтобы они извлекли выгоду из достижений Евросоюза и регионального сотрудничества, а сам ЕС обеспечил себе стабильное и безопасное ближайшее окружение. Речь идет о максимальном взаимном обмене без членства в институциях ЕС во избежание появления новых линий разделения.

Будучи частью европейской политики соседства, ВП также объединяет в себе два подхода: поддержку ЕС конкретных реформ на двустороннем уровне в сочетании с предложениями тесного сотрудничества, а также создание стимулов для улучшения многостороннего сотрудничества в регионе как между самими восточными государствами-сосеями, так и с ЕС. Поэтому в данный момент ВП столкнулось с двумя вызовами.

Во-первых, ВП нужно добиться успеха в поддержании старта реформ и их эффективной реализации в государствах-соседах, в частности, в Грузии, Молдове и Украине, которые заключили амбициозные соглашения об ассоциации в сферах политического сотрудничества и экономической интеграции, а также договоры об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли. ЕС обязан нейтрализовать убеждение, что с заключением этих соглашений завершен определенный этап, а также противостоять требованиям скорейшего предложения перехода на следующий уровень сотрудничества. Напротив, благодаря этим соглашениям как раз и были созданы возможности для более тесного партнерства с долгосрочной перспективой.

Во-вторых, ВП оказалось перед вызовом разделения партнеров на страны, заключившие соглашения об ассоциации с ЕС, и страны, не имеющие таковых. Например, Грузия, а с ней и Молдова, и Украина всеми силами стараются на основе соглашения об ассоциации добиться от ЕС еще большего желания идти им навстречу. Несмотря на неоднократные призывы к политике, точно подогнанной под отдельных соседей, ЕС не должен отходить от своих целей улучшить многостороннее сотрудничество между восточными партнерами. Этого можно добиться лишь путем сохранения хотя бы минимального уровня консолидации внутри «Восточного партнерства» и ухода от перманентного разделения на каждом форуме ассоциированных и неассоциированных партнеров. В конечном счете залогом долгосрочной стабильности и безопасности является именно партнерское сотрудничество между всеми соседями. Кроме того, в интересах ЕС стимулировать распространение эффекта перелива странами, успешно реализующими реформы, связанные с Соглашением об ассоциации.

К сожалению, иногда ЕС посылает непонятные сигналы своим соседям, когда речь идет о миссии «Восточного партнерства». Желание именно восточных стран – членов ЕС перенести свой рецепт в осуществлении успешных преобразований на непосредственных соседей, то есть использовать предложение вступления в ЕС как стимул для демократизации и рыночных реформ, вполне понятно. Однако Евросоюзу и его парламентариям в отношениях с партнерами и особенно в публичных выступлениях в самих

странах-соседах следует избегать подпитки нереалистических ожиданий от партнерства и ложных надежд на перспективу вступления.

Своей неоднозначной позицией по вопросу о конечной цели «Восточного партнерства» ЕС не оказывает услугу ни себе, ни партнерам. Напротив, такой позицией он провоцирует конфликты: относительно политических целей внутри самого ЕС, внутривнутриполитические дискуссии у соседей и внешнеполитическое напряжение в отношениях с Россией. И институции ЕС, и государства – члены ЕС должны удостовериться в своей исходной задаче: «Восточное партнерство» не является одномерной и ориентированной только на вступление в ЕС политикой расширения. Оно – как и следует из его названия – создает рамочные условия для партнерского сотрудничества между восточными соседями и с Европейским союзом.

Евросоюзу следует избегать подпитки нереалистических ожиданий от «Восточного партнерства» и ложных надежд на перспективу вступления в ЕС

В центре дискуссии о дальнейшем сотрудничестве в рамках ВП должны стоять такие вопросы: как ЕС может оказать наиболее эффективную поддержку своим восточным соседям в укреплении демократических институтов, утверждении верховенства права, модернизации экономики и достижении общественного прогресса? При помощи каких инициатив можно расширить региональное сотрудничество таким образом, чтобы оно оказало позитивное влияние и на безопасность, личные свободы и экономический обмен? Поэтому новые инициативы в вопросах кооперации должны быть связаны с эффективной реализацией согласованных реформ, дабы, с одной стороны, добиться вознаграждения амбициозных реформаторских усилий, а с другой – сохранить стимулы для достижения успехов в процессе дальнейших преобразований. Кооперационные проекты должны быть нацелены на содействие развитию малых и средних предприятий, расширение трансграничной инфраструктуры на транспорте и в энергетике, облегчение контактов на уровне гражданского общества и поддержку обмена в сфере образования и научных исследований.

Если ЕС хочет реализовать цели своей политики ВП, то есть партнерского сотрудничества в рамках восточного соседства со странами-соседями, тогда ему и в дальнейшем следует воспринимать всерьез региональное измерение этой политики и даже усилить его. Деление партнеров на ассоциированных и неассоциированных не отвечает интересам ЕС. Главным посланием ЕС, как и прежде, должно оставаться то, что политического и экономического успеха в долгосрочной перспективе можно достичь лишь путем партнерского сотрудничества со своими соседями.

Ⓞ **Кнут Флекенштайн** (Knut Fleckenstein) с 2009 года является депутатом Европейского парламента, координатором социал-демократической фракции в комитете по внешней политике. Вместе с коллегой из Литвы Лаймой Люсией Андрикиене был автором программы «Восточного партнерства».

Ⓞ **Юлия Ваннингер** (Julia Wanninger) – руководитель офиса Кнута Флекенштайна и научный сотрудник, консультирует по вопросам внешней политики в отношении России, «Восточного партнерства» и политики расширения на Западных Балканах.

Секс, церковь и Совет ЕС

Конвенция Совета Европы о борьбе с домашним насилием вызвала жесткое разногласие в Болгарии

Хелене Кортлендер

Болгария хотела использовать свое первое председательство в Совете ЕС, чтобы исправить свой имидж отсталого, страдающего от коррупции государства на европейской периферии и смягчить сопротивление вступлению в Шенген и еврозону. Однако сейчас, вместо того чтобы начать председательствовать с таких перспективных тем, как молодежь и дигитализация, и действовать в качестве регионального игрока и поверенного западно-балканских государств, на первый план выходит параноидально окрашенная дискуссия о национальной идентичности, сексуальной морали и границах толерантности.

Министр обороны Красимир Каракачанов обозвал текст Стамбульской конвенции «скандальным». Этот текст якобы пропагандирует «гомосексуальность и трансвестизм в школах», и с его помощью «международные союзы интересов» хотят заставить Болгарию ввести третий пол.

На самом деле речь идет о довольно здравом документе – «Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» – разработанном в 2011 году соглашении, которое должно создать обязательный стандарт борьбы с насилием над женщинами и с домашним насилием.

Этот документ в 2016 году был подписан болгарским правительством без особого общественного внимания. Теперь же, когда для старта болгарского председательства в Совете ЕС необходимо ратифицировать соглашения, на первом в этом году заседании правительства обозначился конфликт: против ратификации голосуют четыре министра меньшего коалиционного партнера – «Объединенных патриотов», а также четыре представителя консервативной партии ГЕРБ («Граждане за европейское развитие Болгарии») премьер-министра Бойко Борисова.

То, что за этим последовало, было кампанией правоэкстремистских «патриотов», которая нашла громкий отклик в медиаландшафте Болгарии. Камнем преткновения является применение понятия «гендер» как социального конструкта вместо понятия «секс» как биологического пола. При этом Конвенция в своих словесных формулировках опирается на определенный коммуникативный дискурс (как результат критического обсуждения и обоснования взглядов и действий участников процесса коммуникации), который в Болгарии просто еще не известен. Пол как социальная роль – это звучит для большинства болгар в лучшем случае глупо, а часто также подозрительно.

Соответствующий этому случаю не очень удачный перевод на болгарский язык предоставил простор для интерпретации, в котором нуждались правопопулистские «Объединенные патриоты» для своей кампании борьбы с воображаемым моральным разложением болгарского общества, направленным извне.

Это повлекло за собой общественную дискуссию об отношении к гомо- и транссексуальности, о правах усыновления, о браке для всех и о гетеронормативности – важную

и запоздалую дискуссию в Болгарии, где открытая гомосексуальность в виде ежегодных прайд-парадов ЛГБТ «День Кристофер-стрит» вызывает жесткую общественную реакцию.

Есть одно но: все это имеет мало общего со Стамбульской конвенцией.

Хотя соглашение и содержит предписание о том, что равноправие полов должно быть зафиксировано в конституциях государств-подписантов, но ни в одном из абзацев и речи нет о третьем поле или о браке для всех.

Соглашение рассматривает актуальный феномен домашнего насилия и насилия в отношении женщин. Это проблема, решением которой Болгария должна заняться точно так же немедленно. Согласно исследованию Центра изучения демократии, опубликованном в 2014 году по поводу вступления в силу Стамбульской конвенции, треть болгарского населения уже стала жертвой домашнего насилия. Особенно высокие цифры были среди ромского населения.

Соглашение рассматривает актуальный феномен домашнего насилия и насилия в отношении женщин. Это проблема, решением которой Болгария должна заняться немедленно.

Драма перешла в следующий акт, когда к всеобщему изумлению председатель Болгарской социалистической партии (БСП) Корнелия Нинова тоже публично дистанцировалась от Конвенции. До сих пор БСП всегда выступала адвокатом прав женщин в Болгарии. Здесь трудно оценить, то ли Нинова лично поддавалась влиянию кампании «патриотов», то ли она всего лишь ориентируется на свою общественно консервативную сельскую базу избирателей. Однако очевидно, что председатель БСП действовала в одиночку и без обсуждения со своей партией – но и в любом случае без консультаций с ее представителями в Брюсселе. Не только одни лишь депутаты от БСП в Европарламенте проголосовали в мае прошлого года за Конвенцию. Для участия в заседании исполнительного комитета БСП в Софию 13 января поехал бывший премьер-министр от БСП и председатель Партии европейских социалистов (ПЕС) Сергей Станишев, чтобы агитировать за Конвенцию. Отношения между Станишевым и Ниновой известны как напряженные; на заседании комитета дошло до ситуации пробы сил, которую Нинова решила в свою пользу: БСП не хочет поддерживать ратификацию Стамбульской конвенции в болгарском парламенте.

Дискуссия уже две недели муссируется болгарскими массмедиа. Также и немецкие памфлеты партии «Альтернатива для Германии» против «гендерного безумия» курсируют в Facebook и иных социальных сетях.

И в довершение ко всему болгарская православная церковь, которая обычно не делает политических заявлений, потребовала от болгарского парламента отклонить ратификацию Конвенции. По мнению церкви, в соглашении содержится новый образ безбожно-го человека, который получит право даже свой пол определять самостоятельно.

«Объединенным патриотам» с помощью упомянутой выше кампании удался первый политический удар в период их правления, что оказалось неприятным сюрпризом также и для премьер-министра Борисова. Это позволило в особой степени задеть главу прави-

тельства – в отличие от многих других глав правительств в Восточной Европе он слышит явным проевропейцем. Хотя болгарское население также смотрит в сторону Европы и ожидает от вступления в Европейский союз экономического подъема, конца коррупции и более высокого уровня жизни, в культурном аспекте особенно старое поколение находится ближе к путинской России. Либеральное общество этнического и сексуального многообразия? Это не должно быть никаким побочным продуктом интеграции в Евросоюз и уж тем более его целью.

Согласно последнему опросу, 62 процента болгар настроены против одобрения Конвенции

Между тем недавнее заявление Борисова о переносе ратификации на момент завершения председательства больше не могло сгладить волны общественного возмущения. В очередном выступлении фракции ГЕРБ решено подвергнуть Конвенцию проверке на конституционность в Верховном суде.

Напротив, Корнелия Нинова предчувствует ветер перемен и призывает к проведению национального референдума по ратификации. Она не только может забить клин в правящую коалицию. Она знает также, что за ней стоит большинство населения: согласно последнему опросу, 62 процента болгар настроены против одобрения Конвенции.

То, что борьба против домашнего насилия может стать жертвой партийно-политических расчетов, как видно, не мешает ни «Объединенным патриотам», ни социалистам. А на опыте Борисова учатся соседи: хорватский президент Колинда Грабар-Китарович, которая ранее была сторонницей Конвенции, недавно призвала к реализации только тех частей соглашения, которые не станут причиной «никакого общественного разногласия».

Имеется в виду именно то разногласие, которое Болгария жестко держит под контролем. Оно возникает, вероятно, в ненужное время. И приходит, безусловно, с ненужными знаками, а именно: в тоне и направлении, задаваемых правыми радикалами. Но при этом Болгария борется сама с собой и не может решить, кто же хочет быть в Европе. Необходимость принятия этого решения уже давно назрела.

☞ Д-р **Хелене Кортлендер** (Helene Kortländer) руководит офисом Фонда им. Фридриха Эберта (FES) в Болгарии. Ранее она работала для FES в Берлине и Израиле.

Три пути после выборов, Россия

Какой вариант выберет Путин, определяющий сейчас свою политику на следующие шесть лет?

Евгений Гонтмахер

Никто не сомневается в том, что 18 марта Владимира Путина переизберут президентом на очередные шесть лет с огромным отрывом от всех конкурентов. На первый взгляд, его авторитет непоколебим: рейтинги одобрения фактически бессменно президента вот уже 18 лет достигают 80%. Но это иллюзия. На самом деле Россия беременна радикальными изменениями. Вот только непонятно, что появится на свет: реформы, возвращающие страну на европейский путь, или катастрофа, угрожающая не только самой России, но всему международному сообществу.

Российское общество построено на имитации принципов демократии, рыночной экономики и прав человека. Эта конструкция политической системы, подкрепленная сверхдоходами в госбюджет от продажи нефти и другого сырья, всегда показывала свою высокую устойчивость. В действительности же все функционирует вокруг одного реально действующего института: несменяемой власти и ее главного лица – Владимира Путина. Чтобы скрыть этот факт, работает мощнейшая пропагандистская машина, контролирующая все основные средства массовой информации, а любая настоящая политическая оппозиция загнана в маргинальное положение.

В то же время экономическая модель, построенная на экспорте сырья, оказалась хрупкой. Еще в 2013 году, когда цена нефти достигала \$110 за баррель и кризис в российско-украинских отношениях еще не перешел в открытую форму, ВВП увеличился всего на 1,3%. А наступившее затем резкое падение цен на нефть и газ, введение санкций против России в связи с вмешательством в украинские события сразу же остановили экономический рост, и уже пятый год подряд реальные доходы населения падают. Все еще высокий рейтинг доверия к Владимиру Путину теперь сочетается с тревожными ожиданиями граждан в отношении своего социального будущего и экспертным консенсусом о том, что России срочно необходимы реформы.

Все еще высокий рейтинг доверия к Путину теперь сочетается с тревогой граждан о социальном будущем и экспертным консенсусом о том, что России срочно необходимы реформы

Где же искать решение возникших проблем? Тут мнения расходятся. Некоторые эксперты считают, что в политической системе ничего менять не надо, поскольку формирование институтов европейского типа займет слишком много времени, возможно, десятилетия. Поэтому для возобновления экономического роста на уровне не менее 4% в год достаточно предоставить предприятиям дешевые кредиты и снизить налоги. Это можно до-

полнить косметическим ремонтом судебной и правоохранительной систем, введением новых мер социальной поддержки.

Другие, концентрирующиеся в основном вокруг бывшего министра финансов Алексея Кудрина, настаивают на том, что простая накачка экономики деньгами не только не обеспечит экономический рост, но, наоборот, приведет к всплеску инфляции и только ухудшит инвестиционный климат. Эта группа экспертов считает, что в ближайшие годы надо увеличить вложения в человеческий капитал (образование, здравоохранение), инфраструктуру (дороги, связь) и внедрить новые технологии (дигитализация, роботизация и т.д.). Кроме того, нужно радикально повысить эффективность государственного управления. А это невозможно без открытости экономики и общества по отношению к Большой Европе, частью которой Россия по-прежнему является.

От бессменности власти и авторитаризма нужно переходить к реальной демократии

Понятно, хотя это и не произносится публично, что реформы, предлагаемые группой Алексея Кудрина, не имеют шансов на успех без смены политического режима в России. От бессменности власти и авторитаризма нужно переходить к реальной демократии с присущей ей жесткой политической конкуренцией, независимым судом и полноценным местным самоуправлением. Очевидно, что такой разворот повлек бы за собой изменения во внешней политике России: разворот от нынешнего изоляционизма с элементами немотивированной агрессивности к партнерству с Западом, основывающимся на общих базовых ценностях.

Есть и третья точка видения пути развития России после 2018 года. Ее идеологи считают, что страна представляет собой особую, неевропейского типа цивилизацию, построенную на так называемых традиционных ценностях. Главной из них, если отбросить демагогию о нуждах человека, является государствоцентризм. Именно государство выступает в качестве сакральной сущности по отношению к личности, которая должна ему служить. Например, нынешний председатель Конституционного суда Валерий Зорькин на страницах правительственной «Российской газеты» заявил: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации». А Владимир Путин объявил Россию «государством-цивилизацией». За этим мировоззрением скрывается все тот же весьма прагматичный смысл: все, кто критикует государство (а точнее, олицетворяющих его людей), – враги России. Таким нехитрым, но эффективным способом обеспечивается идеологическое обоснование несменяемости нынешней власти.

Описанная выше точка зрения в значительной степени реализована в России в рамках становления нынешнего авторитарного режима. Это привело и к экономическому кризису, и к формированию того типа внешней политики, который стал причиной резкого обострения международных отношений и введения против России санкций.

Таким образом, у Владимира Путина, определяющего сейчас свою политику на следующие шесть лет, есть меню из трех описанных выше альтернатив: «косметический ремонт», «Большая Европа» и «особый, неевропейский путь».

Какой вариант он выберет?

Судя по его посланию Федеральному собранию, оглашенному 1 марта, наиболее вероятный вариант – «косметический ремонт» (но без накачки экономики дешевыми деньгами), соединенный с элементами «государства-цивилизации».

У Путина, определяющего сейчас свою политику на следующие шесть лет, есть меню из трех альтернатив: «косметический ремонт», «Большая Европа» и «особый, неевропейский путь»

О «Большой Европе», судя по всему, речь не идет. От нее будет взята риторика, которая должна будет доказать общемировую прогрессивность проводимой политики: «Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширять пространство свободы, причем во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам».

Но на деле, как это происходит практически на протяжении всего периода президентства Путина, все тенденции ведут от «Большой Европы». В той же самой программной речи он почти час посвятил описанию новых видов вооружений, которые позволяют России получить безоговорочное превосходство в этой сфере. Но как это совмещается со статусом «открытой миру» страны, амбициозным планом социального развития и инфраструктурного строительства, о которых он в этой же речи говорил?

Очевидным фактом остается то, что от проевропейских реформ России никуда не деться

Проблема России не только в том, что ей просто не хватит денег и на гонку вооружений, и на социальные программы. Инновационное развитие, в том числе и в военной сфере, в XXI веке обеспечивается только свободным человеком, живущим в демократическом обществе. А концепция «государства-цивилизации», которой симпатизирует Владимир Путин, с этим никак не совместима.

Поэтому, скорее всего, предстоящие годы очередного президентства Владимира Путина будут очень непростыми для России. Его желание что-то менять, ничего принципиально не меняя, рано или поздно доведет ситуацию в стране до открытого кризиса. При этом очевидным фактом остается то, что от проевропейских реформ России никуда не деться. Вопрос только в том, какую цену придется заплатить обществу, чтобы они наконец начались.

⊕ Д-р **Евгений Гонтмахер** (Evgenii Gontmacher) – член экспертной группы «Европейский диалог», профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Элегантный юрист во главе дипломатии

Какие изменения повлечет за собой назначение Хайко Мааса министром иностранных дел ФРГ

Николаос Гавалакис

В Германии назначен новый министр иностранных дел. Отныне дипломатию этой страны возглавляет не Мартин Шульц и не Зигмар Габриэль, а новичок во внешней политике Хайко Маас. Назначение Мааса стало откровенной неожиданностью, ведь оба его предшественника, социал-демократы Франк-Вальтер Штайнмайер и Зигмар Габриэль, вступали в должность с достаточным опытом деятельности на международной арене – в качестве бывшего главы Ведомства федерального канцлера или же министра экономики. В отличие от них Маас в этом смысле – табула раса.

Элегантный и сдержанный 51-летний юрист родом из Саара, региона на границе с Францией, высказывает свою позицию, не сглаживая острых углов. Его моральные ориентиры четко определены. За четыре года работы в должности министра юстиции Германии он придерживался твердой позиции против расизма, правого экстремизма и ксенофобии. Маас постоянно подвергал самой острой критике лозунги правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (AfD) и осуждал атаки на беженцев и их лагеря. Таким образом он стал объектом яркой ненависти и явной вражды со стороны правых и получал многочисленные угрозы в разных формах: однажды в почтовый ящик его частной квартиры бросили девятимиллиметровый патрон с письмом, в котором указывались место, дата и время его убийства.

За время пребывания Мааса в должности главы министерства юстиции особенно запомнились два закона: закон о резервном хранении персональных данных пользователей и закон против ненависти в интернете, так называемый закон о Фейсбуке. При принятии первого он продемонстрировал свою гибкость и склонность к прагматизму: после длительного периода негативного отношения к хранению персональных данных пользователей в 2015 году он, по желанию тогдашнего главы СДПГ Зигмара Габриэля, поменял свое мнение и сравнительно быстро добился принятия этого закона. «Закон о Фейсбуке» в свою очередь был направлен против преступности на почве вражды, травли и фейков в Интернете, прежде всего в социальных сетях. Поскольку благодаря этому закону появилась возможность удаления контента определенного направления, противники Мааса раскритиковали этот закон как вмешательство в свободу слова. Принятие данного закона можно также считать реакцией на использование фейковых новостей во время президентской предвыборной кампании 2016 года в США.

Европейское сотрудничество против авторитарных сил

На первый взгляд в фокусе внимания нового шефа немецкой дипломатии остается Европейский союз. «Я родом из сердца Европы. И я европеец в глубине своей души», – отметил он в своей речи по случаю вступления в должность в Федеральном министерстве иностранных дел Германии. Однако роль главы внешнеполитического ведомства Германии за последние 10 лет претерпела значительные изменения. Со времени финансового кризиса 2008 года интересы Германии в ЕС представляют главным образом министр финансов или же сам федеральный канцлер. Поле деятельности министра иностранных дел в боль-

шинстве случаев начинается вне пределов ЕС и ориентировано преимущественно на непосредственных соседей, из которых следует назвать в первую очередь страны Северной Африки, Ближнего Востока, Восточного партнерства, а также Израиль, Турцию и Россию.

Интересно, будет ли Маас в качестве министра иностранных дел выступать за верховенство права, свободу прессы и права человека в той же степени, что и в должности министра юстиции?

Еще в недалеком прошлом Маас требовал более жесткого подхода в отношениях с Турцией, а во время своего первого зарубежного визита во Францию назвал конфликт на востоке Украины по-прежнему одним из главных внешнеполитических приоритетов: «Наша поддержка территориальной целостности по-прежнему непоколебима». Но в отличие от своего предшественника Габриэля при этом он не упомянул о возможности смягчения санкций в отношении России. Итак, можно ли говорить о первом смещении акцентов?

В целом вполне вероятно, что Маас возьмет более жесткий курс по отношению к Москве. Он продемонстрировал полное понимание ответных мер со стороны Британии в связи с отравлением в Сейлсбери бывшего офицера ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, а также раскритиковал отсутствие готовности со стороны России способствовать раскрытию этого преступления.

Еще в 2017 году он предостерегал от восприятия мира в Европе как некой данности: «Тот, кто сомневается в справедливости этого утверждения, должен посмотреть в сторону востока Украины. Сплоченный европейский континент должен продемонстрировать свою силу Путину как раз в момент появления у ворот Европы агрессивной и авторитарной силы». Одновременно в духе традиций социал-демократов он подчеркнул, что в рамках своей официальной деятельности должен и впредь сохранять диалог. Возможно, после президентских выборов в России благодаря Маасу станут возможными возрождение Нормандского формата и посреднические успехи в урегулировании конфликта на востоке Украины.

Поле деятельности главы МИД Германии в большинстве случаев начинается за пределами ЕС

Ближайшее будущее покажет, какие изменения повлечет за собой приход нового главы немецкой дипломатии. В целом внешняя политика Германии отличается определенной непрерывностью и последовательностью. Даже в случае изменения правящей партии основные направления во внешнеполитической ориентации остаются одинаковыми. Меняются, как правило, лишь нюансы. И все же в должности министра иностранных дел возможны индивидуальное толкование и различный стиль. Это продемонстрировало пребывание в этой должности в течение 14 месяцев Зигмара Габриэля с его не всегда дипломатическими выступлениями. Во всяком случае, следы, по которым предстоит двигаться Хайко Маасу, довольно крупные по размеру.

⊗ **Николаос Гавалакис** (Nikolaos Gavalakis) с июня 2017 года является руководителем Регионального офиса «Диалог Восточная Европа» Фонда им. Фридриха Эберта в Киеве. Ранее работал в Представительстве Фонда им. Фридриха Эберта в Афинах, а также референтом по вопросам Западной Европы и Северной Америки в Берлине. Изучал политологию, юриспруденцию и американистику в Майнце и Калифорнии.

На пороге

Почему НАТО не пускает Грузию в свою открытую дверь

Заал Анджапаридзе

Прошло 10 лет с момента подписания итоговой декларации сессии Совета НАТО в Бухаресте, в которой внесена формулировка о неизбежности вступления Грузии и Украины в альянс. С тех пор страны получили лишь статус аспирантов, что дало им возможность быть приглашенными (но они даже не приглашены) для участия в разработке плана действий относительно членства (ПДЧ). Однако и участие в ПДЧ не гарантирует им членства в организации.

Военно-политическое сотрудничество Грузии и НАТО в течение прошедших 10 лет находилось в рамках емкой формулы «Больше НАТО в Грузии и больше Грузии в НАТО», предложенной несколько лет назад спецпредставителем генерального секретаря НАТО по странам Южного Кавказа и Центральной Азии Джеймсом Аппатураем. И действительно, в Грузии появился совместный с НАТО учебно-оценочный центр, деятельность которого предусматривает постоянное присутствие военных инструкторов альянса, в том числе офицеров довольно высокого ранга. На территории Грузии участились и стали более масштабными совместные военные учения. Все эти мероприятия призваны приблизить «тот заветный день», когда НАТО даст «зеленый свет» вступлению Грузии в альянс.

Но несмотря на углубление сотрудничества, НАТО не пускает Грузию дальше своего порога и под разными предлогами воздерживается предоставлять ПДЧ. Одним из главных препятствий являются этнические конфликты в Абхазии и бывшей Южной Осетии. Учитывая степень вовлеченности России в эти конфликты (а в сепаратистских регионах Грузии, признанных Россией в качестве независимых государств после августовской войны 2008 года, на основе двусторонних договоров размещены российские войска), НАТО, естественно, не желает вступать с ней в конфронтацию. В случае членства Грузии это было бы неизбежно, поскольку военному блоку пришлось бы предпринять меры для восстановления территориальной целостности своего члена – Грузии. А это с высокой долей вероятности означало бы задействование 5-й, 6-й статей Североатлантического договора, когда вооруженное нападение на одно или несколько государств альянса рассматривается как нападение на альянс в целом.

Еще в начале сотрудничества Грузии и НАТО за закрытыми дверями прорабатывались варианты возможных уступок и компромиссов, на которые могла бы пойти Грузия ради членства в альянсе. Известно, что США, как самый влиятельный член НАТО, активно лоббируют ускорение принятия Грузии в альянс. Поэтому весьма симптоматично, что именно американцы подсказали «креативный подход» к вопросу об ускорении членства.

Совсем недавно известный консервативный американский фонд The Heritage Foundation опубликовал доклад директора Центра международных исследований Люка Коффи, «Членство НАТО для Грузии: в интересах Соединенных Штатов и Европы» (NATO Membership for Georgia: In U.S. and European Interest). Стержнем доклада стала рекомендация, согласно которой Грузия могла бы ускорить вступление в НАТО, минуя ПДЧ, если бы не потребовала от НАТО распространять 5-ю и 6-ю статьи Североатлантического

договора о коллективной безопасности и обороне на занятой российскими войсками территории Абхазии и бывшей Южной Осетии.

Соответственно НАТО предлагается временно пересмотреть положения этих статей. Коффи считает, что гарантия 5-й и 6-й статей НАТО для оккупированных территорий теряет смысл в условиях, когда Грузия заявила о неприменении силы в отношении этих регионов. Поскольку международное сообщество признает отколовшиеся территории неотъемлемой частью Грузии, то по логике Коффи официальный Тбилиси мог бы без особого риска убрать это препятствие на пути к членству в НАТО, дожидаясь времени, когда реинтеграция этих территорий станет возможной, и тогда альянс смог бы их охватить статьями о коллективной безопасности.

Рекомендации Коффи вызвали неоднозначную реакцию грузинского истеблишмента. Реакция разнилась от поддержки до полного неприятия, что само собой является примечательным индикатором общественного настроения на эту тему.

Официальные власти Грузии никак не реагировали на заявления Коффи, что в кулуарных разговорах официальные лица Грузии допускают такой компромисс ради членства в альянсе. Видимо, дальше зондирования почвы дело все же не пошло, учитывая возможный общественно-политический резонанс, который мог посчитать этот шаг фактической сдачей этих территорий в обмен на шанс вступить в НАТО.

Но с другой стороны, рекомендации Коффи не следует с порога сбрасывать со счетов. Не исключено, что эта инициатива – на самом деле информация к размышлению, брошенная американцами в грузинские политические и экспертные круги, которая перекочет в закрытые кабинеты при обсуждении дальнейших отношений с НАТО.

Вывод сепаратистских территорий из-под действия 5-й статьи Североатлантического договора в случае членства Грузии в НАТО может упереться в несколько препятствий. Во-первых, заявление Грузии о неприменении силы в отношении отколовшихся регионов не подкреплено документально, а вербального заявления будет явно недостаточно. Господин Коффи почему-то не учитывает, что Грузия отказывается подписать с Абхазией и бывшей Южной Осетией соответствующие договоры, считая, что в правовом отношении это означало бы признание их сторонами договоров и, соответственно, независимыми субъектами. В этой связи возникает вопрос: каким образом будет решаться эта проблема в случае вступления Грузии в НАТО, если встанет вопрос реинтеграции регионов в состав Грузии? С другой стороны, вряд ли такие действия Тбилиси повысят мотивацию этих регионов реинтегрироваться. Ведь у них будет гарантия, что НАТО их не тронет и не заставит вернуться в Грузию. Более того, другие регионы Грузии, населенные этническими меньшинствами с центробежными настроениями, могут рискнуть последовать примеру Абхазии и бывшей Южной Осетии.

Еще один вопрос, на который доклад Коффи не дает четкого ответа: на какую же часть суверенной территории Грузии могли бы распространяться статьи 5 и 6 Договора НАТО? У Грузии до сих пор не демаркированы и не делимитированы более 30% государственной границы с Арменией и Азербайджаном. Не демаркирована и делимитирована окончательно граница с Россией. Есть нерешенные вопросы и с границей с Турцией.

Таким образом, принятие точки зрения Коффи о частичном покрытии зонтиком безопасности территорий страны – члена альянса, в данном случае Грузии, послужило бы плохим предзнаменованием и потрясло бы те основы и ценности, на которых зиждется НАТО.

Это послужило бы тревожным сигналом и для других стран-аспирантов, например, Украины, также стремящейся к восстановлению своей территориальной целостности. Согласилась бы Украина вступить в НАТО без распространения 5-й статьи договора на Крым и Донбасс, отложив решение этих территориальных проблем до лучших времен?! Кроме того, реализация инициативы Коффи стала бы своего рода демонстрацией боязни НАТО перед Россией и дала бы последней ощущение уверенности диктовать свои условия в регионе.

Неудивительно, что рекомендации Коффи были несколько скептически восприняты в самом НАТО, который все еще раздирают разногласия по поводу сроков вступления Грузии в альянс. Заместитель помощника генерального секретаря НАТО Джэйми Шей, недавно посетивший Тбилиси, в интервью местным СМИ открытым текстом заявил, что рекомендации Коффи – всего лишь предмет для интеллектуальных дебатов и не более. По его мнению, НАТО признает Грузию в пределах международно признанных границ, а присоединение только части грузинской территории противоречит традициям самого альянса.

Итак, можно сказать, что пока инициатива Люка Коффи остается лишь пищей для размышлений, и ее облечение плотью и кровью зависит от международной конъюнктуры и внутренней политической ситуации в Грузии, которая пока не очень восприимчива к такого рода смелым инициативам. А это означает, что Грузии все еще придется сидеть в прихожей НАТО, и намеченный на июль очередной саммит НАТО в Брюсселе ограничится очередными комплиментами и дежурными заявлениями о том, что дверь НАТО открыта.

☞ **Заал Анджапаридзе** (Zaal Anjaparidze) работает координатором программы по мирному диалогу на Кавказе в Международном центре по конфликтам и переговорам. До этого работал в Фонде Европы, в международных проектах USAID по развитию демократии в Грузии, в Кавказском институте мира, демократии и развития, а также главным редактором еженедельника Georgia Today.

Состязание можно считать открытым

Как Китай подрывает доминирующее положение США в Латинской Америке

Сандра Вайсс

Характеристики, которые президент США Дональд Трамп раздает своим южным соседям – от «плохих парней из Мексики» до «грязных дыр» – далеко не дипломатического свойства. Он открыто разрушает Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), хочет построить стену вдоль южной границы

США и не проявляет желания принять участие в Саммите Америк в Лиме. Его отсутствие стало бы своеобразным прецедентом и отчетливым сигналом пренебрежения.

Но тот, кто полагает, что Латинская Америка не играет никакой роли для США, ошибается. И хотя холодное отношение Трампа получило широкую огласку, но латиноамериканскую политику в Вашингтоне определяет не только он. Это делают люди типа неоконсерватора и сенатора от республиканцев Марко Рубио – сына кубинских эмигрантов, или Джона Келли – главы аппарата Белого дома и бывшего главы Южного командования Министерства обороны США, который является главным сторонником расширения американского военного присутствия в регионе с целью противодействия наркоторговле и миграции. А также политики второго эшелона, в частности, такие стратеги, как Эван Эллис – специалист по странам Латинской Америки Военного колледжа армии США.

Они имеют четкое представление о том, каково значение этого субконтинента для США как «хозяйственного подворья», рынка и поставщика сырья. Газета Financial Times назвала эту политику «возвратом к доктрине Монро (Америка для американцев) XIX века». Полный контраст «партнерству XXI века», обещанному Бараком Обамой, предшественником Трампа, хотя его теплые слова, за исключением оттепели в отношениях с Кубой, почти не были подкреплены делами. Отныне воплощением образа врага перестали быть европейские колониальные державы или Советский Союз. Им стали страны, с которыми у высшего руководства США остались неоплаченными счета. Например, Куба, к коммунистической правящей когорте которой кубинец в эмиграции Рубио испытывает личную антипатию. А также Венесуэла, богатое на нефть государство – сателлит Кубы. Там нынешнему министру иностранных дел США Рексу Тиллерсону, возглавлявшему в свое время компанию Exxon-Mobil, пришлось проглотить горькую пилюлю в форме национализации своих активов.

Однако помимо довольно подупавших в экономическом отношении «социалистических стран в тропиках» США столкнулись и с серьезной стратегической опасностью. Еще до своего отлета в Мексику, Аргентину, Перу, Колумбию и Ямайку в феврале Тиллерсон дал ясно понять, что его вояж адресован именно Китаю. Срединное царство за прошлое десятилетие чрезвычайно расширило свое влияние в этом регионе и воспринимается нынче, в первую очередь Министерством обороны США, как стратегическая угроза, с которой следует считаться всерьез.

Недавно Эллис в своем эссе писал о «пугающе» быстром укреплении позиций Китая в регионе, сославшись при этом на решение правительства Панамы разорвать долготет-

ний альянс с Тайванем и присоединиться к инициативе Китая по строительству «Шелкового пути». По его словам, это подрывает доминирующее положение США в одной из важных с точки зрения стратегии и торговой политики узловых точек мира. Помимо этого, продолжает Эллис, в декабре во время встречи министров иностранных дел Китая и стран Латинской Америки Пекин впервые предложил странам этого субконтинента более тесное сотрудничество по вопросам безопасности. До сих пор это считалось прерогативой США и их младшего партнера Израиля. На предостережение Тиллерсона о «китайской империалистической угрозе» руководство в Пекине ответило язвительными редакционными статьями, опубликованными в государственных средствах массовой информации, о том, что подобные высказывания немного странны, ведь у Китая нет ни единой военной базы в Латинской Америке и он никогда не направлял туда свои войска. Состязание мировых держав за Латинскую Америку можно считать открытым. Какие же дипломатические, экономические и политические козыри в руках обоих участников этой партии в покер? И у кого карты лучше?

Состязание мировых держав за Латинскую Америку можно считать открытым

Китай инвестировал в Латинскую Америку свыше \$113 млрд и предоставил кредиты на сумму в \$141 млрд. За последнее десятилетие торговый оборот между Латинской Америкой и Китаем взлетел до \$200 млрд.

Исповедуемая Китаем «дипломатия чековой книжки» планировалась заранее и с начала тысячелетия последовательно претворялась в жизнь в форме существенного увеличения численности персонала посольств Китая в Латинской Америке, повсеместной аккредитации корреспондентов агентства «Синьхуа», а также финансового содействия культурному и академическому обмену. Затем последовали визиты на высоком уровне, торговые отношения, кредиты, культурные центры и инвестиции. Неторопливое и не особо афишируемое дипломатическое наступление. Председатель КНР Си Цзиньпинь, начиная с 2012 года, трижды объездил Латинскую Америку с толстой чековой книжкой в руке и слащаво-хвалебными речами, которые всегда находят отклик среди элиты этих стран. По его словам, Латинская Америка – «пульсирующий и многообещающий» континент, который с помощью Китая и взаимовыгодного партнерства может вступить в новый золотой век своего развития.

Подобные теплые изречения прежде звучали здесь из уст европейских дипломатов. Но в то время как Европа, по мнению испанского аналитического центра Real Instituto Elcano, «не имеет четкой стратегии» по Латинской Америке и с 1995 года увязла в переговорах с общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР) о зоне свободной торговли, за словами китайцев следуют дела. Правда, не всегда, примером чему является до сих пор так и не осуществленное строительство канала в Никарагуа или центра логистики Dragon Mart в Южном Мехико, но все же достаточно часто. С точки зрения латиноамериканцев, бумом в первом десятилетии XXI века они обязаны высокому спросу Китая на сырье, а когда цены на него пошли вниз, тут как тут оказался Пекин со своими кредитами.

Интересы Китая очерчены ясно. Ему нужны латиноамериканские продукты питания и сырье, медь и железная руда, соя и говядина, а также контроль над такими торговыми маршрутами и центрами логистики, как Панамский канал. Между тем Китай стал важнейшим торговым партнером Аргентины, Чили, Бразилии и Перу. Он принадлежит к числу крупнейших кредиторов Эквадора и Венесуэлы и является важным инвестором в Панаме и Перу. В прошлом году он расширил свое присутствие в Колумбии, Аргентине и Бразилии, где дал старт большим инфраструктурным проектам, например, строительству скоростной магистрали до Буэнавентуры на Тихоокеанском побережье Колумбии, покупке плотины в бразильском муниципалитете Сан-Симан, прокладке линий электропередач к плотине в Белу-Монти, изысканиям с целью изготовления ядерного реактора Angra3, а также приобретению международного аэропорта в Рио. Такие китайские товарные знаки, как Huawei, ZTE и Jac, за прошедшее время завоевали прочное место на рынках Латинской Америки.

Хотя китайские кредиты не связаны стандартами в области прав человека или экологии, однако предоставляются под высокие ставки и часто должны гарантироваться поставками сырья.

А что же США? Раньше договоры о свободной торговле с самым большим рынком в мире были лакомой приманкой. Пока США все еще остаются важнейшим торговым партнером Латинской Америки, а производственные цепочки хорошо согласованы друг с другом. Однако наметилась явная тенденция к снижению. Если в 2001 году в США поставлялось 56 процентов латиноамериканского экспорта, то в 2016-м осталось всего 32 процента.

Неопротекционизм Трампа порождает опасения дальнейшего обвала. Поездка же Тиллерсона ограничилась такими неудобными вопросами в сфере безопасности, как война с наркотиками, остановка потока мигрантов, изоляция Венесуэлы и Кубы. В его багаже оказались не монетарные стимулы, а угрозы массовых депортаций и экономических санкций.

Министр иностранных дел Чили Херальдо Муньос высказал мнение о «вакууме лидерства». А комментатор Андре Оппенхаймер в газете Miami Herald охарактеризовал повестку дня США по Латинской Америке как исключительно негативную. «США делают все, чтобы разозлить Латинскую Америку, подвергнуть ее критике, оскорблениям и угрозам», пожаловался мексиканский дипломат Jorge Guajardo. Но то, что можно сказать о правительстве США, нельзя автоматически перенести на американские предприятия. В новой неолиберальной волне приватизации в Южной Америке они видят для себя неплохие шансы. Так, «Боинг» планирует заключить стратегический союз с чрезвычайно успешной авиастроительной бразильской компанией Embraer.

Такая ситуация, по мнению аналитиков, предоставляет хорошие возможности для самой Латинской Америки. В то же время использовать соперничество двух мировых держав в своих целях будет не так просто, как кажется. Часто правительства латиноамериканских стран сетуют на строгие санитарные нормы США, аграрный протекционизм, давление профсоюзов и правозащитных организаций США в целях соблюдения стандар-

тов в сфере охраны труда и экологии, решения арбитражных судов в пользу одной стороны и политический шантаж. Впрочем, и деньги из Пекина поступают не даром: правда, в этом случае речь не идет о демократии и правах человека, но китайские инвестиции предоставляются в пакете, то есть связаны с импортом китайских материалов и рабочей силы. Как правило, в них не предусмотрена передача технологий, а цепочки создания добавочной стоимости – редкостное явление.

Хотя китайские кредиты в отличие от кредитов Всемирного банка не связаны стандартами в области прав человека или экологии, однако предоставляются под высокие ставки и часто должны гарантироваться поставками сырья. В таких обстоятельствах индустриализация Латинской Америки вряд ли возможна, предостерегают экономисты. Неоднократно вызывали недовольство и санитарные требования Китая, в частности при экспорте сои из Бразилии.

В некоторых странах серьезной проблемой стала китайская мафия. Китайские картели рэкетиров действуют в Аргентине, а наркомафия в Мехико тесно сотрудничает с китайскими триадами. Насколько земельная спекуляция и отмывание денег связаны с китайским капиталом, пока неясно. Однако бывший президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва в 2009 году ограничил продажу земли иностранцам после ряда крупных приобретений со стороны китайцев.

Для Китая, как и для США, речь в конечном счете идет о сырье, рынках сбыта и геополитическом влиянии. Поэтому за ласковым денежным дождем может последовать суровое пробуждение, предупреждают критики. Так, бывший президент Уругвая Хосе Мухика предостерегает от новой экономической зависимости, в которую может попасть Латинская Америка. А кандидат на должность президента Бразилии от правых Жаир Болсонару даже заявил, что Китай собирается купить Бразилию. По его словам, это нужно остановить.

⊗ **Сандра Вайс** (Sandra Weiss) – политолог и бывший дипломат. До 1999 года она была редактором информационного агентства AFP. Являясь свободным корреспондентом Латинской Америки, она публиковала свои статьи также в газетах Die Zeit и Die Welt.

Год прорыва для Африки

Благодаря успехам в восьми ключевых областях

Кэролайн Кенде-Робб

Мы еще находимся в начале 2018 года, но уже чувствуется, что напряженность и беспорядок станут определяющими характеристиками этого года. От антимиграционной политики в Соединенных Штатах до разжигания геополитических горячих точек на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, разрушения, потрясения и неопределенность, все это становится повседневным явлением.

Но, по крайней мере, один показатель дает основания для робкого оптимизма: экономический рост. По оценкам Международного валютного фонда, глобальный рост в этом году достигнет 3,7% против 3,6% в 2017 году. Как сказала директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард в декабре: «Солнце сияет сквозь тучи и помогает большинству экономик получить наиболее значительный рост после финансового кризиса».

Знаменательно то, что Лагард это отметила в Аддис-Абебе, потому что это в Африке, где лучи процветания светят ярче. Фактически, я предсказываю, что 2018 год станет годом прорыва для многих – хотя и не всех – африканских экономик, благодаря успехам в восьми ключевых областях.

Во-первых, Африка готова к скромному, пусть и фрагментарному, восстановлению роста. После трех лет слабых экономических показателей ожидается, что общий рост в этом году ускорится до 3,5%, с 2,9% в 2017 году. Прогнозируемая в этом году прибыль будет расти на фоне улучшенных глобальных условий, увеличения добычи нефти и ослабления засухи на востоке и юге.

Конечно, рост будет неравномерным. В то время как почти треть африканских экономик вырастет примерно на 5%, по меньшей мере, в десятке других, по-видимому, будет наблюдаться замедление. Особую тревогу вызывает резкое увеличение государственного долга, который достиг 50% ВВП почти в половине стран Черной Африки. Но в целом Африка располагает потенциалом для позитивного года.

Во-вторых, политический ландшафт Африки либерализуется. Некоторые из африканских президентов дольше всех занимающих свои посты – включая Роберта Мугабе из Зимбабве, Хосе Эдуарду душ Сантуш из Анголы и Яхья Джамме из Гамбии – ушли в отставку в 2017 году. В Южной Африке отставка Иакова Зума позволила Сирилу Рамафосе стать президентом. В январе, либерийцы стали свидетелями первой в их стране мирной передачи власти с 1944 года, когда в должность вступил бывшая звезда футбола Джордж Веа.

Однако все эти успехи пройдут испытание, поскольку избиратели 18 стран пойдут в этом году на выборы. Добавлением к африканской истории разногласий станет политическая неустойчивость в ряде государств, включая Центральноеафриканскую Республику, Бурунди, Нигерию, Южный Судан и Сомали.

Третьим источником оптимизма является сельскохозяйственный сектор Африки, где наконец реализуется потенциал мелких фермеров, большинство из которых составляют женщины. По прогнозам, к 2030 году объем производства сельскохозяйственной

продукции в Африке достигнет 1 триллиона долларов. Для этого становления не могло быть более подходящего момента; примерно две трети африканцев зависят от сельского хозяйства, чтобы свести концы с концами. Большие участки необработанной земли, молодая рабочая сила и появление высокотехнологичных «агропредприятий» – сельскохозяйственных предпринимателей – поднимают производство и трансформируют целые экономики.

Все успехи политической либерализации пройдут испытание, поскольку избиратели 18 стран пойдут в этом году на выборы

В-четвертых, африканцы выгодно используют технологический разрыв. С более чем 995 миллионами мобильных абонентов, африканское расширение коммуникационных возможностей используется для стимулирования инноваций. Ключевые секторы, такие как сельское хозяйство, здравоохранение, образование, банковское дело и страхование, уже трансформируются, что значительно расширяет бизнес-ландшафт региона.

В-пятых, африканские лидеры серьезно относятся к пресечению незаконных финансовых оттоков, полученных в результате коррупционных практик, в основном в нефтегазовом секторе, которые ежегодно обворовывают африканские страны на примерно \$50 млрд. В то время как американские законодатели настаивают на том, чтобы отменить часть законодательного акта финансовой реформы Додда-Франка от 2010 года – которая содержит положение, требующее от нефтяных, газовых и горнодобывающих компаний раскрытия информации о платежах, производимых ими правительствам, – более широкая тенденция направлена на большую прозрачность и подотчетность.

Например, Панамский архив и Райские документы подняли занавес над темной системой налоговых убежищ и подставных компаний, укрывающих миллиарды долларов, ставшие недоступными для ряда беднейших стран мира, включая многие африканские страны. А с G20 и ОЭСР, работающими над прекращением уклонения от уплаты налогов, Африка в скором времени сможет извлечь пользу от глобальных усилий, направленных на прекращение теневого бухгалтерского учета.

В-шестых, энергетический сектор Африки настроен на процветание. В то время как 621 миллион африканцев по-прежнему не имеют надежного доступа к электричеству, инновации, такие как возобновляемые источники энергии, мини-энергосистемы и умные системы учета электроэнергии, поставляют энергию большему количеству людей, чем когда-либо прежде. В Южной Африке, наблюдается рост возобновляемых источников энергии; цена ветряной энергии теперь конкурентоспособна с углем. Эфиопия, Кения, Марокко и Руанда, также привлекают крупные инвестиции в области возобновляемых источников энергии.

Седьмой областью, демонстрирующей признаки прогресса, является образование. Безусловно, африканские учебные программы остаются удручающими; более 30 миллионов детей в черной Африке не учатся в школе, а те, кто посещают школу, не получают достаточно знаний, которые могли бы получить с их способностями. Но многие африканские лидеры и общественность признали эти недостатки; в некоторых странах, таких как

Гана, образование даже стало ключевой проблемой для избирателей.

Как подчеркивает Комиссия по образованию, некоторые страны увеличивают инвестиции в образование. Это представляет возможность согласовать результаты обучения с будущими потребностями в области занятости населения. Но с более чем миллиардом молодых людей, которые будут проживать в Африке к 2050 году, срочно необходимы более крупные инвестиции в образование.

Наконец, повышенное внимание уделяется развитию панафриканской идентичности, а африканская мода, фильмы и продукты питания выходят на новые рынки. По мере роста этих культурных связей, мягкая сила Африки продолжит свой рост и выйдет далеко за пределы континента.

Во многих уголках мира, 2018 год обещает быть еще одним разочаровывающим годом, поскольку неравенство и нищета продолжают подпитывать гнев и популизм. Африка не будет полностью застрахована от подобных событий. Несмотря на это, у жителей континента есть по крайней мере восемь веских причин - намного больше, чем у большинства людей в других странах - быть оптимистами.

(c) Project Syndicate

⊗ **Кэролайн Кенде-Робб** (Caroline Kende-Robb) - бывший главный советник Международной комиссии по финансированию возможностей глобального образования, является старшим научным сотрудником Африканского центра экономической трансформации.

«Вышвырнуть Германию из еврозоны»

Если политика Германии не изменится, такое требование в скором времени может быть выдвинуто всерьез

Хартмут Эльзенханс

Еврозона больна чемпионом мира по экспорту Германией, расположенной в самом ее центре. Президент Франции Эммануэль Макрон внес недавно предложение по достижению гармонизации в европейском экономическом пространстве посредством формирования общего бюджета еврозоны. Однако Германия движется навстречу предложению Макрона мелкими шажками. Если дело пойдет так и дальше, терпение европейских соседей может лопнуть, и Германию могут попросить покинуть этот клуб.

Дабы до этого не дошло, следует не только поменять политику жесткой экономии, но и существенно повысить наконец уровень заработной платы в стране. Тем самым у немецких социал-демократов появился бы шанс на то, чтобы распрощаться с вавилонским пленом неolibерального мышления и увязать борьбу за социальную справедливость со спасением Европы.

Слишком долго немецким наемным рабочим внушалась мысль о том, что их зарплаты чересчур высоки и не позволяют устоять в международной конкуренции. На самом же деле рост внутреннего спроса слишком низок. А рабочая сила в Германии не является слишком дорогой. В течение многих лет рост заработной платы не соответствовал росту производительности.

Большой бизнес в Германии – наверное, первая группа капиталистов, к которой действительно обращается МВФ с увещаниями поднять наконец уровень реальной зарплаты

Немецким наемным рабочим не следует бояться снижения конкурентоспособности на фоне увеличения оплаты труда. Именно те, кто получает наиболее низкую зарплату, не принимают участия в международной конкуренции, ибо не производят ходовые товары. Международной конкуренции подвержены прежде всего наемные рабочие в отраслях промышленности, ориентированных на экспорт: здесь наблюдается бум на рынке рабочей силы и уже намечается дефицит специалистов.

Партнеры Германии по еврозоне за последние два десятилетия повысили уровень оплаты труда на темпы роста производительности плюс два процента инфляции, так как это и было предложено Европейским центральным банком (ЕЦБ) – в Германии зачастую этого не было сделано даже с поправкой на рост производительности. Для партнеров по еврозоне это равносильно дефициту торгового баланса. У правительств этих стран остается лишь возможность смягчить безработицу путем реализации госу-

дарственных программ. Их приходится финансировать путем роста задолженности. Таким образом, рабочие места в Германии являются следствием готовности партнеров влезать в долги.

Немецкая политика жесткой экономии создала большую угрозу для европейского проекта. В странах, пострадавших от нее, она привела к огромной задолженности, сворачиванию трудовых прав и систем социального страхования, а также безработице среди молодежи, и не в последнюю очередь подлила масла в огонь популистской дестабилизации в сфере политики. Подобная формула противоречит жизненно важным и бесспорным принципам внешней политики Германии: прежде всего никогда более не действовать в условиях международной изоляции и при любых обстоятельствах осуществлять свою политику мирными средствами (Never again, never alone). Робкие намеки на отклонения от этой политики звучат слишком поздно и слишком нерешительно.

Баварии удалось превратиться из слаборазвитого региона-заемщика в высокопроизводительного чистого донора лишь благодаря многолетним трансфертам из бюджетов более богатых федеральных земель

Германия воспользовалась в своих интересах странами южной Европы, превратив их в эксплуатируемую периферию, работающую на нужды немецкой экспортной индустрии. Возникает расколотый ЕС из высокопроизводительного рекордсмена мира по экспорту и стагнирующей южной части Европейского союза.

Ни один консервативный экономист не станет всерьез оспаривать тот факт, что постоянный избыточный экспорт Германии должен был бы привести к ревальвации, а тем самым и удорожанию немецкой рабочей силы на мировом рынке труда. Вместо этого немецким наемным рабочим внушается мысль об их моральном превосходстве над ленивыми южанами благодаря терпеливости в вопросе оплаты труда. Кайзер Вильгельм шлет привет: немецкий характер призван излечить мир от его болячек.

Как долго будут мириться со всем этим немецкие наемные рабочие и соседние европейские страны?

Поскольку немецкая модель роста не является устойчивой, президент Франции предлагает сегодня Федеративной Республике модель роста общими усилиями, углубляющую интеграцию в Европу. Он хочет союза с бюджетными трансфертами из общего бюджета для финансирования инфраструктурных программ в более слабых странах, то есть в конечном счете некоего подобию механизма финансового выравнивания федеральных земель, существующего уже в Германии. Давайте вспомним: только благодаря многолетним трансфертам более богатых федеральных земель Баварии удалось превратиться из слаборазвитого региона-заемщика в высокопроизводительного чистого донора. При этом большую роль сыграл и спрос более богатых федеральных земель: профсоюз работников металлургической промышленности никогда не связывал ограничения в повышении заработной платы в Северном Рейне – Вестфалии с переносом рабочих мест в Баварию. Первым делом представители Северного Рейна – Вестфалии или Баден-Вюртемберга

путем переговоров добились постепенного повышения оплаты труда баварцев, чтобы сначала приблизить, а потом и довести ее до федерального уровня.

Тому, кто желает ограничить трансферты между странами еврозоны, придется добиваться повышения оплаты труда в Германии. Большой бизнес в Германии стал, наверное, едва ли не первой группой капиталистов, к которой настоятельно апеллирует один из самых пламенных хранителей Грааля неолиберализма – Международный валютный фонд (МВФ) – с увещеваниями поднять наконец уровень реальной зарплаты, чтобы избежать еще большего смятения в мировой экономике. Популизм в Европе и США является следствием неразумного поведения экономического и политического истеблишмента Германии.

Избыточный экспорт является не прусской добродетелью, а скорее пороком и разрушает кооперационные связи в мировой экономике. Поэтому основатели успешной Бреттон-Вудской системы денежных отношений требуют наказания стран с превышением экспорта над импортом. Британский экономист Джон Мейнард Кейнс предложил передавать поступления от избыточного экспорта под низкий процент странам с дефицитом торгового сальдо. В сравнении с таким предложением инициативы Макрона по введению бюджета еврозоны являются крайне умеренными.

При этом немецкие наемные рабочие не понесли бы никаких потерь. Существенное превышение экспорта над импортом в значительной степени заложено финансовыми рынками и представляет собой денежные спекуляции, не имеющие ничего общего с реальным формированием стоимости. Совокупный мировой ВВП составляет менее одной десятой от ежегодного объема спекулятивных сделок на финансовом рынке.

Бюджета еврозоны будет недостаточно, чтобы добиться адекватного выравнивания существующих различий в Европе. Если учесть непопулярность так называемого взноса солидарности с новыми федеральными землями в Германии, проекта, нацеленного на консолидацию страны, можно представить себе, насколько узко нынче на самом деле поле для принятия политических решений в пользу союза, основанного на принципе регулярного финансового выравнивания. Если политики Германии не дополнят план создания бюджета еврозоны существенным подъемом уровня реальной заработной платы немцев, значительным повышением расходов на социальную инфраструктуру и укреплением социального государства, то это может привести лишь к кончине евро, или же к евро без Германии.

⊗ **Хартмут Эльзенханс** (Hartmut Elsenhans) – немецкий политолог. Считается одним из ведущих теоретиков глобального кейнсианства. До последнего времени преподавал и занимался научной деятельностью в должности профессора по международным отношениям в Лейпцигском университете. К основным направлениям его научных исследований относятся в частности политэкономия международной системы, а также стратегии развития и социальные движения в странах третьего мира.

Распад

Яша Мунк о системе права без демократии

Яша Мунк

Господин Мунк, ваша книга «Распад демократии» стала предметом широкого публичного обсуждения. Действительно ли положение настолько критическое?

Чтобы понять нашу политическую систему, нужно для начала исходить из того, что речь идет о либеральной демократии. Это означает, что, во-первых, мы разрешаем людям самим определять свою жизнь и должны беречь правовое государство, а также соблюдать принцип разделения ветвей власти. Во-вторых, сама система должна быть демократической. Это означает, что мнение людей реализуется политикой. У меня возникло ощущение, что эти два базовых элемента отдаляются друг от друга. Сегодня мы становимся очевидцами зарождения системы права без демократии или недемократического либерализма, в котором все большую роль в политике играют деньги и все большее количество решений изымается из процесса демократической дискуссии – институтами власти, судами и вплоть до центральных банков. В качестве реакции мы видим появление авторитарного популизма, который часто выливается в систему демократии без права. В ней популистский вождь может пользоваться недюжинной популярностью, так как в некоторых сферах политики он вполне может претворять в жизнь мнения людей. Но одновременно также упраздняется или ограничивается право на самоопределение меньшинств и подрываются принципы разделения ветвей власти и правового государства.

Значительная часть американских левых сил осознают, что мы не можем отдать на откуп правым понятия национализма и патриотизма

И именно в таком развитии событий вы видите две главные составляющие нынешнего популистского бунта?

Это только часть объяснения. К сказанному следует добавить еще и долгосрочные факторы. В каждой стране многие люди объясняют растущее влияние популизма своей собственной политической историей. Поэтому в Германии говорят: у нас появилась Альтернатива для Германии (AfD) из-за слишком умеренной позиции Меркель. А в США напротив существует мнение, что избрание Трампа объясняется длительным процессом глубокой радикализации республиканцев. Однако и то, и другое не может произойти одновременно. Поэтому я усматриваю причину скорее в факторах, которые одновременно действуют в различных странах. А к ним изначально относится стагнация качества жизни среднестатистических граждан. В отличие от послевоенного времени сегодня многие люди утратили ощущение того, что им живется лучше по сравнению со своими родителями. Во-вторых, много хлопот доставляет и длительный, сложный, а также уникальный в историческом отношении процесс преобразования моноэтнического и монокультурного общества в полиэтническое. И, в-третьих, нужно упомянуть появление Интернета и социальных сетей. Это приводит к тому, что людям, которые почти перестали доверять системе и не хотят признавать людей с другим цветом кожи

или из другого культурного круга в качестве равных себе, стало значительно проще распространять ненависть к другим и создавать свои политические организации.

Если посмотреть на реакцию устоявшихся политических сил на популистский бунт, то может возникнуть впечатление, что каждое политическое движение выхватывает наиболее удобный для себя ответ. Левые говорят: It's the economy, stupid! А правые: мы утомили людей политикой приема беженцев. Выборочный подход как инструмент воздействия?

Да. Об этом красноречиво свидетельствует и сравнение между странами. В США многие левые стремятся объяснить феномен Трампа одним лишь расизмом, а потому их главное внимание сфокусировано в этом случае главным образом на причинах культурного характера. В Германии левые настаивают на том, что интеграция вообще не является проблемой, а потому здесь основное внимание сосредоточено на причинах экономического характера. Но выбор изюминки сложнее, чем может показаться. Впрочем, почти всех участников дискуссии объединяет то, что предлагаемые способы решения не являются плодом анализа, а политика полагает, что ей наперед известны правильные подходы. Тем самым анализ впоследствии подгоняется и подстраивается под представления политиков.

А разве это не влияет на убедительность этих ответов? Как бы вы сформулировали ответ политиков, касающийся упомянутых вами причин?

Это и вправду не остается без последствий. Но ответ сложен. Не существует простой политической реформы, при помощи которой можно было бы справиться с этим вызовом в тот или иной момент времени. Частью моего тезиса является то, что развал демократии зашел сравнительно далеко. Поэтому я не могу никому обещать, что мы увидим хеппи энд. Однако в то же время считаю, что только точный анализ вообще даст нам возможность по крайней мере продолжить поиск путей решения. Ответ для меня – это политика, которая предоставляет намного более широкие возможности для наращивания качества жизни и, прежде всего, обеспечивает ощущение людьми контроля над своей собственной жизнью. Лозунг адептов Брексита в Великобритании был сформулирован так: вернем себе контроль (take back control). Этого и впрямь соответствует желанию людей. Им не хватает ощущения: «Моя жизнь у меня под контролем. Моя нация удерживает контроль над своей судьбой в эпоху глобализации».

В нашей экономической политике можно сделать намного больше, чтобы убедить людей в способности сохранять контроль над своей жизнью. В частности, заставить богатых платить налоги, даже если они 200 дней в году проводят на Багамах. Мы можем сделать больше для того, чтобы предприятия, которые хотят, например, выйти на немецкий рынок, надлежащим образом платили налоги на местах независимо от их номинального официального местонахождения в Дублине, Делавэре или, скажем, в Берлине. Мы можем существенно повысить производительность труда людей путем инвестиций в повышение квалификации не только в случаях утраты рабочего места, но и в форме постоянного мероприятия. Мы можем сделать значительно больше для того, чтобы на свою зарплату люди могли позволить себе расходы и на чудесные вещи в своей жизни, а не на растущую арендную плату или стоимость жизни в крупных городах.

Мы находимся как раз в Бостоне. В ноябре в США состоятся выборы. Если применить ваши подходы к американским демократам, можно ли утверждать, что они извлекли уроки из победы Трампа?

И да, и нет. Что касается экономической политики демократов, то существуют признаки более серьезной дискуссии о более далеко идущих шагах по сравнению с Германией. Это вселяет в меня уверенность. В то же время в американской политической системе существует много пунктов вето. Большие предприятия имеют здесь намного большее влияние, а потому будет непросто добиться осуществления этих шагов. Что опять-таки настраивает меня на более пессимистический лад. Но я полагаю, что в другом вопросе США частично опережают Германию: большая часть американских левых осознают – и здесь речь идет о вопросе культурного характера – нельзя отдавать национализм и патриотизм на откуп правым, так как в противном случае они будут будить этого полудикого зверя до тех пор, пока он не проснется и не затопчет весь наш дом. Именно мы как представители прогрессивизма должны бороться за право определения содержания национализма. Мы должны согласиться с тем, что если кто-то во Фленсбурге проявляет солидарность с кем-то в Пассау, а кто-то в Росток с кем-то в Кельне, то это безусловно позитивное явление. Однако важно и то, чтобы в эту национальную группу мы конечно же включали и людей различного цвета кожи или религиозной принадлежности, живущих с нами.

Контраргумент многих сторонников прогрессивизма звучит следующим образом: тем самым вы гонитесь вслед за правыми, а люди и без того проголосуют за оригинал. Что тут можно возразить?

Что мы не бежим вслед за правыми. Это было бы так, если бы мы сказали: ну да, возможно теперь нам действительно следует подвергнуть небольшой дискриминации представителей меньшинств. Но для меня суть дела в четком истолковании того, что может означать патриотизм в либеральном обществе равных людей. Иногда я цитирую речь, произнесенную Эммануэлем Макроном во время избирательной кампании во Франции. Макрон посмотрел на аудиторию и сказал: «Я вижу людей из Мали и Берега Слоновой Кости, из Италии и Польши. Но что я вижу перед собой? Я вижу народ Марселя. Что я вижу еще? Я вижу французский народ. Посмотрите сюда, дамы и господа «Национального фронта»: вот так выглядит гордость за то, что ты – француз». Следовал ли Макрон за «Национальным фронтом», когда произнес эти слова? Нет. Я считаю, что он оспорил их толкование понятия гордости собственной страной. Причем сделал это без всякого подвоха.

Но применительно ли это к Германии?

Полагаю, да. Примером, взятым из немецкого контекста, является исполненная ярости речь Джема Оздемира, произнесенная не так давно в Бундестаге после шельмования AfD Дениза Юсея, а в некоторых моментах и его самого. Оздемир сказал: «Нет, я не немец! И здесь ничего не изменится. Вам нужно наконец понять, что люди, как я, являются частью этой страны». Суть в открытой и яркой агитации своей нации. Именно в этом для меня заключается патриотизм, открытый всему миру. И это для меня вдохновляющий момент.

Вопросы задавал Михаэль Брёнинг

⊗ **Яша Мунк** (Yascha Mounk) окончил Кембриджский университет. Живет в Нью-Йорке и преподает политическую теорию в Гарвардском университете. В качестве свободного публициста пишет статьи для газет «Нью-Йорк Таймс» «Уолл Стрит Джорнэл», а также Foreign Affairs и Die Zeit.

Дигитализация – это только начало

За ней следует искусственный интеллект, полностью меняющий базовые ценности общества

Хеннинг Тилльманн

Внедрение цифровых технологий меняет наше общество в геометрической прогрессии. Выражаясь кратко, геометрическая прогрессия стала новой формой линейного развития. В то время как многие лишь постепенно начинают осознавать этот переход, в игру вступает новый фактор, который влечет за собой еще одну несоизмеримо более сильную волну изменений – искусственный интеллект (ИИ, или Artificial Intelligence). Речь не о фантазиях, почерпнутых из научно-популярной литературы или фильма о терминаторе, а о конкретном применении искусственного интеллекта в ключевых сферах нашей жизни. Уже сейчас становится очевидной необходимость актуализации базовых ценностей нашего общества. Политика и общество должны осознать это изменение, ввести новые правила сосуществования в обществе цифровых технологий. Лишь таким образом можно обеспечить свободу, справедливость, а также солидарность в XXI веке и в то же время поставить прогресс на службу обществу.

Сегодня дигитализация дает нам возможность общения с друзьями во всем мире, просмотра фильмов, заказа авиабилетов или управления дверьми своего гаража через смартфон. Есть множество обременительных видов работ, которые поддаются автоматизации. С одной стороны, это приводит к уничтожению некоторых профессий, но одновременно создает и новые.

Нынешняя полемика вокруг Facebook и скандал с использованием данных кампанией Cambridge Analytica свидетельствуют о том, что мы стоим перед глобальными вызовами, приближение которых пять или десять лет назад могли предвидеть лишь немногие. Какова степень свободы нашего общества в цифровом пространстве? Существует ли в цифровом мире больше или меньше справедливости по сравнению с миром реальным? И существует ли вообще нечто вроде цифровой солидарности?

Эти вопросы встают с новой силой с учетом того, что в системах отныне заложены не только классические алгоритмы. Искусственный разум отчетливо ускоряет процесс дигитализации и меняет саму форму работы цифровых приборов.

Искусственный интеллект вездесущ

Все крупные IT-компании не только ведут активные исследования в сфере искусственного интеллекта, но и применяют его в своих продуктах. Благодаря ИИ интеллектуальные персональные языковые ассистенты Alex или Siri лучше понимают обладателя или обладательницу соответствующего прибора и лучше обучаются сказанному. В Facebook искусственный интеллект используется для анализа сообщений на предмет возможной склонности пользователя к суициду. Если дело обстоит именно так, на мониторе высвечиваются рекомендации телефонной службы психологической помощи. Google в форме системы управления интернет-магазинами предлагает программу, ко-

торая в состоянии писать музыку (Возможно ли при этом настоящее творчество – вопрос скорее философский).

Эти и еще очень многие примеры использования ИИ в течение последующих пяти лет молниеносно распространятся на все сферы нашей жизни; часто – полностью неосознанно, ведь содержит ли та или иная программа искусственный интеллект, определить извне почти невозможно.

Смена парадигмы

Под общим понятием «искусственный интеллект» подразумевается умственная работа, которая прежде могла выполняться только людьми (или животными), а теперь под силу и машинам. В научно-фантастических фильмах речь идет главным образом о так называемом сильном ИИ, действующем как человек и практически неотличимом от него. Однако более реалистичным в обозримом будущем является слабый ИИ, посредством которого машинам передаются отдельные способности человека. Например, машина может различать на картинках собак от кошек, распознавать и интерпретировать человеческий язык. Если система обучается чему-то новому, можно говорить о машинном обучении (МО).

Теперь только по алгоритму больше невозможно определить, что будет у системы на выходе

Частной сферой МО, которая представляет ныне наибольший интерес с технической стороны, является так называемое глубокое обучение. В этом случае система самостоятельно обучается определенным структурам и может сама улучшать свои способности. Таким образом, системы с искусственным интеллектом вначале преимущественно бесполезны. Но если их как следует «потренировать» на многих данных, то со временем они с высокой долей вероятности смогут успешно выполнить определенную задачу и постоянно улучшать свои способности. В этом заключается принципиальное отличие от классического программного обеспечения: в то время как эти алгоритмы были в целом детерминистскими, ИИ-системы таковыми больше не являются. Теперь только по алгоритму больше невозможно определить, что будет у системы на выходе. Решающую роль играют данные, при помощи которых осуществлялась тренировка системы до сих пор. Такая смена парадигмы меняет не только отношение к последствиям дигитализации, но еще больше повышает значимость общих и соотносимых с персональными сведениями данных.

Понять труднодоступное

Таким образом, возрастает релевантность данных, и они определяют результаты работы систем ИИ. Поэтому общее требование открытости исходного кода программного обеспечения в будущем мало что даст. Ведь даже если исходный код программного обеспечения будет полностью открытым, у машин с глубоким обучением все же решающая роль будет принадлежать тем данным, с помощью которых осуществлялась их тренировка. А поскольку технические системы становятся все более трудными для понимания,

понадобятся новые инструменты и новые правила, чтобы сохранить наши базовые ценности в мире с системами ИИ.

При принятии критически важных решений последнее слово должно оставаться за людьми

Если системы ИИ войдут во все сферы жизни, то как можно будет обеспечить свободу каждого из нас? Тут нужны обязательства, касающиеся прозрачности и маркировки: должна быть ясность относительно времени и места применения алгоритмических решений, а также о видах (типах) применяемых данных. В качестве примера можно упомянуть сектор медицины: если при постановке диагнозов в будущем решения о применении форм терапии будут приниматься компьютерами, пациенты должны быть, по крайней мере, проинформированы об этом. Кроме того, стоит подумать о необходимости обеспечения возможности контроля, а также о том, чтобы при принятии решений, имеющих критическое значение, системы ИИ рассматривались в качестве подспорья, но окончательные решения все же принимались людьми.

Равноправие в сфере ИИ

Правильное или неправильное функционирование систем ИИ большей частью зависит от данных, применяющихся для их обучения. Если программный продукт по распознаванию лиц будет обучаться только по фотографиям людей с белой кожей, у него возникнут проблемы при распознавании темнокожих людей. Таким образом, и в самом деле существует возможность создания систем со своеобразным расистским искусственным интеллектом. С другой стороны, то же программное обеспечение, для обучения которого использовались иные, более взвешенные данные, может принимать совершенно другие решения. Поэтому нужен контроль за тем, чтобы при обучении соответствующих систем применялись данные, максимально исключающие дискриминацию. Подобная возможность проверки и документации обучающих блоков должна быть обязательным условием в случае с государственными системами. Дискриминация меньшинств здесь недопустима. Поэтому политики обязаны создать законодательные предпосылки и для использования частных систем, чтобы в будущем гарантировать соблюдение принципа равенства.

Политики обязаны создать законодательные предпосылки для использования частных систем, чтобы в будущем гарантировать соблюдение равенства

Базовые ценности нашего общества оказались перед новыми вызовами вследствие дигитализации, в частности, возникновения систем с искусственным интеллектом. Я

убежден в том, что преимущества дигитализации явно преобладают над ее недостатками, и посредством разумных концепций и позитивных подходов в будущем можно гарантировать такие базовые ценности, как свобода, справедливость и солидарность, а также повысить общее благосостояние. И все же обществу и политике придется быстрее и активнее заниматься будущими вопросами преимущественно технического характера.

⤵ **Хеннинг Тилльманн** (Henning Tillmann) - разработчик программного обеспечения и медиадизайнер. Он является членом правления немецкого исследовательского центра D64 - Центра цифрового прогресса, а также членом комитета по медиа и сетевой политике при правлении СДПГ.

Совместить несовместимое

Макрон готовится к выборам в Европарламент

Марк Леонард

В течение первого года своего президентского срока президент Франции Эммануэль Макрон изложил ряд предложений по реформированию европейских институтов. Теперь он начинает кампанию по реорганизации выборов в Европейский парламент в 2019 году, внося в европейскую политику новую философию.

До теракта в магазине на юге Франции 23 марта Макрон планировал начать новую политическую кампанию на европейском уровне. Несмотря на то, что официальный запуск был отложен, последний проект Макрона остается центральным для его президентства и его концепции власти.

«La Grande Marche pour l'Europe» Макрона будет копировать программу, которая свергла доминирующие политические партии Франции и в 2017 году превратила его движение La République En Marche! (Вперед, Республика!) в политическую силу. В течение шести недель он направит десять министров и 200 парламентариев изучать взгляды французского народа на проблемы Европы и европейцев. Затем результаты будут учтены при разработке платформы, которая может одержать победу над популистскими и евро-скептическими партиями на выборах в Европейский парламент в 2019 году.

Макрон убедил все другие государства-члены ЕС (за исключением Венгрии и Соединенного Королевства) провести аналогичные общественные консультации, которые, как он надеется, заложат основу для реформ на уровне ЕС, которые он предложил в ходе основных выступлений в Афинах и в Сорбонне в прошлом году.

Чтобы понять весь масштаб амбиций Макрона, мы должны рассмотреть принципы, лежащие в основе его мировоззрения и определить его подход к политике. Мало кто так хорошо знает мышление Макрона, как французский историк и философ Франсуа Досс. Досс не только преподавал Макрону в Институте политических наук в конце 1990-х годов, но и познакомил его с его интеллектуальным наставником, французским философом Полом Рикёром, у которого Макрон работал ассистентом-исследователем в течение двух лет.

Подход Макрона для Европы примиряет непримиримое: его план состоит в том, чтобы сохранить суверенитет государств-членов и углубить интеграцию ЕС

Досс недавно опубликовал книгу о Макроне и Рикёре под названием *Le Philosophe et le Président*. Несколько недель назад я встретился с ним в его квартире в Париже, чтобы обсудить его последнюю работу, и он объяснил подход Макрона к европейской реформе, как комбинацию двух фундаментальных Рикёровских концепций.

Во-первых, это «консенсусное несогласие». Это может звучать как высокопарная версия «попытки совместить несовместимое». Но, по словам Досса, на самом деле речь идет о том, чтобы черпать силу из оппозиции двух противоречивых точек зрения, в отличие от гегелевского подхода, который ищет синтез между двумя полюсами. Принятие Макроном модели Рикёра очевидно из его частого употребления фразы «en même temps» («в то же время») при описании параллельных предложений по внутренней реформе.

Аналогичным образом, подход Макрона для Европы, похоже, примиряет непримиримое: его план состоит в том, чтобы сохранить суверенитет государств-членов и углубить интеграцию ЕС. В институциональном плане, это означает поддержку наднациональных органов, а также обеспечение большей гибкости в тех областях, где национальные правительства, а не Брюссель, обладают большими возможностями для решения проблем.

Что касается политики обороны, Макрон хочет работать в рамках существующих договоров ЕС, и он поддерживает предложения по Соглашению о постоянном структурированном сотрудничестве (PESCO) и Европейском фонде обороны. Но он также надеется выйти за рамки нынешнего ЕС и даже НАТО, чтобы создать Европейскую инициативу реагирования (EII), которая будет действовать вместе с британскими, американскими и другими союзными экспедиционными силами.

Относительно миграции, Макрон хочет, как защиты внешних границ Европы, так и обеспечения распределения бремени приема беженцев между странами ЕС. В краткосрочной перспективе, он настаивает на достижении соглашения между государствами-членами относительно квот беженцев. Но в долгосрочной перспективе он поддерживает большую гармонизацию систем предоставления убежища или даже создание центрального агентства ЕС по предоставлению убежища.

Когда Макрон смотрит на политическую сцену ЕС, он видит устаревшие картельные партии, которые так же созрели к расколу, как и основные партии Франции в 2017 году

Макрон также надеется примирить противоположные идеи относительно евро. Выступая за реформы во Франции, которые уменьшат риски финансовой контагиозности, он также призывает к общему бюджету и министерству финансов еврозоны, чтобы сделать валютный союз более устойчивым к будущим потрясениям.

Помимо этих областей, президент Франции намерен стимулировать инновации в цифровой сфере, путем создания европейской версии Управления перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA). В то же время, он хочет защитить национальный суверенитет в эпоху цифровых технологий посредством нормативных положений и общего фискального подхода.

Вторая концепция Рикёра, лежащая в основе мировоззрения Макрона, это идея европейского «восстановления». Учитывая, что первая волна европейской интеграции была в основном ограничена экономикой, сегодня Макрон хочет сосредоточиться на политике и культуре, начиная с выборов в Европейский парламент в следующем году.

Когда Макрон смотрит на политическую сцену ЕС, он видит устаревшие картельные

партии, которые так же созрели к расколу, как и основные партии Франции в 2017 году. Например, он высмеял правую Европейскую народную партию (EPP), задав вопрос о том, как парламентская группа может называть себя Христианско- Демократической, когда в нее входят партии бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони и премьер-министра Венгрии Виктора Орбана.

Макрон также признает, что отклонение левоцентристов в Европе - наряду с грозящим постбрекситским исходом депутатов лейбористской партии Великобритании - оставило большую пустоту, которую необходимо заполнить. С этой целью, он решил создать общеевропейское движение En Marche!, которое могло бы выдвинуть собственного кандидата на пост президента Европейской комиссии. На самом деле, уже велись некоторые разговоры о том, чтобы позиционировать на эту роль Европейского комиссара по вопросам конкуренции Маргрет Вестегер.

Первоначально макронисты планировали набрать перебежчиков из других партийных групп, а затем объединиться с левосторонним Альянсом либералов и демократов за Европу (ALDE). Но создание европейского En Marche! может означать, что они также попытаются вытеснить ALDE. Так или иначе, канцлер Германии Ангела Меркель будет настаивать на консервативном кандидате на пост президента Комиссии, поэтому Макрон мог бы попытаться использовать это как козырь для концессий по другим вопросам.

Многое пока не ясно, но уже очевидно, что Макрон привнес в европейскую политику новый вид мышления. По его мнению, суверенитет в Европе действительно может осуществляться только на уровне ЕС. Он переносит Францию из Пятой республики в Шестую республику, которая больше не является исключительно франко-французкой, а поистине европейской.

(c) Project Syndicate

«Нам нужна своеобразная двойная стратегия»

Депутат бундестага Нильс Шмид об альтернативах санкциям, отношениях с Россией и контроле над вооружениями

Нильс Шмид

По данным Фонда Бертельсмана, 3,3 млрд человек во всем мире живут в условиях автократии. Даже в таких странах – членах ЕС, как Польша и Венгрия, наблюдаются ограничения в сфере верховенства права и политических свобод. Разве не следовало бы ЕС с учетом этого принять более жесткие меры

вплоть до введения санкций в случае необходимости?

Нам нужна своеобразная двойная стратегия. С одной стороны, именно в случае фундаментальных расхождений во взглядах или даже конфликтов ценностного характера нам следует продолжать диалог, в том числе и с более сложными партнерами. Лишь таким образом можно восстановить утраченное взаимное доверие. С другой стороны, нужно четко указывать на наличие конфликта в вопросе о ценностях, чтобы дать понять всем тем, кто делает в этих странах ставку на демократию и принципы правового государства, а в конечном счете – на Европу и ее ценности, что, невзирая на все наши предложения по сотрудничеству и диалогу, мы остаемся верными этим ценностям.

Что касается санкций, то у нас уже существует соответствующий механизм, воспользоваться которым, впрочем, по всей видимости, сложно, поскольку он направлен на лишение стран права голоса, что является довольно далекоидущим шагом. Однако солидарность в ЕС – это не дорога с односторонним движением, а сам ЕС не является банкоматом, из которого вытекают деньги. Мы должны выдвигать повышенные требования по защите общих ценностей как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому стоит задуматься и о возможности ужесточения мер процедурного характера, не предусматривающих лишения права голоса. Необходимо более активно использовать в качестве меры воздействия и собственные финансовые интересы этих стран. Можно, например, подумать об ограничении доступа к фондам ЕС, предназначенным для поддержки развития структурно слабых регионов.

Для отношений между Западом и Россией характерным остается растущее противостояние, а не ослабление напряженности. Какой выход из этой эскалации, возрастающей по спирали?

Боюсь, что быстрое решение этой проблемы – тяжелая задача. Поэтому нужно попытаться сохранить диалог по максимально возможному количеству направлений, чтобы вместе со столь сложным партнером, как Россия, прозондировать существующие возможности сотрудничества. Если общая картина восприятия происходящего в течение последних 15 лет определяется противоположными оценками, то для восстановления доверия неизбежна реактивация классического инструментария мер, способствующих его укреплению, а также контроля за вооружениями. Не в последнюю очередь речь при этом идет и об интересах Европы, а также стран, соседствующих с Европой, в сфере безопасности. Даже если в обозримом будущем Россия не встанет на путь западной демократии,

важно, по крайней мере, минимизировать опасность военной эскалации. В остальном можно делать лишь ставку на предложения российской стороне модернизировать собственное общество и национальную экономику, так как экономически слабое государство не сможет в длительной перспективе рассчитывать на успех.

Невзирая на скепсис со стороны значительной части СДПГ, в период работы парламента предыдущего созыва продолжался рост поставок вооружений из Германии. Какие возможности существуют для эффективного ограничения поставок оружия за границу?

В коалиционном соглашении мы договорились об ужесточении директивы по экспорту вооружений. К этому мы относимся очень серьезно. В период работы парламента последнего созыва нам удалось достичь существенного снижения поставок огнестрельного оружия. Это было для нас важным делом, поскольку огнестрельное оружие является своеобразным источником, питающим многочисленные конфликты во всем мире. Но мы видим и потребность в дальнейших действиях, особенно в отношении с третьими странами за пределами ЕС и НАТО. Необходимо также вести речь и о дальнейшем ужесточении целевой привязки экспорта в третьи страны, включая контроль в местах использования этого оружия. То, что мы уже с успехом испытали на практике относительно огнестрельного оружия, следует распространить и на другие виды вооружений.

Наряду с необходимостью общей европейской внешней политики и политики в сфере безопасности все больше немецких политиков подчеркивают, что Германия должна брать на себя больше ответственности за происходящие события в мире. Насколько согласуются между собой эти требования?

Они не противоречат друг другу. Совершенно ясно, что Германия в одиночку едва ли может повлиять на глобальную политику, а потому ее внешняя политика всегда должна оставаться в русле внешней политики Европы. У европейцев больше всего шансов достичь успеха лишь при условии совместных действий. Это можно видеть на примере международных переговоров, на которых речь идет о многосторонних соглашениях по защите климата или в сфере торговли. И все же ясно одно: много взоров, особенно за пределами Европы, обращено на Германию. Из опыта поездок в качестве министра экономики федеральной земли Баден-Вюртемберг я знаю, что Германия пользуется отличной репутацией во многих странах. Нужно воспользоваться этим престижем, чтобы двигаться вперед вместе с европейскими партнерами. Я имею в виду готовность взять на себя большую ответственность за происходящее в мире. На примере ядерного соглашения с Ираном мы убедились, что благодаря согласованным действиям Германии и ее партнеров удалось решить очень сложную проблему. Это стало возможным лишь в результате общих усилий.

Вопросы задавал Николаос Гавалакис

⊗ Д-р **Нильс Шмид** (Dr. Nils Schmid) – депутат бундестага, спикер по вопросам внешней политики фракции Социал-демократической партии Германии (СДПГ). До этого он был премьер-министром и министром финансов и экономики федеральной земли Баден-Вюртемберг.

Тяжелый (у)рок

Как ЕС способствует сепаратизму, сам того не желая

Маттиас Бири

С недавних пор движения за независимость снова оказались в фокусе внимания в Европе. И нынешние сепаратисты совсем не отворачиваются от Европейского союза, а напротив, ЕС занимает главное место в видении их будущего. Проследив тенденции развития ЕС в течение последних лет, становится ясно, почему именно сейчас крепнет поддержка сепаратистских партий.

Растущая популярность сепаратистских идей связана прежде всего с их способностью находить консенсус. В отличие от 1990-х годов сепаратизм перестал автоматически олицетворять экстремизм. С одной стороны, террористические группы типа ЭТА в Стране Басков или «Временной» Ирландской республиканской армии в Северной Ирландии объявили о завершении своей вооруженной борьбы. С другой стороны, экстремистские силы перестали определять политическую сторону развития событий. Во Фландрии, например, до середины 2000-х годов в сепаратистском движении доминировала крайне правая партия «Фламандский интерес». С тех пор она постоянно теряла свое влияние. Ныне самой сильной по числу избирателей партией Бельгии, наиболее четко выступающей за максимальную независимость Фландрии, является «Новый фламандский альянс». Такая же тенденция наблюдается и в Каталонии, где с конца 2000-х годов требования независимости звучат не только из лагеря левых сепаратистов, но и из уст сил либерально-центристской ориентации. Тем самым сепаратизм сегодня обрел почву среди центристских политических сил.

Главной причиной растущей популярности сепаратистских идей являются тенденции развития последних лет на европейском уровне: национальные государства утвердились в статусе опоры европейского строя

Этим и объясняется то, почему сепаратистские идеи находят поддержку во все более широких слоях населения. Такая восприимчивость не случайна. Современные сепаратистские движения выстроены согласно очень четкой стратегии. Их главная цель – дойти до максимально широкого числа граждан различных слоев, а также породить понимание и симпатию на международном уровне. Лишь в случае достижения и той, и другой цели они могут надеяться на создание жизнеспособного и легитимного государства. Однако в зависимости от исходной ситуации и по стратегическим соображениям вначале выдвигаются поэтапные цели. Так, ведущие представители сепаратистов в Стране Басков высказались за создание вначале соответствующих политических предпосылок, прежде чем снова вернуться к открытым призывам к независимости.

В регионах, предрасположенных к сепаратизму, как правило, очень позитивно относятся к Евросоюзу. Главная причина такого отношения – огромная выгода, которую из-

влекают регионы из существования ЕС. ЕС создал для них новые возможности. С учетом защиты прав меньшинств, европейской региональной политики и возможностей установления связей с Брюсселем ЕС стал для них гарантом их дееспособности. Да и усиление регионального уровня в течение десятилетий является важной задачей самого ЕС. В такой позиции можно убедиться на примере Лиссабонского договора. Здесь в очередной раз осуществлено усиление принципа субсидиарности: вышестоящим политическим уровням разрешено брать на себя лишь те функции, реализация которых невозможна со стороны нижестоящих структур. Тем самым мы уже сталкиваемся с узловым конфликтом: этот принцип, с одной стороны, распространяется на отношения между ЕС и национальными государствами, однако одновременно и на связи между национальными государствами и подчиненными им структурами. В то время как разделение властных полномочий в первом случае сегодня с успехом воплощается в жизнь, в некоторых европейских странах с разделением власти на втором уровне не все обстоит благополучно.

Тем самым сильные регионы усматривают в ЕС естественного союзника в борьбе с властными притязаниями национальных государств. Но главной причиной растущей популярности сепаратистских идей являются тенденции развития последних лет на европейском уровне: национальные государства утвердились в статусе опоры европейского строя. В рамках ЕС в обозримом будущем им принадлежит главная роль. Решения в Брюсселе и в будущем будут приниматься представителями национальных государств. А вот видения, связанные с преодолением их влияния, померкли. Возникает впечатление того, что идеи типа «Европы регионов» пришли к нам из иного времени.

Вместе с тем политика ЕС укрепила и позиции регионализма в разных странах. Усиление регионализма, как правило, не является проблемой, а обогащением и вкладом в многообразную и преисполненную жизни Европу. Тем не менее в сочетании с укреплением национальных государств оно привело к возрастающему влиянию элементов сепаратизма в отдельных регионах.

Плавная интеграция своего столь желанного государства в ЕС – это альфа и омега сепаратистов

Но почему в определенных регионах вообще существует сепаратизм, и почему некоторым из них удастся справиться с ним лучше по сравнению с другими? Это зависит от конкретных рамочных условий. Сепаратизм возникает лишь в областях с благоприятной питательной средой. К такой благоприятной питательной среде относится восприимчивость к озвучиванию желания обрести собственную государственность. При этом преимущественно обращаются к истории и произошедшей несправедливости или же заостряют внимание на самобытности своей этнической группы. Этим объясняются, в частности, сложности, которые испытывает «Лига Севера» в своих усилиях по выдвиганию убедительных требований независимости Северной Италии. Еще одним благоприятным фактором является относительная гомогенность соответствующего региона и одновременно достаточно четко обозначенное в какой-то форме отличие его от остальной страны. Подобные отличия, которые могут заключаться и в ином понимании государства или собственном менталитете, могут формироваться сознательно. Но решающим в наше время является и фактор соотношения

политических сил. Если в централизованном государстве в течение длительного времени у правительства находятся партии, пользующиеся слабой поддержкой в соответствующих регионах, то это играет на руку сепаратистской риторике. Такую динамику можно было наблюдать, например, в Шотландии или Каталонии. Подобные ситуации не в последнюю очередь влекут за собой утрату легитимности органами центральной власти в регионе, что усложняет возврат к нормальным отношениям. При этом существуют также испытанные рецепты противодействия сепаратизму: разработанные с точным учетом индивидуальных потребностей автономные права, например, в Южном Тироле, в течение десятилетий обеспечивают относительное спокойствие в этом регионе.

Естественной почвой для сепаратистских идей к тому же становятся и периоды кризисов. Финансовый и экономический кризис стал для этого идеальной основой, так как вскрыл бессилие, а отчасти и неспособность политических элит, и повлек за собой стремление к изменениям. Если учесть обещания лучшего будущего, а также более справедливого и эффективного государства, раздающиеся из уст сепаратистов, их успех кажется вполне логичным. Однако не стоит переоценивать экономические причины. Только этими причинами невозможно объяснить то, почему призывы к сепаратизму находят столь широкий отклик. Ясно и то, что без перспектив экономической жизнеспособности успех сепаратистских идей также невозможен.

Именно ЕС играет нынче главную роль в обещаниях экономической жизнеспособности. Во многих сферах он связан с перспективой неуклонного и поступательного развития, и сам того не желая, в определенном смысле способствует росту привлекательности обретения независимости. Плавная интеграция своего столь желанного государства в ЕС – это альфа и омега сепаратистов. Ведь благодаря членству в ЕС расходы на обретение собственной государственности были бы меньше: ввиду доступа к общему внутреннему рынку в экономической сфере многое осталось бы так, как было раньше. Не пришлось бы ориентироваться на более узкий внутренний рынок, что раньше было существенным недостатком для небольших государств. Кроме того, в ЕС их манит перспектива повышенного представительства, которым уже пользуются небольшие его государства-члены.

Лозунг непрерывного и неуклонного поступательного развития хорошо воспринимается и избирателями, ведь среднестатистическому гражданину не нравятся шаги, предпринимаемые наобум. Вот почему так сложно убедить большинство населения в правильности идеи обретения собственной государственности. Потому сепаратистам приходится обещать сохранение членства в ЕС, даже если это не находит соответствующего отзыва в Брюсселе.

И все же ясно одно: как и прежде, национальные государства несут ответственность за то, чтобы стать родиной для всех регионов и национальных движений. Для этого существует много возможностей, в частности, предоставление более широких прав автономии, согласованных в процессе диалога, или же более широкое участие в разработке национальной позиции в отношениях с ЕС. Ведь в конечном счете сепаратисты и сторонники регионализма также стремятся к тому, чтобы обрести право быть услышанными в Европе, которая принесла им столько преимуществ.

⊗ **Маттиас Бири** (Matthias Bieri) – сотрудник Центра исследования проблем безопасности (Center for Security Studies (CSS)) при Высшей технической школе Цюриха (ETH), а также соиздатель ежемесячного издания CSS Analysen für Sicherheitspolitik.

«Я значительно больше виню Россию и Путина, чем Запад»

Фрэнсис Фукуяма о борьбе России и Запада, причинах кризиса в ЕС и либеральной демократии

Фрэнсис Фукуяма

В книге «Конец истории и последний человек» вы провозгласили победу либеральной демократии. Через 25 лет либеральная демократия на самом деле кажется скорее шагом назад и подвергается давлению во многих странах. Значит ли это, что век либерализма подошел к концу?

Я не утверждал, что демократия победила повсюду. Вопрос, поставленный в книге «Конец истории и последний человек» – это направленность истории, поэтому здесь имеется в виду не прекращение как таковое, а конец объективности. В течение 150 лет марксисты говорили, что конец истории – это коммунизм, и что мы развиваемся в этом направлении. Я сказал другое: если мы все развиваемся, это будет в условиях либеральной демократии, привязанной к рыночной экономике, и я по-прежнему считаю, что это правильно. Заявления о том, что этот проект закончен, будут преждевременными. Если вы просто посмотрите на картину мира – да, у нас есть страны с растущим популизмом, например, Венгрия и Польша, но это не доминирующая тенденция. Разумеется, это определенно вызывает беспокойство, потому что существует отход от глобализации и элит. Но это совершенно не означает, что конец истории – венгерская нелиберальная демократия, или что стиль Путина станет универсальной моделью, за которой последуют люди. Я считаю, что либеральная демократия по-прежнему является лучшей формой правления по многим причинам; это самая устойчивая модель, и она, скорее всего, оправдает себя.

А как насчет Китая? Его авторитарная модель в настоящее время довольно успешна.

Да, но нельзя судить об успехе определенного типа режима в краткосрочной перспективе. Вопрос состоит в следующем: как им преуспеть в течение более длительного периода времени? Думаю, есть много причин считать, что экономическая и политическая модель Китая может быть не такой устойчивой. Одним из больших преимуществ, которые Китай имел в прошлом, является то, что он был более институционализированной формой авторитарного правительства. У коммунистической партии было много институциональных правил, к примеру, в сфере пенсионного обеспечения. Недавно президент Си Цзиньпин упразднил эту модель. В некотором роде он как бы отталкивает Китай назад, чтобы сделать его более похожим на африканскую диктатуру. Стоит задуматься о том, как надолго это сохранится.

В отличие от популизма, который находится на подъеме во всем мире, социал-демократия находится в историческом упадке. Тревожное количество основных избирателей из рабочего класса и государственного сектора в настоящее время голосуют за

популистов: в Южной Европе – за левых популистов, а в Восточной – за правых. Каковы основные причины этого процесса, и что можно сделать, чтобы завоевать сердца и умы этих людей?

У этой проблемы существуют экономические, политические и культурные причины. Экономическая причина связана с тем, что в основном выгоды от глобализации были в значительной степени сосредоточены среди хорошо образованных людей, живущих в больших городах. Политические мотивы основаны на том факте, что многие демократии недостаточно реагируют на решение этих проблем. Многие элиты выглядят так, как будто они вне пределов досягаемости, и не знают, что чувствуют граждане. Но самая важная причина – культурная, связанная с иммиграцией. В Европе большая часть проблем вызвана миграционным кризисом. Многие страны опасались потерять контроль над собственной идентичностью из-за угрозы высокого уровня миграции. Европейцы должны реагировать на некоторые из этих основополагающих опасений. Во всех трех областях есть вещи, которые вы можете сделать, чтобы заботиться о людях, имеющих экономические сложности. В миграционную политику могут быть внесены корректировки, но существует и моральная сторона, когда люди просто должны быть более склонны защищать либеральную демократию как наилучшую форму правления.

Многие утверждают, что принятие более строгих мер иммиграции будет означать идти на поводу у правых популистов.

Не могу не согласиться с этой трактовкой. Думаю, мотивы канцлера Меркель во время кризиса мигрантов были достойны похвалы. Учитывая историю Германии, либеральная политика в отношении беженцев была очень понятной. Тем не менее это также создало огромную практическую проблему, потому что у Германии нет истории хорошего гостеприимства, и терпимость немцев не безгранична. Считаю, что замедление темпов принятия беженцев было разумным ответом, даже если это то, чего хотели правые партии.

Сейчас мы находимся в Киеве. Украина – место, которое, вероятно, означает больше, чем любое другое, для нынешней борьбы между Россией и Западом. Вы видите какой-либо выход из этой спирали взаимной эскалации?

Я значительно больше виню Россию и Путина, чем Запад. Большинство западных стран были открыты к сотрудничеству с Россией. Именно Россия вторглась в Крым и на Донбасс, и она даже отравила своего бывшего агента Сергея Скрипаля на британской земле. Если Россия не пересмотрит свое поведение, будет сложно улучшить с ней отношения.

У России были хорошие экономические показатели в начале президентства Путина, но в течение последних лет реальные доходы падают. Почему он по-прежнему так успешен в России?

Он узаконил себя, продвигая определенный российский национализм. Это началось в 2000-х годах, когда он мог утверждать, что именно он спас Россию от хаоса 1990-х и годов правления Ельцина. Он построил гордость России, и, поскольку контролирует СМИ, может с их помощью рассказывать, что в последние годы все плохое в стране происходит по вине иностранцев и оппозиции с Запада. На самом деле его собственная политика виновата во всем этом.

Ни малейшей вины Запада? Что насчет расширения НАТО и ЕС?

Что касается расширения НАТО, ответ мы так и не узнаем. Многие восточноевропейские страны, стремящиеся в НАТО, сказали бы, что Россия со своей долгой историей империализма все же подошла бы к точке, когда она хотела бы доминировать над соседями, даже если бы они остались за пределами Альянса. Когда это произойдет, конечно, лучше быть членом НАТО, чем вне его. Нельзя доказать ни одну из этих возможностей, но я склонен полагать, что эти страны имеют право войти в Альянс. Даже если бы мы не расширили НАТО, Россия оказалась бы в том же месте, что и сейчас.

Европейский союз находится в глубоком кризисе, ему противостоят Виктор Орбан и политики Польши, а также экономический и миграционный кризисы. Что нужно предпринять ЕС, чтобы вернуться в правильное русло?

У кризиса ЕС есть две важные причины. Первый – это евро, который по-прежнему не стабилен. Чтобы его стабилизировать, нужно двигаться либо назад, либо вперед. Вы либо двигаетесь к созданию финансового союза, либо каким-то образом отказываетесь от евро. Я не думаю, что любой из этих вариантов возможен прямо сейчас. Другой вопрос связан с миграцией. Люди не любят слышать об этом, потому что так говорит Виктор Орбан, но я считаю, что в этом конкретном случае он прав. Невозможно иметь что-то вроде шенгенской системы, если у вас нет безопасных внешних границ ЕС, а у вас их сейчас действительно нет. Мы все еще имеем большой приток людей через Грецию и Италию, и это создает много напряженности в этих странах. Это также усиливает популизм. Европе нужно разобраться с этой конкретной проблемой.

Какую роль следует выполнять Германии в этой ситуации?

Если бы я был канцлером Германии, я бы оказывал большую поддержку Греции и Италии в решении проблемы миграции. Эти страны уже сделали попытки, фактически подкупив Турцию, чтобы она удерживала как можно больше мигрантов, но существуют и другие источники, через которые мигранты прибывают из Африки и других мест. Не думаю, что открытая иммиграция в Европу решит проблему Африки. Скорее, она еще больше дестабилизирует Европу, чем поможет африканцам. Поэтому я считаю, что Германии действительно стоит предоставить помощь Италии и Греции.

Вопросы задавал Николаос Гавалакис

⊗ **Фрэнсис Фукуяма** (Francis Fukuyama) принадлежит к числу наиболее известных американских политологов. Он работает преподавателем в Институте международных исследований Фримэна Сполди при Стэнфордском университете.

«Проблема не только в Дональде Трампе»

Дэниел Циблатт о слабых местах американской политической системы

Дэниел Циблатт

Профессор Циблатт, в вашей книге «Как умирают демократии» вы утверждаете, что происходящее в США в настоящий момент напоминает о динамике в межвоенный период в Европе. Не преувеличиваете ли вы угрозу? Неужели система действительно не справляется?

Я думаю, что система в основном справляется, и есть множество причин для оптимизма. По некоторым оценкам, американская демократия – самая старая в мире, а США очень богатая страна. Ни одна настолько давняя демократия, как в США, еще не разрушалась. С этой точки зрения мы стоим на безопасной почве. Тем не менее существуют угрозы для демократии США, и по этой причине мы писали книгу. Она исходит не только от Трампа, и, вероятно, его переживет. Важно обратить внимание на слабости в американской политической системе, она уязвима, но многие долгое время об этом не думали. Многие из нас, в том числе и я, слишком полагались на демократию США и считали, что неважно, насколько безрассудно ведут себя политики, ведь наша система может это выдержать. Но, оказывается, это не так, и если вы посмотрите на ситуацию в мире, политические системы могут распасться.

Рост популизма, похоже, является глобальной тенденцией. Что особенно характерно для феномена Трампа?

Хуан Линц, политолог, которого больше нет с нами, в 1970-х годах предложил лакмусовый тест, способ для граждан, теоретиков и по большому счету для всех заранее определить, может ли кандидат представлять угрозу демократии, прежде чем он вступит в должность. Предупреждающим знаком номер один является то, что политик нападает на СМИ. Номер два – если политик нападает на легитимность выборов, другими словами, говорит, что он не может принять результаты выборов или считает, что выборы не стоит проводить. Третий предупреждающий знак – это когда политики обвиняют своих соперников в том, что они являются агентами иностранных государств или преступниками, которые не имеют права конкурировать за должность...

«Заприте ее»!

Точно. Вот что сказал Трамп в октябре 2016 года о своей конкурентке: «Заприте ее». И, наконец, если политики поощряют насилие, призывают к нему или участвуют в нем. Вот четыре ключевых признака авторитаризма. Тревожный момент относительно Трампа заключается в том, что впервые в американской истории кандидат в президенты от ведущей партии прошел лакмусовый тест по всем четырем пунктам. Теперь некоторые люди могут сказать: «Это просто риторика, это просто разговоры, он не это имеет в виду, не отвлекайтесь, не раздувайте сенсацию». Однако сказанное имеет последствия.

Можете привести пример?

Когда президент критикует легитимность выборов и говорит, что существует неконтролируемое мошенничество на выборах, а этого на самом деле нет, это влияет на общественное мнение. И если вы посмотрите на отношение республиканцев к свободным выборам, опросы показывают, что значительное большинство республиканских избирателей сегодня считают, что на американских выборах мошенничество разрослось, а выборы не являются законными. К такому эффекту привели именно слова Трампа. Точно так же, когда президент Трамп говорит, что средства массовой информации являются врагами народа, это тоже всего лишь слова. Но по некоторым опросам, 40% республиканцев считают, что средства массовой информации постоянно публикуют ложную информацию. Таким образом, у нас есть демократия, где эти основные элементы – свободные СМИ и выборы – находятся под вопросом. Но слова также имеют значение по третьей причине: они провоцируют встречную реакцию. Демократическая оппозиция, услышав эту риторику, высказывает обеспокоенность, и возникает соблазн реагировать излишним образом. Это может раскрутить спираль эскалации с обеих сторон.

Значит, демократический ответ в некотором роде является частью проблемы? Он питает монстра – популизм?

Возможно. Ответ на такой вопрос дать нелегко. Что делать демократической оппозиции перед лицом авторитарной власти? Это давняя дилемма. Вы сражаетесь и пытаетесь убрать их с должности любой ценой или вы проводите обычную политику? Каждый ответ имеет свои недостатки. Я думаю, что существует такой риск, что в процессе эскалации и начала подражания стратегии «сражаться, как республиканцы», имитации несговорчивой тактики Республиканской партии, вы войдете в спираль, где существует принцип «зуб за зуб», и это усиливает политическую поляризацию.

Как политические партии проводят линию между тем, чтобы остаться популярными, но не стать популистскими?

Я считаю, что ключевое отличие в следующем вопросе: политики ведут себя так, чтобы укрепить демократические правила, или своими действиями их нарушают? Приведу пример. В США в январе 2018 года велась большая дискуссия о том, чтобы дать детям нелегальных иммигрантов возможность получить гражданство. Демократы очень остро это восприняли и по сути заблокировали политический процесс. Была ли эта стратегия правильной? Трудно сказать. Это была сложная стратегия, которую демократы никогда не применяли, а республиканцы применяли. Я бы сказал, что это безрассудная и опасная политика. Несмотря на то что нужно бороться за свои убеждения, при принятии решений демократы должны спросить себя: «Нацелены ли действия, которые я предпринимаю, на укрепление демократических институтов или же на их ослабление? Будут ли наши институты через десять лет слабее или сильнее в результате того, что я делаю? Укрепит ли это гражданские свободы, укрепит ли силу демократических выборов, укрепит ли свободу СМИ?» Любые действия, подрывающие эти ценности, должны быть пределом, за который демократическая оппозиция не должна выходить.

Давайте посмотрим с другой стороны. В конце концов Трамп возглавил Республиканскую партию. Возможно, главный ответ должен поступать от республиканцев?

Действительно ли все зависит от прогрессивистов?

Существует то, что нужно делать республиканцам, и то, что нужно делать демократам. Во многом Дональд Трамп является проблемой Республиканской партии, и его рост является результатом распада и радикализации Республиканской партии. Итак, в этом смысле главная ответственность лежит на республиканцах – они должны выяснить, как с этим бороться. Но существуют два момента: во-первых, как мы получили Трампа, и во-вторых – что делать с этим сейчас? Один из пунктов нашей книги – показать, что реакция политического истеблишмента имеет решающее значение. На протяжении всей истории, будь то в Венесуэле в 1990-х годах, в Италии в 1920-х или в Германии в конце 1920-х годов, вопрос заключается в том, как политический истеблишмент реагирует, когда сталкивается с внешним мятежником. Во всех этих случаях они отреагировали отказом. В Бельгии в 1930-х годах была крайняя правая партия, и католическая партия Бельгии собралась вместе с другими партиями и решила, что они не собираются формировать коалиции с крайне правыми. Крайне правые провалились. Вот почему я считаю, что у политического истеблишмента есть особая ответственность провести линию, прежде чем радикальные кандидаты приступят к работе. Возникает другой вопрос: что делать, когда они приходят к власти? Что нужно предпринимать, если эта грань нарушена?

Итак, консерваторы должны остановить правых популистов?

Да. Американская история дает ясный урок. Существует единственный способ остановить процесс злоупотребления властью президентом: его союзники должны придерживаться четких границ. Никсон подал в отставку с поста президента в начале 1970-х годов потому, что к нему пришли два республиканских лидера и сказали: «Вам объявят импичмент, поэтому лучше уйти в отставку». Барри Голдуотер был одним из них. Когда республиканцы озвучили свою поддержку ему, Никсон подал в отставку. Дело в том, что исторически это партийные союзники потенциальных авторитаристов, которые имеют особую стратегическую и моральную ответственность, чтобы остановить ущерб, причиняемый лицом, занимающим пост президента.

В вашей книге также говорится об опасности, что избранные авторитарные лидеры склонны держаться за власть. Можете рассказать об этом подробнее?

Основная дилемма заключается в том, что избранные легитимно люди, будучи у власти, демонстрируют поведение, уничтожающие демократические институты. Во-первых, они пытаются захватить арбитров в политической игре, поэтому идет атака на судебную власть как основной аппарат государства. Мы видим подобные примеры в Турции и Венгрии. И это мы также наблюдаем в США, когда президент Трамп пытается вмешаться в расследование, уволив директора ФБР, оказав давление на министра юстиции. Президент, конечно, имеет все конституционные права на это, но конечным результатом этого является захват арбитров и укрепление власти.

Вторая стратегия заключается в охоте на оппозицию, корпорации, университеты или СМИ, которые носят оппозиционный характер. Таким образом, когда президент Трамп атакует главу Amazon, который также является владельцем Washington Post, это пугает кого-то, кто критично относится к президенту. Ситуация пока не зашла очень далеко, но есть движение в этом направлении.

Третья стратегия – изменить правила игры. Как только избранный авторитарист придерживается первых двух стратегий, он желает закрепить свои преимущества в долгосрочной перспективе. Обычно это означает изменение избирательного законодательства таким образом, чтобы поддержать действующего президента. Поэтому, если мы снова взглянем на пример Венгрии, предвыборные реформы в 2014 году – это реформы, которые дают возможность превратить меньшее большинство в подавляющее большинство парламентариев. Если кратко охарактеризовать эти три измерения, я думаю, что администрация Трампа потерпела наибольшую неудачу в первом. В двух остальных у него пока не было большого успеха.

Значит, у нас нет повода для паники? Кривая тревожности немного идет вниз?

Важно не преувеличивать это именно из-за динамики спирали, о которой мы говорили. Проблема не только в Дональде Трампе. Этим явлением движет сильная поляризация в американской политике, которая предшествовала Трампу. Трамп – это симптом, и даже если он будет снят с должности, или покинет ее, или потерпит поражение, лежащая в основе поляризация будет по-прежнему оставаться с нами. И это корень проблемы, о котором стоит задуматься.

Вопросы задавал Михаэль Брёнинг

⊗ **Дэниел Циблатт** (Daniel Ziblatt) – профессор Гарвардского университета и сотрудник Center for European Studies. Тематики его исследований – демократизация, государственное управление и европейская политика. Недавно вышла его книга «Как умирают демократии».

Стражи неолиберального порядка

Развивающимся странам стоит отказаться от политики, навязываемой международными организациями

**Бакар Берекашвили,
Тато Хундадзе**

Неправительственная организация (НПО) Freedom House, главный офис которой расположен в США, 18 апреля 2018 года презентовала выводы своего последнего отчета под названием «Нации в переходный период 2018: противодействие антилиберализму». Данный отчет подвергся серьезной критике в Грузии: премьер-министр этой страны даже дал настоятельный совет Freedom House «тщательно взвешивать, прежде чем обнародовать необъективную информацию и спорные оценки в отношении качества демократического развития Грузии».

Суть проблемы состоит в том, что для грузинских властей стало уже обыденным делом выстраивать свою политическую платформу на базе показателей, получаемых от международных организаций, и игнорировать при этом потребности и предпочтения своего собственного общества. Два последних правительства в Грузии хвастались тем, насколько они опережали другие страны в «Индексе экономической свободы» от американского исследовательского центра «Фонд наследия» (The Heritage Foundation), в «Индексе легкости ведения бизнеса» от Всемирного банка, а также в «Индексе восприятия коррупции» от Transparency International. То, что Грузия откатилась назад на 0,07 пункта в отчете Freedom House, вызвало переполох среди ведущих представителей грузинской политики, журналистики и общественного сектора. Такая одержимость системами оценок вынуждает вспомнить британский телевизионный сериал «Черное зеркало», когда во второй серии первого сезона человеческое существование оценивается в баллах и описывается на их основе. Это искаженное восприятие демократии, распространяемое местными и международными элитами, является антиполитическим по своей сути.

Демократия и либеральный индивидуализм

На Западе в эпоху позднего капитализма возникли разные транснациональные НПО, главная цель которых состояла в распространении либеральной, чаще даже неолиберальной демократии по всему миру. Это происходило в период, когда набрало обороты такое явление, как экспорт демократии западного образца во все регионы земного шара. Глобальные организации гражданского общества основали новый вид миссионерской культуры, в рамках которой они взяли на себя задачу, выполнявшуюся ранее западными политическими элитами – моральную миссию по распространению идеологии либеральной демократии. Международные НПО занимались не только распространением демократии, но и измерением, а также оценкой качества демократии во всем мире.

В период нового времени оценка демократии и других политических систем с этических, моральных, философских и политических позиций стала предметом деятельности академического сообщества. Сегодня научные круги уже лишились права оценивать любые вопросы политической деятельности (включая и демократию) с позиции морали и этики. Более того, критические философские и политические дискуссии на тему демокра-

тии сошли на нет. Взамен этого, аналитическое осмысление будущего демократии протекает сегодня в рамках международных и неправительственных платформ, исповедующих упрощенческое понимание демократии как системы. Иначе говоря, классические идеалы и метанарративы в отношении систем управления сейчас замещены отчетами и служебными записками на политические темы.

В наши дни демократия измеряется на основе либерального, а точнее – неолиберального подхода. Как следствие, оценивание качества управления и демократии в стране осуществляется преимущественно с позиции замеров того, насколько эффективно местные элиты переняли англо-американские традиции и адаптировали их на местном уровне. Польский социолог и ученый-политолог Ежи Вятр выступает с резкой критикой в отношении такого доминирования либеральной идеологии. Он критикует мировую гегемонию либеральной демократии и доказывает, что англо-американская модель не должна позиционироваться как единственно возможная модель демократии. Социолог отмечает, что теория политической науки знает много форм демократии. Например, существует различие между американским и французским пониманием демократии: в первом случае делается акцент на свободе как определяющей ценности, в то время как во втором – на равенстве. Вследствие этого, как утверждает Вятр, у западных элит либерального толка нет достаточных методологических и идеологических инструментов, чтобы утвердить иные базовые принципы толкования такого понятия, как «демократия».

Демократия без развития?

Мировое сообщество неправительственных организаций не делает определяющий акцент на важности экономического роста и развития для прогресса либеральной демократии. По сути, большая часть дискуссий в постсоветских обществах сводилась к тому, что демократия должна выступать в роли предшественника для экономического роста. Однако недавние исторические примеры демонстрируют, что имеют место и другие пути, и что экономическое развитие создает важнейшую предпосылку для становления демократии. Это происходит в сочетании с промышленным развитием, создающим рабочие места и обеспечивающим более высокий уровень дохода для граждан, у которых появляется более широкий доступ к образованию – усиливается значение и роль ценностей, касающихся индивидуального самовыражения. Кроме того, поскольку государство накапливает больше материальных ценностей и ресурсов, а также получает больше налоговых поступлений, оно становится способным финансировать более содержательную систему образования, которая содействует процессу демократизации.

Новейшая история таких стран, как Южная Корея, содержит конкретные примеры того, как дальновидные лидеры (в данном случае – Пак Чон Хи) обратились к девелопментализму (ускоренному промышленному развитию) и создали материальную базу для старта демократического развития в таких обществах, которые до этого были бедными и консервативными. Постсоветские страны должны следовать этому примеру и фокусировать внимание на экономическом росте и развитии, а не на становлении либеральной демократии. Более того, международные общественные организации – такие как Freedom House – не должны стоять на страже неолиберализма и продвигать его как единственный путь развития общества. Отчет «Нации в переходный период 2018», составленный Freedom House, – это недвусмысленный пример того, как международные НПО навязывают развивающимся странам неолиберальный путь развития. Freedom

House снял с Грузии баллы за демократию на основании того факта, что данное государство выставило штрафные санкции двум иностранным компаниям Philip Morris и British American Tobacco за демпинг и хищническую ценовую политику. Отчет Freedom House цитирует выводы Transparency International в том месте, где утверждается, что государство, применяющее штрафные санкции к зарубежным компаниям, «наносит вред инвестиционному климату и репутации страны, что в конечном счете вредит государственному бюджету и экономике». Подобные паллиативные оценки демократии, вероятно, вполне могли бы стать причиной того, что такие теоретики демократии, как Йозеф Шумпетер и Роберт Даль, перевернулись бы в своих гробах.

Ветер перемен

Несмотря на тот факт, что западная либеральная демократия (некогда трансформировавшаяся в неолиберальную демократию) пребывает в кризисе как инструмент идеологического и политического обустройства общества (что иллюстрируют такие события, как Брексит и избрание Дональда Трампа), она все еще остается для международных организаций ключевым предметом идеологического экспорта в развивающиеся страны. Более того, эта тенденция в дальнейшем укрепляется элитами незападных стран, которые воспринимают западных экспертов как авторитетных фигур в вопросах развития. Эти элиты находятся на передовой культурного производства в развивающихся странах, и они впитывают оценки своего развития и знания об этом процессе в том виде, в котором их предоставляют такие западные организации, как Freedom House. Для Грузии и других постсоветских стран настало время отказаться от политики, которая измеряется и оценивается исключительно по либеральным индикаторам, игнорируя при этом потребности народа. Вместо этого, при выработке политического курса Грузии следует принимать во внимание фундаментальные потребности народа, такие как доступ к рабочим местам, здравоохранение и образование. Как констатировал Авраам Линкольн, управление обязано быть управлением «народа, волей народа и для народа», вместо того, чтобы быть управлением Freedom House, волей Freedom House и для Freedom House.

⊗ **Бакар Берекашвили** (Bakar Berekashvili) – преподаватель политологии и критической теории в Грузинско-американском университете и политический аналитик в грузинской государственной телерадиокомпании «Общественный вещатель Грузии».

⊗ **Тато Хундадзе** (Tato Khundadze) – политико-экономический эксперт и руководитель аналитического отдела в грузинской государственной телерадиокомпании «Общественный вещатель Грузии».

Следующий шаг

Судьба нового правительства Армении зависит от скорости и силы перемен, на которые оно пойдет

Айк А. Мартиросян

Месяц назад, 8 мая, после тяжелейшего, но мирного народного восстания в Армении произошла смена власти: правительство страны возглавил Никол Пашинян. Он, в прошлом видный оппозиционный журналист, а потом уже и оппозиционный политик, всего за две недели сумел свергнуть власть, которая в Армении

правила почти 27 лет.

Свои акции протеста Пашинян, глава партии «Гражданский договор» (ГД), начал с небольшой группой соратников и однопартийцев. Даже многие из них сами не верили, что акция друзей достигнет такого результата. К примеру, такого мнения были Эдуард Агаджанян, впоследствии возглавивший аппарат правительства, и Эдмон Марукян – союзник Пашиняна по парламентскому блоку «Елк». Перед маршем Пашинян предложил Марукяну присоединиться со своей партией «Светлая Армения», но тот выразил сомнения и предпочел парламентскую борьбу уличной. Еще один союзник – партия «Республика» во главе с бывшим премьер-министром Арамом Саркисяном тоже отказалась. И Пашинян пошел только со своей партией.

Этот разношерстный кабинет – результат компромисса и договоренности с поддержавшими революцию силами

Поэтому когда Никол Пашинян занял пост премьер-министра, широкого или же профессионального кадрового запаса у него не было. Он был известным и харизматичным оппозиционером, пожалуй, самым храбрым, однако его однопартийцами были в основном неизвестные молодые люди, активисты без большого, а в некоторых случаях и совсем без какого-либо политического опыта.

При формировании кабинета Пашинян некоторые ключевые посты отвел своим ближайшим сподвижникам, которые были с ним в походе либо еще до революции. В частности, в новом правительстве портфель первого вице-премьера получил Арарат Мирзоян – парламентский однопартиец Пашиняна, а вице-премьера – Тигран Авиный, который в дни революции был его пресс-секретарем. Также вице-премьером был назначен юрист, экономист и банкир Мгер Григорян.

Было много обсуждений относительно назначений членов нового правительства. Были очень приемлемые имена, были и никому не известные, и вызывавшие неоднозначные реакции. Вне правительства и вне круга друзей, однопартийцев или же экспертов самым тепло принятым назначением стало назначение Давида Санасаряна главой Государственной службы контроля Армении, следящей за эффективностью трат государственных средств и ведущей антикоррупционную деятельность. Нет в Армении ни одного

активиста, который был бы так много избит и арестован бывшими властями, чем Санасарян. Известный как крайне принципиальный человек, он был вторым после Пашиняна публичным лицом революции. Санасарян создал движение «Отвергни Сержа» («Мержир Сержин»). Пашинян присоединил его к своему – «Сделай шаг» («Кайл Ара»). Именно под этим объединенным лозунгом «Сделай шаг, отвергни Сержа!» 23 апреля народ отправил Саркисяна в отставку. Присоединившись к Пашиняну в начале революции, Санасарян был арестован с ним. Кроме того, в движении «Отвергни Сержа» был известный политолог Армен Григорян, который также был арестован спецназом Саркисяна в дни революции. Он получил должность секретаря Совета безопасности Армении.

Стоит отметить, что некоторые посты, такие как мэр Еревана, генеральный прокурор и председатель Конституционного суда, все еще остаются в руках республиканцев – партии бывшей власти. В результате создается своего рода двоевластие. Одно из его проявлений – вербальная конфронтация между премьером и генпрокурором в вопросе политзаключенных. И в этом Пашинян проявляет терпение. Он, скорее всего, не склонен к радикальным мерам и имеет какой-то план постепенного, но верного удаления с ключевых постов остатков бывшего режима.

Этот разношерстный кабинет – результат компромисса и договоренности с поддержавшими революцию силами. Абсолютно ясно, что нынешнее правительство Пашиняна не сохранится после внеочередных выборов в полном составе. Вероятно, что некоторые министры успеют провалить свою работу и будут заменены.

Не исключено также, что Пашиняну в кадрово-политическом плане может быть выгодна неуспеваемость некоторых своих сподвижников – таким образом он сможет освободиться от бремени революции и моральной обязанности перед друзьями, которые прошли с ним путь революции, но пройти путь правления, вероятно, не смогут. Быть народным лидером – это одно, другое – нести за страну ответственность. Премьеру точно нужно привести во власть людей с профессиональными биографиями, которые справятся с задачами государственного управления. Революции поднимают много пыли, за этим следуют дни хаоса и дождей, а потом небо становится ясным.

Спецификой этого правительства является и то, что оно не имеет четкой идеологии

Спецификой этого правительства является и то, что оно не имеет четкой идеологии. Трудно считать его левым, правым или же центристским. Это, скорее всего, собрание либеральных людей, которые подходят к решению проблем с точки зрения морально-этического менеджмента. Сам Пашинян явно не националист, но и космополитом его называть невозможно. Он не консерватор и не классический либерал, хотя склоняется к либеральным ценностям.

Прошел всего месяц со дня формирования этого кабинета, и оценить работу правительства трудно. На первый взгляд, в самом правительстве немало неопределенности. И это понятно, ведь невозможно подойти к рычагам управления страной и, не будучи к этому готовыми, сразу взять прямой курс на взлет. Одно ясно – все члены правительства полны решимости изменить и реформировать свои отрасли.

За прошлый месяц была раскрыта пара громких экономических преступлений. При-

мечательно, что, по словам самих же участников махинаций, их действия были согласованы с бывшей властью. Можно сказать, что реальные реформы уже начались, хотя они выглядят пока как-то хаотично и несистематично.

Премьер-министр уже совершил два официальных зарубежных визита. Он принял участие в саммите ЕАЭС в Сочи, где познакомился с президентом России Путиным, а также поехал в Грузию наладить двусторонние отношения, которые долгое время фактически игнорировались бывшей властью. В Тбилиси Пашиняна приняли очень тепло и на очень высоком уровне.

Пересмотра внешней политики Армении не будет

Кажется, в России некоторые силы не верили, что революция была внутриармянским движением, не финансировалась извне и не была направлена против России. Уж очень сильно в сознании некоторых представителей российского истеблишмента сидят призраки Сороса, Госдепа или же «империалистически настроенных» британцев, «зловещего дома Ротшильдов» или еще кого-то. В Армении смена власти не обернулась сменой союзничества, и никакого «Майдана» в Ереване никогда не было.

Изначально Кремль был осторожен в своих оценках. И это понятно. Будучи депутатом, Пашинян неоднократно выступал с заявлениями, что членство в Евразийском союзе вредно для Армении и страна должна его покинуть. Кроме того, в команде Пашиняна немало молодых людей, которые получили образование на Западе и квалифицируются некоторыми как «про-западные». А в Кремле привыкли иметь дело с нелегитимными вождями в Ереване, которые вели себя как вассалы внешних игроков. Пашинян стал первым исключением из этого правила, что вызывало в Москве непонятные ощущения. Новый глава правительства понимал это прекрасно, поэтому с самого начала подчеркивал, что не имеет ничего против сотрудничества с Москвой, и пересмотра внешней политики Армении не будет. Наоборот, Пашинян намерен развивать отношения с Россией, но уже на настоящем партнерском уровне. Он хочет, чтобы Армения эффективно сотрудничала в рамках таких международных организаций, как ЕАЭС и ОДКБ, на правах полноправного члена, а не как неравный и бесправный союзник.

Диссонанс между реальностью в стране и реальностью в парламенте стал очень сильным. Внеочередные парламентские выборы должны пройти не позже, чем через год.

В программе правительства говорится, что внеочередные парламентские выборы должны пройти не позже, чем через год. Причины понятны. Во-первых, нынешнее Национальное собрание сформировано в результате массовых фальсификаций и по плану Сержа Саркисяна. Во-вторых, диссонанс между реальностью в стране и реальностью в парламенте стал очень сильным. Сейчас фактическое большинство в парламенте представляет абсолютное, мизерное меньшинство в обществе. И в-третьих, Пашиняну и его команде невыгодно откладывать выборы позже, чем на год. Популярность его политсилы со временем

пойдет вниз, а новая конфигурация уже может и не сработать в пользу нынешней власти.

В действительности мало кто осознает, что теперь уже первичной угрозой для команды Пашиняна является не потерпевшая поражение, но все еще живая партия республиканцев. Взять власть непременно будет стараться олигарх Гагик Царукян, а взять реванш – бывший премьер Карен Карапетян. Очевидно, что на предстоящих выборах фальсификаций и больших нарушений новая власть не допустит, и решающим фактором станет оценка народом той или иной партии. Также очевидно, что партия «Гражданский договор» будет иметь намного больше мест в парламенте, чем на предыдущих выборах, но гарантировать ей большинство через год будет нелегко. Если Царукян создаст блок с партией «Дашнакцутюн» и будет сотрудничать с другими силами, то ситуация в новом парламенте в преддверии выборов может резко измениться. А если этого не произойдет, и «Гражданский договор» пойдет на выборы самостоятельно, тогда возможны варианты других коалиций.

Популярность самого премьера Пашиняна и его партии зависит от скорости и силы перемен, которые они сделают. Приближенные знают, что Пашинян в последние месяцы спит всего пару часов в сутки – настолько велика нагрузка и трудна перестановка государственной системы.

Народ возлагает на новую партию власти и лично премьера огромные надежды. В Армении вряд ли уже когда-нибудь будет так плохо, как было при предыдущих трех руководителях страны. Но и вряд ли Пашиняну удастся при данном раскладе реальности дать жизнь всему тому, что ожидают от него. При умеренном подходе, который демонстрирует глава правительства, и при постепенной, а не кардинальной расчистке госсистемы, появится немало недовольных ходом изменений, тогда возможны разочарования и перестановки в центрах силы власти.

Пашиняну не позавидуешь, но альтернативы у армянского народа и Армении нет, кроме как поддержать премьера

Еще очень многое зависит от нового развития в Карабахском вопросе. А тут Армения вряд ли что-то решает. Именно Азербайджан готовится к новой войне, и от хода этой, кажущейся неминуемой войны зависит будущее не только для армянского общества, но и страны в целом.

Пашиняну явно не позавидуешь, но и альтернативы у армянского народа и Армении нет, кроме как поддержать своего премьера. На данном этапе только он – гарант победы революции и единственный человек в Армении, способный исправить то, что систематически разрушалось в стране предыдущими тремя лидерами. Есть новая Армения, и процесс ее строительства уже не остановить.

⊗ Д-р **Айк А. Мартиросян** (Hayk A. Martirosyan) – политолог, доктор политических наук Парижского университета (Сорбонна). В 2016 году был старшим советником премьер-министра Армении.

«У нас нет проблем с демократией. У нас большие экономические проблемы»

Почему молодые люди, сделавшие революцию в Тунисе, вынуждены покидать страну

Наджит Заммури

После «арабской весны» Тунис фактически оказался единственной страной в регионе, которая находится на верном пути демократического развития. Как вам удалось этого достичь и перейти от революции и хаоса к стабильности?

Мне нравится повторять такую фразу: Тунис – единственная страна в регионе, где «арабская весна» прошла успешно. Мы знаем о событиях 2011 года в Ливии, Египте, а сейчас в Сирии, где ситуация очень непредсказуема. Я считаю, что для этого есть две основные причины. Во-первых, как я уже говорила, тунисцы имеют свои особенности. Если вы проведете небольшое исследование в Тунисе, то увидите, что мы – особенные люди. Мы открыты всему новому, принимаем демократию, принимаем изменения, мы ведем непрерывный диалог и не склонны к насилию. Даже три столетия назад мы были такими же. Во-вторых, очень важную роль сыграли четыре большие организации. Среди них и наша организация – Тунисская лига по правам человека, Всеобщая тунисская конфедерация труда, Тунисская конфедерация промышленности, торговли и ремесленничества, Тунисский орден адвокатов. Эти четыре объединения очень почитаемы и уважаемы в нашей стране, потому что они большие, а также потому, что были главной оппозицией для Бен Али. Наши заявления слышны в каждом уголке земного шара. Мы как старшие товарищи, как старшие члены семьи – дедушка или бабушка.

Было много проблем, много нерешенных задач – особенно в 2013 году, когда произошло два политических заказных убийства. Ситуация была весьма плачевной, как вы это сами отметили. Во всем были замешаны высокие политические чины. Начало сильно нарастать напряжение. Не было выхода из этой ситуации. Исламский народ хотел закрепить шариат в Конституции. Они говорили (поскольку они составляют большинство), что в течение одного года собираются написать Конституцию. Но на это потребовалось почти три года. А с противоположной стороны выступали люди, секуляристы, которые требовали разделения религии и политики. Все в стране остановилось, решения не было. Поэтому мы, эти четыре организации, призвали к диалогу этих политических деятелей. Мы инициировали дискуссию и спросили: «Что вы хотите? Вы должны в течение одного года написать Конституцию – и это все. Хорошо, мы обязаны распустить политическое правительство. Не время сейчас для политического правительства. Давайте согласуем технократическое правительство – не политическое. Не время сейчас для политиканства». Они выслушали все это, и мы нашли консенсус, они сказали: «Хорошо, пусть будет так».

Почему?

Это хороший вопрос. Они сказали: «Хорошо, давайте что-то делать». Мне кажется, все исходит из того, что Тунис важен для каждого. Мы не хотим развязывать войну всех

против всех. Тунис для всех – и для исламистов, и для секуляристов. Все были достаточно умны, чтобы услышать эти четыре организации.

Тунис – это, безусловно, положительный пример в регионе. Но даже сегодня люди из Туниса – особенно молодые – спасаются бегством, рискуя даже своими жизнями, только чтобы уехать в Европу.

Да.

Что может сделать правительство, чтобы предотвратить то, что в большинстве стран называют «утечкой мозгов» – когда уезжают лучшие умы? Есть ли какие-то положительные перспективы для молодых людей в Тунисе?

Вы знаете, уровень безработицы сейчас выше, чем до 2011 года. Безработица была одной из причин, по которой мы провели революцию, – это одна проблема. Вторая проблема – люди... Ведь молодежь не только бежит – есть те, которые кончают жизнь самоубийством. Это правда. Они устраивают самосожжение – как Мохаммед Буазизи в 2010 году. Они мигрируют в Италию. Многие из них просто гибнут в Средиземном море. Что же делает сейчас правительство? Не много. Потому что нет стратегии. Правительство, к несчастью, не имеет четкой концепции будущего для этих молодых людей, особенно для людей с высшим образованием – такие просто бегут из страны. А ведь ту революцию сделали молодые люди. И они не находят программу или концепцию будущего, которая была бы предназначена для них. Лично я не удовлетворена нынешними действиями правительства. Ни концепций для будущего, ни конкретных решений.

Европа реализует политику добрососедства с теми странами, с которыми она непосредственно граничит. Что, с вашей точки зрения, необходимо сделать для поддержки Туниса? И какие ошибки Европейский союз допустил в прошлом, что привело к ухудшению ситуации в Тунисе?

Начну с ошибок. Международный валютный фонд диктовал очень жесткие правила для внутренней политики Туниса. Экономика Туниса находится под управлением МВФ. Соответственно, было принято много жестких мер. Многие люди должны были оставить свою работу – это было одним из условий МВФ. И правительство не отказывает. Это огромная ошибка. И, конечно, они дали нам деньги, но условия при этом не были хорошими для тунисского народа. Я думаю, что ЕС должен был помочь, он должен был быть более терпеливым с Тунисом. Мы же партнеры уже много лет. Если мы действительно собираемся установить демократию в Тунисе, Европа обязана нам помочь, потому что наша страна имеет стратегически важное месторасположение.

Если бы я был на месте европейских чиновников, то я бы ответил вам: «Так вы ожидаете, что Европа будет предоставлять вам деньги без всяких условий?». Вы это подразумеваете? Или сами условия должны быть иными?

Нет-нет, я не романтик! Я знаю, что это невозможно – дать деньги без условий. Но я считаю, что как минимум следовало бы поддержать туризм в Тунисе. Главные наши клиенты – европейцы. А сейчас больше нет туристов из Европы.

И как Европе сделать это – поддержать туризм?

Признать, что Тунис сейчас – это безопасное место.

Это действительно так?

Да, Тунис сейчас – безопасное место. Проблемы есть по всему миру. Хаммамет, Джерба – это безопасные места. Европейцам следовало бы, к примеру, покупать у нас оливковое масло, апельсины. У нас нет проблем с демократией или свободой слова. У нас сейчас большие экономические проблемы. Они помогли бы нам в экономическом плане, будучи нашими экономическими партнерами. И этого достаточно.

Существует ли вероятность новой революции, учитывая сегодняшнее положение в стране?

Нет-нет. Такой угрозы нет, что у нас может возникнуть новая революция. Ситуация очень сложная. Возможно, впереди еще много изменений и нерешенных задач. Но никакой больше революции я не предполагаю. Это легче сказать, чем сделать.

Вопросы задавали Николаос Гавалакис и Ольга Мелих

⊗ **Наджит Заммури** (Najet Zammouri) – правозащитница и эксперт в сфере правосудия переходного периода, вице-президент Тунисской лиги по правам человека, организации, получившей Нобелевскую премию мира в 2015 году.

Дорогой дом

Как жилищная проблема обостряет социальное неравенство и что с этим делать

Ванда Выпорська

Право на жилую площадь – одно из основополагающих прав человека, и тем не менее многим европейским правительствам все еще не удается воспринимать неприютность в серьезном ракурсе. Наши дома являются своего рода ключевой частью нашей личной жизни: мало кому из нас пришло бы в голову не явиться домой сегодня вечером – в наши семейные владения и в нашу неизменную и осязаемую семейную реальность.

В отчете «Состояние жилищного обеспечения в ЕС» за 2017 год сообщается о малых объемах строительства жилых площадей на фоне того, что рост доходов населения не поспевает за ценами на недвижимость. Эти выводы учитывают пропорциональные изменения в структуре семейных бюджетов: колоссальное увеличение расходов на приобретение жилья; снижение уровня конечного дохода, остающегося после уплаты налогов и сборов; а также уменьшение потребительских расходов. Такое положение дел не способствует динамичному экономическому развитию, а люди вынуждены выбирать профессию в зависимости от того, насколько та или иная деятельность способна обеспечить им приобретение жилья.

Высокая арендная плата приводит к тому, что много молодых людей не в состоянии позволить себе жизнь в столице или больших городах и, как следствие, они остаются отрезанными от карьерных возможностей, предлагаемых этими центрами общественной жизни. Так в дальнейшем формируется социальное неравенство, поскольку те граждане, у которых нет семейной или финансовой поддержки, обречены прозябать на низкоквалифицированных рабочих местах в тех регионах, где крупные компании и организации редко нанимают себе сотрудников.

Блокированное поколение

Те граждане, которые владеют недвижимостью в больших городах, имеют гораздо больше конкурентных преимуществ, так как они способны поддержать своих детей в плане стажировок и накопления профессионального опыта, а также – что еще более важно – предоставить им место для проживания, пока они сами не начнут зарабатывать приличные деньги. Жилищный кризис блокирует целое поколение молодых людей от возможности найти себе подходящие профессии, рабочие места и увидеть жизненные перспективы.

Мы прекрасно осознаем остроту проблем, сложившихся в Великобритании: хронический дефицит жилья; значительное количество домохозяйств, перегруженных жилищными расходами; недостаточное финансирование программ по строительству доступного жилья. И мы предчувствуем, что грядущие изменения в нашей системе социального обеспечения только усилят нынешнюю кризисную ситуацию.

Одна из проблем, преследующая любое правительство, – это склонность к фрагментарному подходу к такому типу задач, как жилищное обеспечение, вследствие чего решения для этих проблем сводятся исключительно к фрагментарным действиям.

Переход от капитальных вложений в жилищный фонд к социальным выплатам упростил перекладывание основной финансовой нагрузки на плечи отдельных граждан. Если мы строим дома, то происходит более широкое распределение денежного дохода: через строительные компании, малых субподрядчиков и в конечном итоге через зарплаты. Но если капитальные вложения заместить социальными выплатами, то в таких условиях становится проще уменьшить эту отдельно взятую кучу денег, причем граждан, получающих эти средства, можно обвинить во всех грехах и поливать грязью как иждивенческую бедноту.

Внедряемые в Великобритании лимиты – это еще один эффективный путь для прорезывания упомянутой кучи денег. Но любая политика имеет свои последствия, и политика лимитирования не является исключением. Если в каком-то регионе размер пособий или субсидий на оплату жилья ниже, чем арендная плата, то это создает волны внутренней миграции, принуждая людей отрываться от своих семей, ресурсов своих регионов, своих школ и мест работы. Помимо этого, такая политика может стать причиной социальной сегрегации и привести к накоплению проблем в коммунальном секторе и без того бедных регионов.

Фрагментарные решения

Согласно данным упомянутого отчета, 17,6% населения Великобритании проживает в государственном жилье для социального найма и 19% – в арендованных частных жилых помещениях; еще 63,1% имеют собственное жилье. Однако данные о количестве проживающих собственников обязательно скрывают в себе разные формы их воплощения в реальной жизни: перенаселенная жилплощадь; недостаточно населенная жилплощадь; дети, живущие с родителями; пары, не имеющие возможности проживать отдельно после развода; а также бывшие и нынешние жертвы домашнего насилия, находящиеся в ловушке чудовищных жизненных обстоятельств.

Нам нужен целостный подход для снижения уровня социального неравенства, которое отчасти проистекает из бедственной ситуации с жилищным обеспечением.

Особо впечатляют выводы отчета, в которых отмечается, что «цены на жилье растут быстрее, чем доход граждан в большинстве государств – членов Европейского союза, в то время как социальное неравенство и жилищная несостоятельность граждан синхронно усиливаются». Это утверждение весьма красноречиво само по себе, и мы, как представители Equality Trust, абсолютно с этим согласны. Одна из проблем, преследующих любое правительство, – это склонность к фрагментарному подходу к такому типу задач, как жилищное обеспечение, вследствие чего решения для этих проблем сводятся исключительно к фрагментарным действиям.

Бесприютность и возможность позволить себе дом, по сути, напрямую связаны с размерами доходов, занятостью, системой социальной защиты, домашним насилием и жестоким обращением, наркоманией и алкоголизмом, а также с бедностью детей и молодежи. Многие из этих явлений напрямую связаны с системой образования, возможностями рынка

труда, дискриминацией и другими изъятиями и структурными проблемами, которые порождают и усугубляют социальное неравенство. Учитывая, что «классовый разрыв в зарплате» в Великобритании составляет почти £7 000, а неравенство в доступе к услугам здравоохранения годами уносит жизни бедных людей, эта повестка дня обязательно должна иметь более весомое политическое значение.

Социальное неравенство, переданное по наследству

Жилье как объект собственности укореняет неравенство для нынешнего поколения, которому отрезан доступ к достойным жилищным условиям – вне зависимости от того, идет ли речь об аренде государственного или частного жилья, или же о скрытой аренде посредством разных схем собственности. С другой стороны, такое положение дел с жильем транслирует вилку социального неравенства в преемственности поколений – через механизм передачи по наследству некоторого объема привилегий, образующего пропасть между теми, кто наследует недвижимое имущество или пользуется преимуществами «Банка Мама и Папа», дающего деньги для осуществления первого взноса по ипотечному кредиту и выступающего в роли гаранта этого кредита, и теми, кто в поте лица старается заработать достаточно денег, чтобы после уплаты арендной платы хватило хотя бы на еду.

Это создает различия в уровне материального благосостояния, которые углубляют социальную разобщенность, равно как и усиливают социальное неравенство. Как мы знаем из результатов большого количества исследовательских работ, страны с высокими показателями социального неравенства демонстрируют также высокие показатели физических и душевных заболеваний, ожирения и заключений под стражу, равно как и низкие показатели доверия, участия в общественной жизни и уровня образования.

Нам нужен целостный подход для снижения уровня социального неравенства, которое отчасти проистекает из бедственной ситуации с жилищным обеспечением. Нужно обязать органы государственной власти уделять должное внимание результатам своей регламентированной деятельности в отношении лиц, испытывающих социально-экономические затруднения.

⊗ Д-р **Ванда Выпорська** (Wanda Wyporska) является исполнительным директором организации The Equality Trust, которая занимается снижением уровня социального и экономического неравенства в Великобритании. Она является членом Королевского общества поддержки искусства, а также гостевым лектором в Йоркском университете.

Все против всех

Понятия «холодная война» или «горячий мир» для нынешней глобальной борьбы слишком устарели

Райнхарт Крумм

Понятия необходимо подбирать точнее. Обращение к прошлому и применение старых понятий к новым обстоятельствам не способствуют остроте нашего взгляда на них, а скорее делают его растяжимым. Новые обстоятельства требуют новых подходов к решению проблем, а значит, и новых определений.

Невзирая на это, никто не проявляет желания отказаться от понятия «холодная война». Особенно в США. Ученый Роберт Легволд пишет о «возврате к холодной войне», его коллега Евгений Румер – «о холодной войне в стиле XXI века». А вот Майкл Макфол дал своему недавнему отчету о деятельности в должности посла США в Москве понятийно противоположное название: «От холодной войны к горячему миру».

Понятие «холодная война» вошло в обиход после Второй мировой войны. Это было время охватившего весь мир идеологического конфликта между Советским Союзом с его коммунистическими соратниками и США, западноевропейскими странами и их союзниками. При этом в течение длительного времени в борьбе за доминирующее положение в мире не исключалось и применение ядерного оружия. С исторической точки зрения это время охватывает период с 1947 года, когда президент США Гарри Трумэн пообещал помощь государствам, которым угрожала опасность советской агрессии, и до падения Берлинской стены и последующего распада Советского Союза.

Увидеть разницу в сопоставлении с XXI веком не составляет труда. В данном случае речь не идет об идеологическом или экономическом конфликте. На первый взгляд, одной противоборствующей стороной является Россия, а другой – США, страны ЕС, а также Грузия и Украина в качестве государств Восточного партнерства. Остальной мир, кажется, лишь наблюдает за происходящим – с раздражением, опасением, или как в случае с Китаем, с улыбкой на лице.

Согласно стратегии нацбезопасности США, военные конфликты не исключаются

На самом же деле круг участников стал шире. Ведь система безопасности и ее основы во всем мире дали трещину. Исчезает понимание многополярного мирового устройства, опирающегося на ценности, нормы и идею безопасности на основе сотрудничества во имя устойчивого мира, а также таких его институциональных структур, как Организация Объединенных Наций (ООН) или Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). К тому же каждый смотрит на другого, как на утратившего ведущую роль и значение в плане обеспечения будущего мирового порядка. Как гласит доктрина безопасности США, при этом не исключаются и военные конфликты.

И вот крупные, сильные в военном или экономическом отношении государства готовятся к новому миропорядку, который в их ошибочном понимании означает завоевание как можно лучших позиций: США желают сохранить за собой свою доминирующую роль, Китай и Россия стремятся к многополюсному миру. Эпоха окончания соперничества между какими бы то ни было идеями, провозглашенная после 1991 года, длилась всего 25 лет, потому что за эти годы изменилось соотношение сил между США, Китаем, Россией, ЕС и другими государствами.

США при Администрации президента Трампа делают ставку на национальные единичные действия, хотя страна, доминировавшая до сих пор, должна была бы собственно разделить свою лидирующую роль в изменившемся мире с другими. Китай, которому не в последнюю очередь благодаря инициативе «Один пояс и один путь» удалось обрести достаточно сильное экономическое влияние в мире, наверняка захочет еще более расширить его. Он примеряется к выгодной ему системе глобальной торговли. Россия в условиях авторитарного правления, хотя и осознает свои слабые места, но желает вернуть себе лидирующую роль, принадлежавшую ей во второй половине XX века, не только по причине своих размеров, но с опорой на военную силу. Евросоюз ощущает свою экономическую мощь, однако на переломном этапе с жизненно важными вызовами все же проигрывает политическую конкуренцию в сфере безопасности. ЕС не хватает качественных игроков, хотя наличие таковых является очень важным для продолжения политики мультилатерализма.

Великие державы абсолютно независимо от географического положения или нормативной ориентации все больше проповедают политику национального эгоизма

Важным элементом была и остается надежная и боеспособная оборонительная мощь. Второй составной частью во времена «холодной войны» была «разрядка». Основоположник анализа «холодной войны» Джон Льюис Гэддис в 1983 году в одной из своих статей в журнале *Foreign Affairs* писал, какие условия должны были бы действовать для достижения мирного сближения: паритет в гонке стратегических вооружений, сворачивание идеологического противостояния, взаимная готовность к учету интересов другого, а также целенаправленное урегулирование препятствий, возникающих в этом процессе, в частности, плохой коммуникации, упорствующей бюрократии или возмущенной общественности.

Этих предпосылок больше не существует. Хуже того, вместо разрядки почти повседневно наблюдается рост напряженности со всех сторон. Доверие к заявлениям на государственном уровне утрачено еще в течение прошлой четверти века: с момента войны в Ираке, Югославии, расширения НАТО на Восток, войны в Грузии, аннексии Крыма и военного конфликта на Донбассе.

Главная причина состоит в том, что цель, ради которой достижение разрядки было бы крайне необходимым для окончания конфликта, как бы он ни назывался, невозможно четко обозначить. Одного мира, похоже, недостаточно. Воссоединение Германии и примирение со странами Восточной Европы были причинами, породившими немецкую

«восточную политику». Избежание угрозы ядерной войны стало причиной жестких переговоров о разоружении между США и СССР. Мир в Европе дал толчок процессу создания ОБСЕ, прошедшему после подписания в 1975 году Хельсинского заключительного акта, а также Парижской хартии 1990 года под лозунгом «За новую Европу». Нынче мы имеем дело с не менее острым конфликтом. Но он вовсе не воспринимается как таковой.

Какая именно цель преследуется сегодня? Что должно стать предметом переговоров? Где столь нужные темы, обещающие обретение взаимной выгоды? Ведь речь идет главным образом о конфликте Восток – Запад. На самом деле большие державы абсолютно независимо от географического положения или нормативной ориентации во все возрастающей степени проповедают политику национального эгоизма. Для них прежде всего важна способность защитить свой суверенитет в условиях крайне изменчивой международной системы и благодаря этому обеспечить стабильные рамочные условия для национального экономического и политического развития или же достичь подобного положения в объединении типа ЕС. Такие понятия, как «холодная война» или «горячий мир», не годятся для всестороннего описания этого конфликта. Речь скорее о глобальной конкурентной борьбе без обязательных для всех правил, которая лишь в Европе приобрела форму, казалось бы, давно знакомого конфликта.

⊕ Д-р **Райнхарт Крум** (Reinhard Krumm) с 2016 года руководит Региональным офисом для Сотрудничества и Мира в Европе (ROCFE) Фонда им. Фридриха Эберта в Вене. С 2012 года он был руководителем отдела Фонда по Центральной и Восточной Европе в Берлине, а до этого - главой представительств в Центральной Азии и России. Ранее он писал для многих немецких СМИ, в том числе был корреспондентом Deutsche Presse Agentur и Spiegel.

Выйти из зоны комфорта

Как меняется курс левоцентристских европейских партий по вопросу миграции

Михаэль Брёнинг

Сформировавшемуся в Европе левому движению, похоже, все больше угрожает опасность исчезновения. В течение последних двух лет исторические потери понесли социал-демократические партии во Франции, Нидерландах, Германии и Италии. На континенте, развитие которого длительное время характеризовалось демократическим соперничеством между право- и левоцентристскими партиями, такой крах левых может повлечь за собой последствия, выходящие далеко за рамки определенных частных интересов.

Одна из важнейших движущих сил нынешнего упадка левоцентристского движения, если отвлечься от ошибочных решений в сфере экономической политики, играющих весомую роль, в равной степени и прискорбна, и проста: европейский избиратель занимает все более критическую позицию в вопросе об иммиграции и не верит в способность левых партий существенно ограничить поток мигрантов.

В итоге в последнее время почти каждый тур голосования фактически выливался в народный плебисцит по теме миграции. Правопопулистские движения умело воспользовались опасениями избирателей из среды рабочих, убедив их в том, что традиционные рабочие партии могут создать условия для практически неограниченного притока мигрантов.

В результате избирательной кампании, в центре которой оказалась мнимая «угроза» «христианским ценностям» со стороны мигрантов-мусульман, сокрушительную победу в апреле одержал премьер-министр Венгрии Виктор Орбан. Новому коалиционному правительству Италии, выступившему против истеблишмента, благодаря популярности радикальной антимиграционной позиции «Лиги Севера» удалось привести к власти своего лидера: председатель этой партии Маттео Ренци стал министром внутренних дел и заместителем премьер-министра. А в Словении правая оппозиционная партия бывшего премьер-министра Янеза Янши на парламентских выборах, состоявшихся в этом месяце, получила почти 25 процентов голосов. Тем самым именно Янша сформирует следующее правительство этой страны. В подражание президенту США Дональду Трампу избирательная программа Янши была основана на антимиграционной стратегии под девизом «Словения превыше всего».

Когда правые популисты начали укреплять свои политические позиции, много левоцентристских партий в Европе поначалу надеялись на то, что им удастся справиться с этим вызовом путем акцентирования внимания на своих традиционно сильных сторонах. Чтобы избежать нежелательного усиления влияния правого нарратива, они попытались во время избирательной кампании перенести публичную дискуссию в идеологически комфортную для себя зону. Безработица, неравенство и социальная справедливость – вот темы, которые, по их мнению, следовало поднимать и ставить на обсуждение. В то же время некоторые стратеги в партийных штабах прогрессистов сетовали на якобы оши-

бочную расстановку политических акцентов – причем не своими собственными партиями, а избирателями, которые, по их мнению, явно не понимают, какие темы должны быть им близки.

Результат этих усилий известен. Одно болезненное поражение за другим стало яркой демонстрацией простой истины: избирателей, обеспокоенных прежде всего вопросом миграции, привлечь на свою сторону одними требованиями большей справедливости, насколько бы оправданными они ни были, невозможно. Традиционно сильные стороны левоцентристских политических сил снова могут возыметь свое действие лишь при условии разумного политического ответа на вызов, связанный с миграционной политикой. Это не в последнюю очередь стало залогом продолжительного успеха Джереми Корбина в Соединенном Королевстве Великобритания и Северной Ирландии.

Некоторые стратеги в партийных штабах прогрессистов сетовали на якобы ошибочную расстановку политических акцентов – причем не со стороны своих собственных партий, а со стороны избирателей, которые, по их мнению, явно не понимают, какие темы должны быть им близки.

Ввиду такого вывода, по крайней мере, некоторые из оставшихся крупных левоцентристских партий Европы начали менять свой курс путем пересмотра социал-демократии во многих ключевых странах взлелеянных ими позиций по вопросу миграции.

В Германии спор вокруг проблемы предоставления убежища в лучшем случае отложен на некоторое время, но не снят с повестки дня. В то время как СДПГ стремится к европейскому решению этого вопроса и отвергает предложение целиком перекрыть границы Федеративной Республики, в их среде звучат и совсем новые мнения. Так, председатель партии Андреа Налес недавно потребовала ускоренной процедуры рассмотрения вопроса о предоставлении убежища, которая позволила бы властям в течение недели завершать рассмотрение заявлений о предоставлении убежища от мигрантов из безопасных третьих стран. Несколькими неделями ранее Налес высказалась за более реалистический подход в полемике по вопросу миграции, чем вызвала недовольство со стороны некоторых членов расширенного руководства, а также молодежного крыла партии, и заявила, что Германия «не в состоянии принять всех».

Похоже, Социал-демократическая партия Австрии нынче более четко меняет свой курс в вопросе о миграции. Недавно партийное руководство представило новую партийную программу, которая в течение года еще должна получить официальное одобрение и в которой по-новому определена позиция партии. Она названа «проинтеграционной» в противоположность «промиграционной», однако ключевая фраза здесь звучит следующим образом: «интеграция с целью предотвращения наплыва». И хотя в партийной программе исповедуется приверженность «гуманитарным обязательствам» страны, в ней в то же время содержится и решительное требование «действенной защиты» на внешних границах ЕС.

Датские социал-демократы пошли еще дальше по сравнению со своими австрийскими коллегами: готовясь к выборам в следующем году, они недавно приняли программный

документ по теме «Миграция» под названием «Справедливость и реализм». В нем сказано, что благодаря созданию «центров приема» вне границ Европы, в которых должны приниматься решения по обращениям о предоставлении убежища, можно добиться сокращения притока мигрантов в Данию. Кроме того, выдвигается требование более тесного сотрудничества с Организацией Объединенных Наций, а также принятия «плана Маршалла» для Африки, призванного побудить большее число мигрантов к тому, чтобы остаться дома.

Между тем такой же позиции преимущественно придерживаются и шведские социал-демократы, пытающиеся справиться с сильной поддержкой правозащитной «Партии шведских демократов», исповедующей антимиграционный курс. Премьер-министр Стефан Лёвен, который собирается повторно выдвинуть свою кандидатуру в сентябре, недавно назвал традиционно открытую в вопросе миграции политику своей страны «неприемлемой». Предложенная им стратегия под названием «Твердая миграционная политика в условиях нового времени» сократила бы число беженцев, получивших разрешение находиться в Швеции, вдвое и исключила бы возможность социальной поддержки просителей убежища. Эта позиция была остро раскритикована проиммигрантскими группами в обществе.

Общепринятая критика таких изменений, как правило, касается двух аспектов: убедительности разработанных ответов и вопроса политической ответственности. Некоторые критики такой перемены курса предостерегают от того, что подобная политика является лишь попыткой угнаться за тенденциями развития. Избиратель же постоянно будет отдавать предпочтение «оригиналу». При таком взгляде на положение дел изменение курса не окупится при голосовании, а несет в себе лишь угрозу окончательной потери остатков политического доверия.

Избиратель, сталкиваясь с конкретными политическими вызовами, ориентируется в первую очередь на убедительные ответы и в меньшей степени на политическое или идеологическое авторское право. В противном случае, по крайней мере в Германии, в должности Федерального канцлера с 2005 года находился бы социал-демократ.

Конечно, от такого аргумента невозможно просто отмахнуться. Слишком высока цена доверия, а вывешивание флажка в зависимости от направления ветра является довольно четкой противоположностью тому, что называется «партийным руководством». Но верность принципам не должна вести к отрицанию реальности. Избиратель, сталкиваясь с конкретными политическими вызовами, ориентируется в первую очередь на убедительные ответы и в меньшей степени на политическое или идеологическое авторское право. В противном случае, по крайней мере в Германии, в должности Федерального канцлера с 2005 года находился бы социал-демократ.

Поэтому значительно более важным в этой связи кажется вопрос политической ответственности. В принципе усилия по ограничению или преодолению миграции не равнозначны расизму или ксенофобии. При этом ключевой вызов состоит в том, чтобы

предоставить политические ответы, максимально приемлемые с точки зрения морали. Конечно, речь не о копировании неуклюжих нативистских рецептов правых радикалов. Это было бы контрпродуктивным не только в экономическом отношении, но и противоречило бы фундаментальным ценностям прогрессивизма и отпугнуло бы остатки скорее космополитически настроенных сторонников левоцентристского движения. С этой точки зрения слишком резкая перемена позиции потерявших уверенную поступь левоцентристских партий была бы контрпродуктивной как в моральном, так и в политическом отношении.

Чтобы преодолеть эту дилемму, левоцентристским партиям Европы следовало бы стремиться к балансу между национальной и интернациональной солидарностью. Для этого необходима концепция, основанная на трех принципах: эффективном ограничении иммиграции, сосредоточении внимания на интеграции и гуманитарных усилиях с целью смягчения невероятных человеческих страданий. При таком подходе можно было бы отказаться от словесной эскалации, а вместо этого предложить настоящие, ориентированные на будущее и прочные в моральном отношении решения. Такой подход исповедуют в равной степени премьер-министр Канады Джастин Трюдо и президент Франции Эммануэль Макрон. Левоцентристским партиям с их неуверенной поступью нужно было бы последовать этому примеру и осознать, что подобное изменение позиции не означает распродажи моральных ценностей, а является ключом к политическому выживанию за пределами 15 процентов.

⊗ **Михаэль Брёнинг** (Michael Bröning) руководит отделом Анализа международной политики Фонда им. Фридриха Эберта (FES) в Берлине. До этого он был представителем FES в Восточном Ерусалиме и в Иордании, а также преподавателем Свободного университета Берлина.

А смысл?!

ЕС и НАТО в Конституции: зачем Украине особый путь к членству?

Анатолий Марциновский

Президент Украины Петр Порошенко хочет изменить Конституцию, зафиксировав в ней вступление в Евросоюз и НАТО как цель Украины. Соответствующий законопроект он обещает внести в парламент «в ближайшее время».

«Ориентация на Евросоюз и Североатлантический альянс поддерживается абсолютным большинством граждан, о чем убедительно свидетельствует динамика украинского (общественного) мнения», – сказал Порошенко в недавней речи по случаю Дня Конституции.

Идею поддерживает другая провластная сила – партия «Народный фронт». «В Конституции надо определить курс на членство Украины в Европейском союзе и в Организации Североатлантического договора. Сегодня есть однозначная воля большинства украинского народа: Украина должна быть в ЕС и в НАТО», – заявил ее лидер Арсений Яценюк.

Правда, социология несколько противоречит таким бравурным заявлениям. Согласно последнему опросу группы «Рейтинг», 51% украинцев поддерживают вступление в ЕС, что является наименьшим показателем с апреля 2014 года – по крайней мере, в исследованиях этой компании. 44% за интеграцию в НАТО – то есть вовсе не «абсолютное большинство», и здесь также значительной положительной динамики в последние годы нет.

Поэтому власти надо прежде всего упорно работать, чтобы увеличивать поддержку. В том числе через действенные проевропейские реформы, которые доказывают преимущества этого курса и выгоды от него для каждого человека, а также через надлежащую коммуникацию с обществом.

Зачем это нужно и что это даст?

Вступление в ЕС и НАТО как цель Украины зафиксировано в Законе о национальной безопасности и обороне и в Законе об основах внутренней и внешней политики. Какую же добавленную стоимость даст еще и изменение Конституции, чем именно поможет?

«Среди политиков все больше становится желающих поставить под сомнение наш четко выверенный европейский курс. Отдельные безответственные политики рисуют необходимости возвращения на Восток. Чтобы никто не думал «петлять», уверен, что это должно быть прямым текстом зафиксировано в Конституции», – объясняет президент.

Мол, изменить Конституцию сложнее, чем обычный закон. Поэтому даже если на высших постах или в парламенте будут «политиканы», то европейскому и евроатлантическому выбору Украины ничто не угрожает.

Но разве что люди с очень богатой фантазией могут представить, как в случае условного прихода к власти антиевропейских или евроскептических сил они будут продвигать Украину в НАТО и ЕС – ведь так записано в Основном законе.

Европейская и евроатлантическая интеграция – это упорная ежедневная законодательная и правительственная работа, совокупность сложных и важных изменений и реформ. Для этого требуется прежде всего политическая воля – и явно недостаточно одних лишь законодательных положений, где бы они ни были записаны.

Недостаток такой воли видно и на примере нынешней, декларативно проевропейской власти.

А еще есть хороший урок из прошлого.

Переговоры о Соглашении об ассоциации с Евросоюзом были фактически заморожены при якобы прозападных Ющенко и Тимошенко в 2007-2009 годах. Их возобновили и относительно быстро завершили при пророссийском Януковиче. Но, в конце концов, подписать соглашение в ноябре 2013 года его не заставил даже законодательно зафиксированный курс Украины на европейскую интеграцию.

В любом случае, гипотетическое вступление в ЕС и НАТО займет много времени – а нынешний мир и обстоятельства быстро меняются.

Скажем, даже без евроскептиков у власти через 10-20 лет может оказаться, что Украине по тем или иным причинам не выгодно вступать в ЕС – как Норвегии или Швейцарии. Либо Евросоюз или НАТО трансформируются со временем во что-то не столь привлекательное и крайне необходимое для нас: скажем, развалится Россия, и ситуация в сфере безопасности радикально изменится. Или Украина все-таки вступит в ЕС и НАТО.

Собственно, произойти может многое. И что тогда делать с конституционными положениями о присоединении к этим организациям?

Что делали другие?

Определенным показателем целесообразности тех или иных европейских и евроатлантических шагов традиционно является опыт стран бывшего социалистического блока.

Ни одно из 11 постсоциалистических государств, присоединившихся к ЕС и НАТО в 1999-2013 годах, не фиксировало в Конституции цель получения членства в НАТО и Евросоюзе. Конституция Черногории, которая вступила в прошлом году в НАТО и ведет переговоры о вступлении в ЕС, содержит обтекаемую формулировку о «приверженности сотрудничеству на равных с другими народами и государствами, а также европейской и евроатлантической интеграции».

Хотя эти интеграционные процессы и затрагивают конституционные положения, но совсем иначе.

Скажем, присоединение к ЕС означает передачу части экономического суверенитета страны в Брюссель, то есть наднациональным органам Евросоюза. Именно поэтому все 11 стран проводили референдумы – как правило, уже после подписания соглашений о вступлении. При необходимости корректировали также и конституции.

Например, в Хорватии – которая присоединилась к ЕС последней, в 2013 году – в результате в Основном законе появилась глава «Европейский союз».

В ней прописано участие страны в институтах ЕС, роль общего законодательства Евросоюза, право граждан быть избранными в Европарламент, а также права граждан Евросоюза. Фактически, в Конституцию перенесли некоторые положения Договора о ЕС.

А вот членство в НАТО общенационального голосования не требует. Тем не менее, несколько стран провели референдумы, некоторые изменили при необходимости свои конституции.

Словакия в 2001 году внесла в Основной закон поправки, которые позволяли стране выполнять статью 5 Североатлантического договора, предусматривающего коллективную оборону. Изменения касались размещения войск союзников на ее территории, отправки собственных войск на защиту других государств Альянса, процедуру объявления войны и тому подобное.

В 2003 году на референдуме были внесены поправки в Конституцию Румынии. Они также касались определенных процедурных вопросов, связанных со вступлением в НАТО

(присоединилась 2004) и в ЕС, куда румыны вступили в 2007-м – главным образом порядка утверждения вступления в эти организации национальным парламентом.

Болгария, которая стала членом НАТО в 2004 году, урегулировала конституционный вопрос другим способом – в 2003-м тогдашний президент внес в Конституционный суд запрос о том, должна ли страна менять Основной закон из-за предстоящего вступления в Альянс. Суд постановил, что вопрос размещения иностранных войск на территории страны и направления своих солдат за границу относится к компетенции правительства.

Другим для вступления в НАТО хватило действующих положений конституции.

Например, Эстония воспользовалась статьей Основного закона, предусматривающей одобрение присоединения страны к международным организациям за ратификацию соответствующих соглашений парламентом.

Две страны – Венгрия и Словения – провели перед вступлением в НАТО консультативные референдумы, которые однако не предусматривали изменений Конституции. Причины были исключительно политические: недостаточно высокая поддержка идеи присоединения к Альянсу обществом. Те голосования стали в некотором роде страховкой для правительств.

Риск обратного эффекта

Опять же, упомянутые конституционные изменения и другие шаги не имеют ничего общего с тем, что предлагает Порошенко. Местные политики и чиновники действовали, исходя из практической необходимости – которая в нашем случае выглядит надуманной.

Потребность в конституционных изменениях возникала тогда, когда в результате реформ страны отвечали критериям членства в ЕС и НАТО и стояли на пороге этих организаций. Это естественно и логично.

Тогда как непродуманные или популистские шаги и акции вполне могут давать и обратный эффект.

Порошенко выразил уверенность, что Верховная рада поддержит его инициативу – а для изменения Конституции нужно минимум 300 голосов. Однако в предвыборный период любые подобные вещи слишком рискованны и авантюры – как для их инициаторов, так и для самой идеи европейской и евроатлантической интеграции Украины. Особенно если объяснить острую необходимость этих инициатив очень трудно.

Риск неудачи с фиксацией европейского и евроатлантического курса в Конституции достаточно высок – собрать под это 300 мандатов будет однозначно сложно. Что, в свою очередь, может нанести ущерб имиджу Украины. Удача же не приблизит Украину ни к Евросоюзу, ни к НАТО. И не будет способствовать получению нами перспектив членства в ЕС или Плана действий по членству в Альянсе. Самое главное, что может и должна делать сейчас для этого Украина – проводить реформы, превращающее ее в мощную, истинно европейскую страну, которая будет все более ценной – в том числе для структур, в которые мы стремимся вступить.

Данная статья впервые вышла на сайте «Европейская правда» и публикуется с разрешения правообладателя

Полная потеря стыда

Барак Обама о политике сильной руки, фейковых новостях и своей вере в демократию. Отрывки из речи в Йоханнесбурге.

Барак Обама

В нашу жизнь вошла политика страха, недоброжелательности и накопительства, которая распространяется со скоростью, немыслимой еще несколько лет тому назад. Я не паникер, и излагаю лишь факты. Посмотрите вокруг себя. Внезапно на авансцену вышла политика сильной руки, при всем этом соблюдены выборы и видимость демократии, по крайней по своей форме. Но соответствующие правители пытаются похоронить любую институцию или норму, которые наполняют демократию значением.

В западном мире всплывают правозэкстремистские партии с партийными программами, содержание которых часто составляет не только протекционизм и закрытые границы, но и почти ничем не прикрытый национализм расистского толка. Многие развивающиеся страны усматривают сегодня в Китае образец авторитарной контролирующей власти, сочетающейся с меркантильным капитализмом, и предпочитают эту модель хаосу демократии. Кому нужна свобода мнений, пока в экономике все идет гладко? Свободная пресса находится под обстрелом. Все более усиливается, цензура и государственный контроль над средствами массовой информации. Социальные сети, считавшиеся некогда механизмом распространения знаний, взаимопонимания и солидарности, оказались не менее эффективным средством распространения ненависти, паранойи, пропаганды и теорий заговора.

На распутье

В год столетнего юбилея со дня рождения Мадиба [Нельсона Манделы] мы оказались на распутье – в момент, когда за сердца и умы людей всем мире соперничают между собой два очень разных видения будущего человечества. Две различные истории, два различных нарратива о том, кто мы и кем должны быть. Как нам к этому относиться?

Разрешите мне рассказать о том, во что верю я. Я верю в представление Нельсона Манделы о будущем. Я верю в представление о будущем, которое разделяли также Ганди, Кинг и Абрахам Линкольн. Я верю в представление о будущем, в котором царят равенство и справедливость, а также полиэтническая демократия, которое зиждется на предпосылке, что все люди созданы равными и наделены нашим творцом определенными правами. А еще я верю в то, что будущее, основывающееся на этих принципах, возможно и что такое будущее способствует миру и сотрудничеству в стремлении к общему благу. Я верю в это.

И я верю, что у нас нет иного выбора, кроме как двигаться вперед; дабы история тех из нас, кто верит в демократию и гражданские права, а также общечеловеческие идеалы, оказалась лучшей. И я полагаю, что она будет основываться не только на чувстве, но и на убедительных фактах.

Факт, что наиболее благополучные и успешные общества в мире, которые могут похвастаться самыми высокими стандартами жизни и самой высокой степенью удовлетво-

ренности своих людей, это как раз те общества, которые более, чем кто-либо приблизились к либеральному и прогрессивному идеалу, о котором идет речь и в этом случае, и которые способствуют развитию талантов и вклада в общее дело своих граждан.

Факт, что в условиях авторитарного режима то и дело появляется коррупция, поскольку такие режимы не подотчетны никому, что такие режимы подавляют людей и теряют, в конце концов, всякую связь с реальностью, что они все больше погрязают во лжи, результатом чего в итоге становится экономическая, политическая, культурная и научная стагнация. Посмотрите на историю. Взгляните на факты.

Факт, что наиболее благополучные и успешные общества в мире, это как раз те общества, которые больше других приблизились к либеральному и прогрессивному идеалу.

Факт, что странами, делающими ставку на гипертрофированный национализм и ксенофобию, важнейший принцип построения которых, то есть то, что способно сплотить людей, основан на племенном, этническом или религиозном превосходстве, оказываются именно те страны, в которых полыхают гражданские войны или которые ведут войны с другими странами. Проверьте это по учебникам истории.

Инклюзивный капитализм

Из последних 70 лет нам удалось извлечь урок, согласно которому [социальной справедливости] невозможно добиться неконтролируемым, необузданным и неэтичным капитализмом. Но то же нельзя сделать декретированной сверху социалистической плановой экономикой. Это пытались сделать, но это не сработало. Почти во всех странах прогресс станет возможен лишь в условиях рыночной экономической системы, включающей в себя всех. Системы, способной обеспечить образование всем детям, защитить тарифные переговоры и гарантировать права всех работников, разрушить монополии с целью способствования конкуренции на уровне малых и средних предприятий. Системы с законами, искореняющими коррупцию и обеспечивающими честность во всех деловых отношениях. Системы, практикующей формы прогрессивного налогообложения, дабы богатые все еще оставались богатыми, однако отдавали какую-то часть, чтобы все остальные могли позволить себе медицинское страхование или уплатить пенсионные взносы, и не в последнюю очередь такой системы, которая осуществляет инвестиции в инфраструктуру и научные исследования и создает платформы для инноваций.

Сюда относится и поддержка развития инклюзивного капитализма как внутри наций, так и в отношениях между ними. И если мы, например, пытаемся реализовать цели устойчивого развития, пора перестать воспринимать все это в качестве благотворительных взносов. Нам необходимо вкладывать больше ресурсов в позабытые всеми карманы в мире, причем в форме инвестиций и духа предпринимательства, ибо везде существуют таланты, проявляющие себя, если у них появляется шанс.

Невзирая на все дискуссии о торговле и промыслах, которые еще предстоит провести, важно принять к сведению и такую реальность: в то время как в конце XX века до-

минирующей тенденцией было перемещение рабочих мест с севера на юг и с востока на запад, нынче самой большой проблемой для наемных рабочих в таких странах, как моя, оказались технологии. А в связи с необходимостью увеличения числа рабочих мест в Вашей стране технологии являются наибольшим вызовом и для Вашего нового президента [президента Южной Африки Сирила Рамафосы, прим. ред.], ведь нынче мы имеем дело с искусственным интеллектом и развитие в этом направлении ускоряется. Появляются беспилотные автомобили, все большее число услуг автоматизируется. А это еще более усложняет задачу предоставления каждому достойного рабочего места. В этом отношении нам придется проявить больше изобретательности, а пакт об изменениях вынуждает нас кардинально переосмыслить наши социальные и политические констелляции, чтобы обеспечить каждому экономическую стабильность и достоинство, которые дает рабочее место. Ведь работа обеспечивает не только доход, но и чувство достоинства, структуру, а также связь с местом и определенным назначением. А потому в связи с этими проблемами нам необходимы новые способы мышления, когда в расчет принимается безусловный основной доход, по новому осмысливается время рабочей недели, когда мы задумываемся над тем, как переучить молодых людей, чтобы каждого из них сделать своего рода предпринимателем. Но нам так или иначе придется заняться национальными экономиками, если мы хотим снова вернуть демократию на правильный путь развития.

Сила низов

Демократия зависит от сильных институций, причем речь здесь идет о правах меньшинств, разделении ветвей власти с системой взаимных сдержек и противовесов, свободе слова и мысли, свободе прессы и праве на демонстрации, обращения к правительству, а также о независимой юстиции и не в последнюю очередь о необходимости каждого соблюдать действующие законы.

Если мы пытаемся реализовать цели устойчивого развития, нужно перестать воспринимать все это в качестве благотворительных взносов

И да, демократия может быть хаотичной, она может быть медлительной и раздражающей. Я знаю это. Seriously. Но эффективность, преподносимая автократом – лишь фальшивое обещание. Не поддавайтесь на него, ибо это неизбежно ведет к дальнейшей имущественной и властной консолидации верхушки и позволяет намного проще скрывать коррупцию и злоупотребления. Несмотря на все свое несовершенство, истинная демократия все еще больше, чем кто бы то ни было, придерживается мнения, что правительства существуют для того, чтобы служить индивидууму, а не наоборот. И это единственная форма правления, которая, в самом деле, в состоянии претворить эту идею в жизнь.

Однако всем нам, кто хочет придать демократии новую силу, необходимо и задуматься: пришло время перестать сосредоточиваться лишь на мировых столицах и центрах власти. Вместо этого нужно проявить больше внимания к простым людям в низах, ибо именно они являются источником всякой демократической легитимности. Не сверху вниз, от абстрактных теорий или экспертов, а снизу – вверх. Необходимо знать жизнь тех, кому приходится бороться.

Объективная действительность и фейковые новости

Все политики с радикальным мышлением, будь то слева или справа, мешают воплощению демократии в жизнь. Нельзя ожидать, что получишь 100 процентов от того, что желаешь, иногда необходимо идти на компромиссы. Это не означает предавать свои принципы, это означает не цепляться за них и верить в то, что они устоят в серьезной демократической дискуссии. Таков был замысел основателей Соединенных Штатов, положенный в основу функционирования нашей системы: путем проверки идей, использования разума и внесения корректив предполагалось обеспечить возможность нахождения общей основы.

К несчастью большая часть нынешних политиков, похоже, отбросила концепцию объективной реальности. Люди просто придумывают какие-то вещи.

И еще следует добавить и то, что мы в принципе должны верить в объективную действительность, чтобы все работало, как следует. Это еще один момент, который не нуждается в моих лекциях. Необходимо верить фактам. Без фактов нет основы для сотрудничества. Если я говорю, что это помост, а вы утверждаете, что это – слон, нам будет тяжело сотрудничать друг с другом. Общую основу я могу найти с теми, кто против Парижского соглашения, ибо, например, придерживается мнения, что оно нереализуемо, так как невозможно побудить каждого соблюдать его, или с теми, кто считает, что важнее сначала обеспечить бедных дешевой энергией, даже если это в краткосрочной перспективе будет сопровождаться увеличением загрязнения окружающей среды. По крайней мере, с ними я смогу вести полемику и изложить свое мнение, что чистая энергия – лучший путь, а именно бедные страны должны осуществить прыжок к новым технологиям. Но я никак не смогу найти общий знаменатель с теми, кто утверждает, что изменений климата не существует, хотя почти все ученые в мире говорят о противоположном. Я вообще не представляю, с чего должен был бы начать такой разговор. Если кто-то называет изменения климата выдумкой и обманом, то я даже не знаю, что с этим поделать?

К несчастью большая часть нынешних политиков, похоже, отбросила концепцию объективной реальности. Люди просто придумывают какие-то вещи. Это можно наблюдать в пропаганде, осуществляемой при поддержке государства; мы видим это по придуманным историям, распространяемым в интернете; мы видим это по размытости границ между новостями и развлекательными передачами, мы видим полную потерю стыда у ведущих политиков, которых ловят на лжи, а они просто постоянно придумывают новую. Политики вралы всегда, но когда их на этом раньше ловили, они все же говорили « вот те раз!» Сегодня они просто продолжают лгать.

Отрывки из речи Барака Обамы по случаю 100-летия со дня рождения Нельсона Манделы, произнесенной 17 июля 2018 года в Йоханнесбурге.

⊗ **Барак Обама** (Barack Obama) - 44-ый президент Соединенных Штатов Америки (2009-2017).

Цифровые технологии и справедливость

Как профсоюзы стремятся спасти права трудящихся при переходе к цифровым технологиям

Юлиан Хейл

Тонкое ощущение изменений?

Измерять последствия дигитализации для занятости исключительно потерей или созданием рабочих мест означало бы слишком однобоко подходить к ее рассмотрению. На основе подобной оценки последствий можно лишь судить о том, «хорошо» это или «плохо». Профсоюзы в данный момент начинают все больше осознавать, что это в большей или меньшей степени напоминает созерцание магического кристалла, особенно когда неизвестно, какие именно технологии должны быть внедрены. Поэтому мы исповедуем более проактивный подход.

Например, Европейская федерация профсоюзов общественного обслуживания (ЕФПОО), представляющая интересы почти восьми миллионов служащих, инициировала дискуссию о том, как можно помочь своим сотрудникам в будущем обустройстве своих рабочих мест. Профсоюзы стремятся к более предусмотрительной реакции на внедрение цифровых технологий и к обеспечению права своих членов на участие в принятии решений, касающихся способа использования новых технологий.

Четкие правила будут способствовать установлению границ, за пределами которых менеджеры не будут вправе требовать от своих работников возможности постоянной связи с ними

Грубо говоря, профсоюзы до сих пор реагировали лишь тогда, когда соответствующие технологии уже были внедрены. ЕФПОО и впредь будет критически оценивать внедрение новых технологий на рабочих местах и стремиться к тому, чтобы сделать тарифные переговоры ключевым инструментом защиты прав наемных рабочих в связи с процессом дигитализации. Важным требованием ЕФПОО является предварительное обсуждение работодателями внедрения новых технологий со своими трудовыми коллективами и учет их мнения.

Таким образом профсоюзы хотят исключить возможность любых негативных последствий от внедрения технологий (например, вмешательства в личную жизнь работников, оценки продуктивности труда посредством определенных алгоритмов; к тому же они еще и стремятся предотвратить исчезновение рабочих мест или предусмотреть влияние реорганизации предприятий до потери рабочих мест). Таким образом они стремятся добиться того, чтобы технологии способствовали не только развитию предприятий, но и отвечали интересам сотрудников.

Демократизация внедрения технологий

Самый крупный профсоюз Великобритании Unite, насчитывающий 1 млн 420 тыс. членов из почти всех отраслей экономики, предпринимает усилия к прорыву в этой ситуации путем разработки нового соглашения. В нынешнем проекте предусмотрено, что внедрение новых технологий должно осуществляться при обоюдном согласии работодателей и профсоюзов. Такое решение предполагает создание «Фонда новых технологий» (New Technology Fund) с целью финансирования и расширения работы нового подкомитета. Этот орган состоял бы исключительно из членов трудового коллектива.

В случае необходимости подкомитет мог бы консультироваться по вопросу внедрения новых технологий и их последствий с квалифицированными экспертами, с тем чтобы затем информировать трудовые коллективы о полученных выводах и способствовать решению проблем в отношениях между работодателями и наемными рабочими, вытекающих из такого внедрения. Члены подкомитета будут заниматься последствиями для работников как до, так и после внедрения соответствующих технологий. Подкомитет будет осуществлять проверку новых технологий и ставить работодателей в известность о жалобах их персонала, а также вытекающих отсюда проблемах.

Профсоюз Unite в настоящее время ведет переговоры с различными государственными учреждениями и частными предприятиями о таком соглашении. В принципе это прекрасная идея, которую можно было бы позаимствовать и применить во всей Европе. При этом профсоюзы могли бы помочь заблаговременно осознать проблемы, связанные с цифровыми технологиями, и способствовать их решению. Однако сначала следует посмотреть, насколько эффективной она окажется на практике. Пойдут ли на такое соглашение работодатели? Сколько денег нужно для создания Фонда новых технологий и откуда их взять? Кроме того, нужны наконец более конкретные правила, регулирующие процедуру принятия решений о внедрении новых технологий. И к чему могут привести расхождения во мнениях между новым подкомитетом по технологиям и работодателями?

Право на отключение

Государственные служащие и работники частного сектора экономики сталкиваются также с проблемой все более широкого вторжения цифровых технологий в форме электронной почты или сообщений по приложению WhatsApp в их частную жизнь. ЕФПОО, например, как раз и занимается такими вопросами, как гарантия прав наемных работников на отсоединение от такого доступа, с тем чтобы провести четкую черту между работой и досугом и избежать ситуации, при которой работающие постоянно должны считаться с необходимостью прочтения и ответа в любой момент времени электронных сообщений или уведомлений по WhatsApp, поступающих от руководства соответствующих предприятий.

Во Франции профсоюзы еще с 2015 года занимаются анализом проблем дигитализации и задумываются, например, над тем, как можно добиться «права на отключение». Пять больших профсоюзов принимают участие в разработке экспертного заключения по заказу министра труда того времени Мириам Эль-Хомри об изменениях, обусловленных цифровыми технологиями. В 2017 году в конечном итоге на законодательном уровне вместе со многими рекомендациями было закреплено и содержащееся там «право на отключение».

Предприятия с более чем 50 работниками и профсоюзным органом отныне обязаны обсуждать право своих сотрудников быть «вне постоянной достижимости» (например, право на отключение цифровых средств коммуникации) на обязательных ежегодных переговорах с профсоюзами, в частности, переговоров о гендерном равенстве и качестве жизни. Норма закона о заключении соглашений относительно использования новых средств коммуникации имеет своей целью сохранение определенных временных промежутков, предназначенных исключительно для отдыха или отпуска. Профсоюзы во всей Европе нынче ведут дискуссию о том, как можно внедрить это право и добиться его реализации, в частности, на уровне законодательства или путем тарифных переговоров.

Это довольно важный вопрос для работающих в государственном и частном секторе всей Европы. Четкие правила будут способствовать установлению границ, вне пределов которых менеджеры не будут вправе требовать от своих работников их постоянной доступности. Культура труда, при которой от работников ожидается возможность их круглосуточной доступности и реагирования на сообщения за счет своего личного свободного времени почти неминуемо ведет к размыванию границ между профессиональной деятельностью и личной жизнью. Это может повлечь негативные последствия: рост синдромов «сгорания на работе», а также снижение продуктивности и экономические потери в учреждениях государственного и публичного сектора, а также в частных предприятиях.

Обучение навыкам обращения с цифровыми технологиями

Но профсоюзы должны не только предотвращать возможные негативные последствия новых технологий для рабочих мест, но и требовать от ЕС и стран-членов доступа к цифровым компетенциям путем создания соответствующих систем обучения и повышения квалификации. В опубликованном недавно отчете Европейской социальной обсерватории, научно-исследовательского центра по вопросам социальной политики и занятости, представлено подписанное в 2016 году во Франции соглашение о дигитализации – первое в своем роде в Европе. Соглашение, достигнутое в итоге переговоров между социальными партнерами телекоммуникационного концерна, предусматривает создание комитета, задача которого будет заключаться в исследовании новых умений, которые понадобятся сотрудникам в связи с тенденциями развития цифровых технологий.

Это идеальный путь к обеспечению того, чтобы профсоюзы в сотрудничестве с работодателями выявляли растущие потребности в цифровой грамотности и обеспечивали получение работниками соответствующего повышения квалификации. Это выгодно предпринимателям, так как повышает производительность их персонала, это выгодно и наемным рабочим, ибо таким образом они приобретают дополнительные навыки. Это повышает чувство удовлетворенности своим рабочим местом и улучшает шансы на продвижение по работе как внутри предприятия, так и на рынке труда, в случае решения покинуть предприятие.

В Нидерландах объединение профсоюзов FNV разработало новаторскую разновидность соглашения о так называемой *Duurzame Inzetbaarheid – Plus (DI+)* (устойчивой занятости плюс). Оно имеет своей целью заблаговременную реакцию на возможную потерю рабочих мест и работает следующим образом:

Работодатель обучает соответствующих сотрудников с сохранением заработной платы, чтобы обеспечить возможность их использования в другой функции и избежать необходимости увольнения. Примером такого рода договоренностей является соглашение,

достигнутое в результате переговоров с компанией Enexis, оператором электросетей, занимающимся контролем и управлением системы энергообеспечения в Нидерландах. С момента вступления в силу в 2014 году участие в программах DI+ приняли несколько сотен работников. В результате в течение этого времени на предприятии не было увольнений. Похожие соглашения были заключены и с другими крупными предприятиями сектора энергетики, в частности с компаниями TenneT и Alliander.

Даже с определенной осмотрительностью и более при более широком взгляде на вещи многие подходы профсоюзов, в т. ч. относительно новых соглашений о технологиях, права на отключение и обучение цифровым навыкам – представляются вполне разумными и применимыми как в секторе государственной и публичной службы, так и в частной экономике. К тому же они могут обеспечить сохранение определенных фундаментальных прав работников в условиях нынешней довольно слабо контролируемой платформенной экономики. Остается подождать, насколько профсоюзам удастся отстоять эти идеи и добиться их воплощения в практику, а также насколько они будут восприняты работодателями.

➤ **Юлиан Хейл** (Julian Hale) – журналист, уже 15 лет специализируется на дебатах по вопросам политики ЕС. Он регулярно пишет для *Equal Times*.

«Изменение климата? Какой бред!»

Как банда отрицателей науки ведет человечество к гарантированной трагедии

Джеффри Сакс

Современные люди, родившиеся в одной климатической эпохе, которая называется голоцен, пересекли рубеж и вступили в новую эпоху – антропоцен. Но вместо Моисея, ведущего человечество сквозь новую и опасную пустыню, банда отрицателей науки и загрязнителей природы ошибочно ведет человечество к еще большим опасностям. Мы всем теперь стали климатическими беженцами и обязаны найти путь к спасению.

Голоцен был геологической эпохой, которая началась более 10 тысяч лет назад и отличалась благоприятными климатическими условиями, поддерживавшими человеческую цивилизацию такой, как мы ее знаем. Антропоцен – это новая геологическая эпоха с такими природными условиями, с какими человечество никогда ранее не сталкивалось. Ее мрачным предвестником стало увеличение температуры на Земле выше уровней периода голоцена из-за углекислого газа, которым человечество загрязняет атмосферу, сжигая уголь, нефть и газ, а также без разбора превращая мировые леса и луга в фермы и пастбища.

В этой новой среде люди страдают и умирают, при этом худшее еще только впереди. В сентябре прошлого года ураган «Мария», согласно оценкам, унес жизни более четырех тысяч человек в Пуэрто-Рико. Ураганы высокой интенсивности становятся более частыми, а сильные шторма вызывают больше наводнений, поскольку теплеющая вода океанов повышает температуру воздуха, в нагреваемом воздухе растет влажность, а уровень моря поднимается. Все эти явления стали более экстремальными из-за рукотворного изменения климата.

В июле более 90 человек погибли в пригородах Афин из-за опустошительного лесного пожара, вызванного засухой и высокими температурами. Этим летом колоссальные лесные пожары бушуют и в других жарких и иссушенных регионах, в том числе в Калифорнии, Швеции, Британии и Австралии. В прошлом году сильно пострадала Португалия. По всему миру этим летом устанавливаются новые температурные рекорды.

Насколько же безрассудно человечество ринулось за пределы голоцена, игнорируя, будто персонаж фильма ужасов, все явные предупреждающие знаки. В 1972 году представители правительств стран мира собрались в Стокгольме, чтобы обсудить возрастающую экологическую угрозу. Накануне конференции Римский клуб опубликовал доклад «Пределы роста», в котором впервые была предложена идея траектории «устойчивого» роста и перечислены риски неограниченного злоупотребления природой. Двадцать лет спустя предупреждающие знаки ярко блеснули в Рио-де-Жанейро, где страны ООН собрались на Саммит Земли, чтобы одобрить концепцию «устойчивого развития» и подписать три больших экологических договора с целью остановить рукотворное глобальное потепление, защитить биологическое разнообразие и остановить деградацию и опустынивание земель.

После 1992 года Соединенные Штаты, самая могущественная держава мира, демонстративно игнорировали эти три новых договора, сигнализируя другим странам, что они тоже могут ослабить свои усилия. Сенат США ратифицировал договоры о климате и опустынивании, но ничего не сделал для их реализации. Кроме того, он вообще отказался ратифицировать договор о защите биоразнообразия, отчасти из-за республиканцев из западных штатов, которые настаивали на том, что у землевладельцев есть право делать со своим имуществом все, что они хотят, без какого-либо международного вмешательства.

Политика сейчас сводится к достижению и удержанию власти и извлечению выгод от занимаемой должности, а не к решению проблем, даже если речь идет об экологических проблемах жизни и смерти.

Сравнительно недавно мир одобрил «Цели устойчивого развития» (в сентябре 2015 года) и Парижское климатическое соглашение (в декабре 2015 года). Но опять же правительство США стало сознательно игнорировать «Цели устойчивого развития», оказавшись на последнем месте среди стран «Большой двадцатки» по степени прилагаемых усилий к их реализации. А президент Дональд Трамп объявил о намерении вывести США из Парижского климатического соглашения в ближайший возможный для этого момент – в 2020 году, то есть всего через четыре года после вступления договора в силу.

Дальше будет хуже. В полной мере эффект потепления из-за рукотворного увеличения количества CO₂ пока еще не достигнут, так как оно оказывает влияние на температуру океанов со значительным временным лагом. В предстоящие десятилетия предстоит потепление еще примерно на 0,5° по Цельсию, исходя из нынешней концентрации CO₂ в атмосфере (408 частей на миллион), но оно станет еще более существенным, если уровень концентрации CO₂ продолжит быстро расти из-за сохранения привычной практики сжигания ископаемого топлива. Для достижения установленной в Парижском соглашении цели – ограничить потепление уровнем «значительно ниже 2°С» относительно доиндустриальных значений – миру необходимо решительно отказаться от угля, нефти и газа в пользу возобновляемых источников энергии примерно к 2050 году, а также перейти от уничтожения лесов к их восстановлению и к реабилитации деградировавших земель.

Так почему же человечество продолжает тупо двигаться к гарантированной трагедии?

Главная причина в том, что наши политические институты и гигантские корпорации сознательно игнорируют нарастающие угрозы и наносимый вред. Политика сейчас сводится к достижению и удержанию власти и извлечению выгод от занимаемой должности, а не к решению проблем, даже если речь идет об экологических проблемах жизни и смерти. Тем временем, управление крупной компанией сводится к созданию максимальной стоимости для акционеров, а не к стремлению высказать правду или предотвратить нанесение большого вреда планете. Стремящиеся к извлечению прибыли инвесторы владеют крупными СМИ или, как минимум, влияют на них, покупая там рекламу. В резуль-

тате, маленькая, но очень могущественная группа людей добивается сохранения энергосистем на ископаемом топливе, увеличивая угрозы для всего остального человечества сегодня и в будущем.

Трамп стал новым «полезным дураком», выполняющим запросы компаний, которые загрязняют природу. А поддерживают его республиканцы в Конгрессе, которые финансируют свои избирательные кампании за счет взносов экологических преступников, подобных Koch Industries. Трамп заполнил вакансии в правительстве США отраслевыми лоббистами, которые систематически отменяют любое экологическое регулирование, до которого только могут дотянуться. Совсем недавно Трамп номинировал бывшего юриста компании Dow Chemical, мегазагрязнителя природы, руководителем программы по ликвидации токсичных загрязнений Superfund при Агентстве по охране окружающей среды США. Такое просто невозможно выдумать.

Трамп стал новым «полезным дураком», выполняющим запросы компаний, которые загрязняют природу

Нам нужен новый тип политики, которая начнется с постановки четкой глобальной цели: создание экологической безопасности для людей планеты путем выполнения Парижского климатического соглашения, защиты биоразнообразия и сокращения объемов загрязнений, убивающих миллионы людей каждый год. В этой новой политике будут услышаны научные и технические эксперты, а не корыстные бизнес-лидеры и политики-нарциссы. Климатологи позволяют нам измерять нарастающую опасность. Инженеры объясняют, как можно совершить быстрый (то есть к 2050 году) переход к безуглеродной энергетике. Экологи и агрономы показывают, как увеличить и повысить качество урожаев на меньшем количестве земли, одновременно прекратив уничтожение лесов и занявшись восстановлением ранее деградировавших земель.

Такая политика возможна. Более того, общество жаждет ее. Например, значительное большинство американского народа хочет бороться с глобальным потеплением, продолжать участие в Парижском климатическом соглашении, развивать возобновляемую энергетику. Но пока небольшая и безграмотная элита будет обрекать американцев и остальное человечество на бесцельное брожение по политической пустыне, более вероятно, что все мы окажемся на диком пустыре, откуда не будет никакого выхода.

(c) Project Syndicate

☉ **Джеффри Сакс** (Jeffrey D. Sachs) – американский экономист, профессор Колумбийского университета, директор Центра устойчивого развития и устойчивого развития сетевых решений ООН (Колумбия).

Призрак немецкой бомбы

О безответственной болтовне вокруг ядерного вооружения бундесвера

Тобиас Фелла

В западногерманской послевоенной мифологии Конрад Аденауэр является символом нерушимой связи с западным миром и упования на Соединенные Штаты Америки. Но и он не желал целиком полагаться на ядерную защиту американцев. Поэтому на заседании правительства в декабре 1956 года Аденауэр потребовал оснащения бундесвера ядерным оружием. Частично – собственными усилиями, в идеальном варианте – вместе с французами и итальянцами, а в случае необходимости – тайком от США. Парижские соглашения, в которых до этого пришлось отречься от оружия массового уничтожения, по его мнению, не были тому преградой. Закрепленный в них отказ от его производства, прозвучавший тогда из Парижа, имел силу только на территории Германии.

Для Аденауэра и министра обороны Штрауса ситуация в сфере политики безопасности в 1950-е годы резко изменилась. Летом 1956 года поползли слухи о намерении британцев уменьшить численность своих войск в Германии. Да и сами Соединенные Штаты из финансовых соображений начали склоняться к тому, чтобы освободить Европу от присутствия своего военного контингента. В случае войны они предпочитали остановить Красную Армию ядерным огнем, а не бросать в пламя битвы в Центральной Европе еще одно поколение фермеров из Айовы. К тому же, по мнению, например, адмирала США Редфорда, это было еще и более экономичным вариантом решения проблемы. Шок от запуска в космос Советами спутника в октябре 1957 года лишь подлил масла в огонь. Америка оказалась в пределах достижимости советских ядерных ракет. Миф о неуязвимости американцев развеялся.

В ходе этой дискуссии становится очевидным, что Германия с ядерным оружием в самом деле могла бы стать фатальным по последствиям сигналом, резким разрывом с завоеванной в жестоких боях послевоенной реальностью, частью которой стал и отказ от ядерного, химического и бактериологического оружия

Рискнули бы американцы ценой опасности ядерного уничтожения защитить Европу? Были ли для них Бонн или Берлин столь же дороги, как Нью-Йорк или Бостон? И где бы пролегла линия обороны – на границе между двумя Германиями, вдоль Рейна? И не было бы более целесообразно с точки зрения экономии ресурсов пойти на ограниченную ядерную войну на германской территории? По мнению, сложившемуся не в последнюю очередь и в Западной Германии, этого допустить было никак нельзя. Поэтому бомба в

тех условиях показалась Бонну выходом из сложившейся ситуации. А Париж должен был оказать в этом помощь, ведь к тому времени он пережил унижение со стороны США во время Суэцкого кризиса, а Франция еще не обрела статус ядерной державы.

Как известно, из этого ничего не вышло. Помешали этому война в Алжире и де Голль. Франция самостоятельно стала ядерным государством, а Федеративная Республика Германия получила «статус ядерного партнера»: без права обладания ядерным оружием ей все же разрешалось его применение в случае получения разрешения от США/НАТО. Мнение Штрауса по этому поводу можно прочесть в его воспоминаниях: «Карликовому шуру с детской дудочкой позволили маршировать рядом с военным оркестром и вообразить себя тамбурмажором». Зато в Министерстве иностранных дел вздохнули с облегчением. На первых порах удалось избежать разрушительных политических последствий.

Сегодня, почти шесть десятилетий спустя, Констанце Штельценмюллер, сотрудница Брукингского института, аналитического центра в Вашингтоне, констатирует появление «наихудшей дилеммы для Германии в сфере безопасности начиная с 1950-х годов». С запада раздаются призывы Дональда Трампа к «миру благодаря силе», в том числе и атомному оружию, с востока Владимир Путин анонсирует создание «систем вооружения нового поколения», способных доставить ядерные боеголовки «в любую точку мира, минуя любые системы ПРО». А Германия оказалась как раз посередине.

Иницируя процесс создания противостоящей силы, отбрасывающей континент к состоянию многополярной нестабильности, мы вредим сами себе

И сегодня существуют сомнения в солидарности западного мира. Такая ядерная держава, как Великобритания, на этот раз не только отзывает свои войска, но и покидает ЕС, в то время как Франция в вопросах ядерного сдерживания продолжает мыслить в первую очередь категориями национальной безопасности, а гарантии поддержки со стороны НАТО оказались шаткими. Виной тому, по мнению Белого дома, сами немцы, которые слишком мало денег тратят на свои военные расходы и занимаются вместе с Москвой реализацией проекта «Северный поток – 2». Если упомянутого недостаточно, в дополнение можно назвать кризис системы контроля над вооружениями и режима нераспространения ядерного оружия, а также модернизацию ядерными государствами своих арсеналов. Как и в 1953 году, когда «ядерная пушка Анни» доставила вглубь территории врага атомные заряды на расстояние до 29 км, нынче высокоточные системы с более низкой силой взрыва снижают порог их применения и тем самым как бы восполняют «слабые места» в обороне.

В довершение всего в США в частности ведутся работы по разработке так называемых гиперзвуковых планеров с такой скоростью, которая исключает какую бы то ни было возможность эффективного противодействия. А на фоне призывов Трампа еще и к созданию «космических вооруженных сил», а также постоянной угрозы системам раннего оповещения, исходящей от киберпространства, принцип «гарантированного взаимоничтожения» времен холодной войны и лозунг: «Кто стреляет первым, умирает вторым»

вдруг снова воспринимаются чуть ли не как стабилизирующий фактор.

Мир находится в состоянии хуже, чем в 1957 году? И действительно ли на этот раз в системе международной безопасности достигнута «точка невозврата», требующая ядерного оружия? Как же еще защитить себя, если положиться больше не на кого? И не может ли, как считал в свое время федеральный канцлер Аденауэр, «[последовательное] усовершенствование артиллерии» стать по меньшей мере его тактической альтернативой? Нет, на этот раз, в том числе и Германии, нужна бомба! Это утверждает политолог Кристиан Гаке в ежедневной газете *die Welt*.

Но в какой форме все это могло бы произойти? Сначала нужно было бы аннулировать отказ от ядерной энергетики 2011 года, непреодолимый в 1950-е годы барьер. Но даже если бы этого не случилось, производство бомб было бы возможным. Благодаря участию в URENCO (компании, занимающейся обогащением урана для использования на АЭС), Германия уже сегодня является мировым лидером по обогащению урана. Однако в стратегическом плане все выглядело бы совсем иначе: когда следовало бы использовать бомбы, в чью пользу и против кого? Каковы способы их доставки к цели? По суше, воде, воздуху? Потребовалось бы создание оружия тактического назначения для гибкого и поэтапного реагирования, например, на ядерный удар ограниченного радиуса действия, направленный против немецкого авианосца в Балтийском море, наверняка построенного к тому времени? И как осуществлялся бы взаимозачет утраченных с каждой стороны человеческих жизней, разрушенных городов? Берлин за Варшаву? И кто бы пошел на это?

Все эти вопросы пугают. Но в государствах, обладающих атомным оружием, их по-прежнему ставят, и на них дают ответы. Поэтому знать их важно, не в знак признания необходимости, а в качестве основы для достижения взаимопонимания.

В процессе этой дискуссии стало очевидным, что Германия с ядерным оружием в самом деле могла бы стать фатальным по последствиям сигналом, резким разрывом с завоеванной в жестоких боях послевоенной реальностью, частью которой стал и отказ от ядерного, химического и бактериологического оружия. На международной повестке дня снова встал бы «немецкий вопрос». Ведь совершить прыжок к обретению статуса ядерной державы и единоличной гегемонии в Европе вознамерилось бы не какое-то там государство, а Германия, которая в последнее время не пользуется особой популярностью из-за своей политики жесткой экономики и миграционной политики.

Не в последнюю очередь по этим причинам стремление заполучить атомную бомбу и сегодня не имеет права на существование. Возможны шаги намного ниже этого порога, начиная от усиления мер по сдерживанию конвенциональными видами вооружений до содействия диалогу с европейскими и иными партнерами о значении стратегической стабильности в нынешних условиях. Существует и возможность возобновления контроля за вооружениями и разоружением. Это, конечно, не является средством полного исцеления, и всего этого самого по себе недостаточно. Однако немецкая бомба не может быть здесь альтернативой.

Но если мы все же пойдем на такой шаг, то, по словам Вольфганга Ишингера, председателя Мюнхенской конференции по безопасности, «поставим себя в безвыходное положение», а также и НАТО, и процесс европейского единения. Короче говоря, иницируя процесс создания противостоящей силы, отбрасывающей континент к состоянию многополярной нестабильности, мы вредим сами себе. Особенно хорошо то, что ядерное вооружение не отвечает интересам Германии, что должно быть известно таким реалистам,

как Гаке, обычно требующим при каждой возможности внешней политики, руководствующейся интересами и государственным подходом.

Конрад Аденауэр назвал договор о запрещении ядерного оружия 1967 года «планом Моргентау в квадрате», сверстанным по образцу замыслов американцев превратить Германию после окончания Второй мировой войны в аграрное государство. «Старина-канцлер» не проявлял особой симпатии и к таким организациям, как объединение представителей церквей, профсоюзов и социал-демократической оппозиции того времени под названием «Объявим войну ядерной смерти», не говоря уже о 17 немецких ученых-атомщиках, которые в 1957 году настоятельно предостерегали его от ядерной угрозы в заявлении под названием «Геттингенский манифест». И все же до конца своей жизни Аденауэр верил в необходимость ядерного выбора для Федеративной Республики Германия. Такая точка зрения была тогда столь же опасной, как и сегодня.

Эта статья в сокращенной редакции была опубликована 9 августа 2018 года под названием «Германия – ядерная держава! А дальше?» в ежедневной газете Tagesspiegel.

☞ **Тобиас Фелла** (Tobias Fella) – менеджер проектов в Школе управления Hertie. Ранее был референтом по вопросам германской внешней политики и политики в сфере безопасности Фонда им. Фридриха Эберта в Берлине.

Невозможный принцип равенства

Израильский социолог Натан Шнайдер о спорном законе о национальном еврейском характере государства

Натан Шнайдер

19 июля 2018 года парламент Израиля принял закон о национальном еврейском характере государства, или, как гласит его официальное название, «Основной закон: Израиль – национальное государство еврейского народа». Правительство Израиля, для которого закон был важен не только из-за предстоящей избирательной кампании, отмечало это решение, как будто бы речь шла об обновленной версии декларации независимости 1948 года. Часть оппозиции, прежде всего арабское население, полагает, что тем самым в Израиле полностью покончено с демократией. Из-за рубежа раздаются голоса сомнения в его целесообразности.

О чем же этот закон? Разве Израиль не был с момента своего основания еврейским государством? И разве при сионизме не шла речь о практической реализации еврейского суверенитета в собственной стране? К чему такие страсти, если закон лишь закрепляет то, что было ясно с начала реализации сионистского проекта, причем вне зависимости от левых или правых правительств?

Страна Израиль, на территории которой было создано государство Израиль, является исторической родиной еврейского народа, сказано в самом начале закона до того, как закрепить на законодательном уровне существующие флаг, гимн и столицу страны. Но с самого начала в Израиле – в качестве этнического и религиозного меньшинства, а также граждан государства – проживало и арабское население. Нынче на территории Израиля живут около 1,7 млн арабов, составляющих 21% граждан этой страны. А гражданство с формальной точки зрения означает собственно равенство.

Либеральные принципы – это принципы равенства. Этнические национальные принципы – это принципы неравенства. Для Израиля этническая идентификация на основе личной атрибуции является практически недопустимым принципом.

«Пока внутри сердца все еще бьется еврейская душа, и в края Востока, вперед, на Сион устремлен взгляд ...» – так говорится в гимне Израиля. Поэтому национальный гимн Израиля с его еврейским духом и поныне является камнем преткновения для многих арабских граждан этого государства. Они не находят в нем места для себя, а новый закон закрепляет на законодательном уровне этот гимн в качестве национального. С этнической и национальной точки зрения арабское население Израиля относится к палестинцам, в то же время они являются израильскими гражданами. В сионистском проекте они оказались в роли истинных аутсайдеров, так как не в состоянии взрастить в себе символиче-

скую связь с еврейским национальным государством. Такое положение существовало с момента основания государства Израиль в 1948 году, только прежде это никогда не было закреплено законом.

Но и для евреев Израиля присутствие арабского населения является постоянным напоминанием того, что еврейский суверенитет не является чем-то таким, что само собой разумеется, и что «еврейскому государству» приходится уживаться с не-евреями в своей среде. В этом отношении закон является проявлением глубокой неуверенности евреев в собственной идентичности в собственной стране. Страх перед потерей национальной идентичности ведет к возврату скорее к нелиберальному национализму, вполне сопоставимому с актуальными тенденциями в Европе и США.

В социальной плоскости существуют иные тенденции. С годами арабское население стало частью израильской общности, представляющей собой постоянный вызов еврейскому характеру государства. В Израиле выросло новое поколение арабов. Поколение, которое благодаря близости Израиля к Западу, самой лучшей системе образования на Ближнем Востоке, демократическим принципам этого государства стало этнической группой, члены которой не готовы быть гражданами второго сорта. Закон собственно призван восстановить прежнюю ситуацию исключения.

В новом законе предусмотрено время окончания действия статус-кво оккупации

Именно в последние годы арабское население сильно изменилось. Наблюдается рост пропалестинских настроений среди арабских лидеров, требующих преобразования еврейского государства в «государство всех своих граждан». Часто те же лидеры выдвигали требования не только равноправия, но и культурной автономии. В частности, представители палестинской элиты опубликовали так называемую концепцию будущего развития, в которой воплощены требования такого бинационального государства. Упреки в ирредентизме, в том, что арабские граждане Израиля проявляют больше лояльности к палестинцам и арабам, нежели к Израилю, существовали в прошлом и существуют поныне. Чем больше арабское население исключается из числа пользующихся общими благами еврейского государства как в символическом, так и практическом, в частности экономическом смысле, тем сильнее становится уверенность в собственных силах этого меньшинства. В то же время имеет место и другой факт: чем сильнее оно уподобляется еврейскому населению, тем чаще порождает смятение в головах тех, кто упрямо настаивает на этнической гомогенности. Постоянно возрастающее равенство находит свое выражение в требованиях усиления дискриминации со стороны евреев. Это один из глубинных истоков нового законодательства. И это объяснение того факта, почему на демонстрациях протеста против закона развевались палестинские флаги. Такое демонстративное исповедание идентичности «врага» в центре Тель-Авива, должно быть, показалось правительству подтверждением оправданности своих действий. Нетаньяху поспешил уверить народ в том, что демонстрации только укрепили его во мнении о необходимости институционализации еврейского характера государства в форме закона.

Но: Израиль никогда не был либеральным государством. Либеральные принципы – это принципы равенства. Этнические национальные принципы – это принципы неравенства. Либеральные принципы – это принципы универсального характера, этнические национальные принципы – отражение частных партикулярных интересов. Для Израиля этническая идентификация на основе личной атрибуции является практически недопустимым принципом. В этом отношении страна в данный момент имеет скорее сходство с Польшей, Венгрией, Словакией, Эстонией и Литвой, которые также считают себя «этническими демократиями». Заявление Орбана о конце либеральной демократии отдалось эхом и в Израиле.

Тот факт, что именно Израиль должен быть причислен к этим нелиберальным демократиям, все же сбивает с толку многих людей, прежде всего в Германии. Но это собственно лишь сионизм, последовательно доведенный до конца. Ведь когда-то Израиль начинался как внеевропейский островок Европы на Ближнем Востоке, а ныне он дистанцируется от модели западной демократии и движется на восток в направлении нелиберальных государств «новой Европы», политика которых теперь поддерживается и США. Более тесные политические связи Израиля с этими странами – не случайность.

Но на кону, конечно же, нечто большее. В Израиле, и в этом состоит большое отличие от Европы, речь идет и об оккупации, священном характере захваченных земель и привнесенном извне так называемом решении на основе бинационального государства. Страна Израиль – родина еврейского народа – так гласит закон. Не государство Израиль. Такое различие существенно в иврите. Две различных, но пересекающихся формации существуют сообща в едином пространстве: государство Израиль со своими институциями и гражданами и «страна Израиль» – священное образование, в котором действуют иные законы и иные структуры времени. До 1967 года «страна Израиль» существовала по ту сторону реальности и границ. С 1967-го помимо государства Израиль существует и страна Израиль, освободившаяся от удушающих объятий иорданской границы и разделяющая отныне политическое пространство с государством. Государство Израиль разговаривает на политическом языке. Оно ведет речь о демократии, границах, верховенстве права. Люди, живущие в государстве Израиль, усматривают в себе «просвещенных» евреев, пытающихся со своим языком существовать на равных правах со «священным» языком. Для тех, кто верит в страну Израиль, обозначение «оккупация» вообще лишено смысла. Ведь как можно удерживать в оккупации свою собственную страну?

Таким образом, в новом законе собственно предусмотрено окончание действия статус-кво оккупации (который может еще продлиться довольно долго), когда появится страна-родина евреев, в которой реальное соотношение между меньшинством и большинством утратит свое значение.

⊗ **Натан Шнайдер** (Natan Sznaider) - профессор социологии в Академическом колледже Тель-Авива. В 2017 году вышло его социологическое исследование «Общества в Израиле. Введение в десять картин».

Хватит строить Москве глазки!

Диалог имеет рамки, и Германия должна их придерживаться не так, как Россия

**Маттиа Неллес,
Никлас Коссов,
Анн-Софи Гаст**

В своем первом выступлении в статусе министра иностранных дел Германии Хайко Маас переменял тон в отношении России и назвал неприемлемыми как аннексию Крыма, которая противоречит международному праву, так и непрекращающуюся российскую агрессию в отношении Украины. Позже Маас выступил категорически против возвращения России в «Большую семерку» (G7) и занял однозначную позицию в этом вопросе.

Но тема России продолжает вносить раскол: переизбыток понимания в отношении политики Кремля и потребность в поддержании хороших отношений с Россией – все это по-прежнему доминирует в германской политике и германском обществе, неизменно преподнося все новые и новые сюрпризы. Российское вторжение в Украину остается для Европы беспрецедентным явлением со времен Второй мировой войны. Вместе с Крымом Кремль насильственным образом аннексировал часть Украины и, в добавок к этому, активно участвует в силовой агрессии на территории Восточной Украины. Затем, в мае 2018 года, появился итоговый отчет международной следственной комиссии (МСК), в котором сделан вывод, что ракета, сбившая самолет рейса МН17 и ставшая причиной гибели 298 людей, была на вооружении 53-й зенитной ракетной бригады российской армии. Непрекращающиеся хакерские атаки на органы политической власти в государствах-членах ЕС, равно как и циничное высказывание Путина, когда он хакеров сравнил с деятелями искусства, тоже не способствуют снятию напряжения в сложившейся ситуации.

Поведение России сегодня характеризуется агрессивностью, нарушением международного права, а также полной неприемлемостью. Поэтому в текущих условиях, а особенно после оглашения причин катастрофы рейса МН-17, невозможно осуществить скорый возврат к партнерским отношениям с Россией. Жертвами российской агрессии стали как украинские граждане, так и граждане Европейского союза. Эта агрессия требует соразмерной и единодушной реакции всей Европы.

Сохранять санкционное давление

Общеввропейские санкции, которые были введены в 2014 году и которые с тех пор поэтапно расширяются, стали важным шагом в этом направлении. Они демонстрируют единство между европейскими партнерами. Однако вместо того, чтобы думать над смягчением санкций (такое требование выдвинул недавно, например, итальянский министр внутренних дел Маттео Сальвини), стоит обсудить расширение санкций – как в свете упомянутых результатов расследования международной следственной комиссии в отношении МН-17, так и в отношении дела Скрипаля.

В любом случае, право на смягчение санкций возникнет только тогда, когда Россия сделает ощутимый вклад в реализацию Минских соглашений. Под этим подразумевается в том числе и прекращение огня в Восточной Украине – тут российское правительство может сделать решающий шаг за счет давления на подконтрольных ему сепаратистов. К тому же Германии – в рамках своего будущего членства в Совете безопасности ООН – стоит выступить в поддержку развертывания миссии «голубых касок» в Восточной Украине, которая уже не раз была предметом широких дискуссий. Миссия ООН, наделенная нерушимым мандатом, может стать ключом к прекращению войны на Востоке Украины в среднесрочной перспективе. До тех пор, пока в этом отношении не будет достигнут какой-то прогресс, стоит каждые шесть месяцев продлевать все санкции, которые привязаны к Минскому процессу, не вступая в дискуссии по этому вопросу.

Российские деньги на Западе

В дополнение к санкциям против России, Европа должна укреплять собственную устойчивость. Насажение раскола и раздора – это именно то, к чему стремится Россия. Поддержка популистских и сочувствующих России партий в государствах-членах ЕС в такой же мере входит в репертуар кремлевских стратегов, как и распространение фейковой информации, а также осуществление хакерских атак. Исключительное значение имеет не только вложение средств в кибербезопасность, но и совершенствование контроля за поступающими финансовыми потоками. По данным исследования Global Financial Integrity и National Bureau of Economic Research, представители российской элиты закачали в западные страны (в том числе – в Германию) от \$800 млрд до \$1,3 трлн. Эти деньги не только имеют отчасти незаконное происхождение, но и являются важным политическим инструментом для России. Один из элементов российской «мягкой силы» – это организационная и финансовая поддержка для партий, которые оцениваются как дружественные (вне зависимости от того, какой политический спектр они представляют – правый или левый), а также для представителей европейских элит. Ярким примером является бывший германский федеральный канцлер Герхард Шредер, который ранее возглавлял наблюдательный совет «Северного потока-1», а сейчас выполняет те же функции в «Роснефти», являющейся одним из важнейших инструментов российской внешней политики. Шредер стал сегодня одним из самых влиятельных лоббистов российской государственной власти.

Исправить ситуацию можно за счет более высокого уровня прозрачности для российского капитала и соответствующих финансовых потоков в западном мире, а также за счет задействования юридически безупречных возможностей по замораживанию сомнительных нематериальных активов. Как следствие, на уровне ЕС Германии стоит выступить в поддержку того, чтобы скорейшим образом претворить в жизнь директиву ЕС о предотвращении отмывания денег от 2015 года, и поддержать инициативу Великобритании, которая требует раскрыть конечных собственников анонимных компаний, не ведущих оперативной экономической деятельности, а также заморозить при помощи так называемых законов о вкладах неустановленного происхождения все подозрительные нематериальные активы от 50 тыс. фунтов стерлингов, чье законное происхождение ничем не подтверждается.

У Германии нет особого пути

В процессе выработки новой европейской восточной политики необходимо изначально согласиться с тем, что в отношении России Германия (несмотря на исторически сложившиеся тесные отношения) не может быть нейтральным посредником – она должна занять прозрачную позицию, согласованную с европейскими партнерами. Понятно, что экономические интересы никуда не деваются, и в долгосрочной перспективе нет никаких сомнений, что многие глобальные вызовы можно преодолеть только в сотрудничестве с Россией. Но в период конфликта, в котором Россия выступает в роли очевидного агрессора, не может быть и речи о каком-либо германском особом пути или же об индивидуальных играх немецких политиков. Показательным примером иллюзорности германского особого пути является нашумевший проект нефтепровода «Северный поток-2», который для России не только является прибыльным бизнесом, но и служит средством для вбивания клина между Германией, Польшей, Прибалтикой и Украиной. Было ошибкой вести переговоры с Россией о расширении нефтепровода, не вынудив ее дать гарантии того, что Украина не останется без транзита по своей территории. Федеральному правительству стоит проявить проворность в своих действиях, так как договор между Россией и Украиной о газовом транзите на период после 2018 года все еще находится в подвешенном состоянии.

Помехой для федерального правительства при выработке более европейской восточной политики, основанной на единодушии с другими странами-членами ЕС, является также позиция некоторых представителей деловых кругов. Остается только досадовать на то, что на политическом уровне было принято решение о санкциях и более жестком курсе в отношении России, а на мероприятиях Восточного комитета германской экономики гостям из России подмигивают – мол, снятие санкций является лишь вопросом времени. Само собой разумеется, что правительство не может закрыть рот деловым кругам, и все же – при известных обстоятельствах – женщинам-политикам и мужчинам-политикам, а в первую очередь представительницам и представителям федерального правительства стоит нынче воздержаться от публичных выступлений на мероприятиях Восточного комитета.

Организация взаимодействия на принципах гражданского общества

На практике все это, конечно, не означает прекращения диалога. Естественно, что Германии – лидеру среди стран ЕС как по размеру территории, так и по уровню экономического развития – стоит наращивать обороты взаимодействия с Москвой и сохранять существующие возможности для коммуникации. Однако этот диалог должен основываться на четко установленных параметрах. Во-первых, Германия выступает как часть ЕС и представляет совместно выработанную европейскую позицию в отношении России. И во-вторых, в сложившихся обстоятельствах ни о каком партнерстве не может быть и речи. Помимо прочего, это означает, что федеральное правительство однозначно констатирует и осуждает как нарушения международного права, так и преступления российских властей, в том числе – аннексию Крыма, сбитие рейса МН17, участие в войне на территории Украины и хакерские атаки на органы власти и организации в Германии,

такие как бундестаг, Федеральное министерство иностранных дел и Фонд науки и политики.

Помимо этого, важно не только проводить различие между российским правительством и населением России, но и в период конфликта с удвоенной силой поддерживать проекты, направленные на сближение граждан России и Германии. Кроме того, в долгосрочной перспективе Германии стоит активно требовать от ЕС упрощения визового режима для российских граждан. Взаимодействие на принципах гражданского общества открывает возможности для улучшения взаимопонимания на российско-германском направлении, не компрометируя при этом политическую позицию.

Больше Европы

Совместно выработанная европейская восточная политика, включая достижение единой позиции в отношении России, является непростой задачей. На уровне Европейского союза Германии стоит сконцентрироваться на том, чтобы объединить европейских партнеров в рамках совместно выработанной восточной политики, а не вести двусторонние переговоры с Россией. Эта политика должна быть вписана в треугольник, вершины которого образуют ЕС, Россия и страны Восточного партнерства. Интересы и позиции названных сторон настолько переплетены между собой, что отдельные переговоры между ними становятся просто недопустимыми. И это определенно охватывает интересы России в вопросах проведения собственной политики безопасности. Поэтому нужно отдавать себе отчет, что политика России неизменно включает в себя политику в отношении других постсоветских республик, таких как Грузия, Молдова и Украина. Выстраивая с ними отношения на основе Соглашения об ассоциации с ЕС, Германия и Европа берут на себя также ответственность за эти государства: то, что происходит внутри Европы, в определенной мере касается всех нас, даже если упомянутые страны, возможно, и не получают разрешение на вступление в ЕС в долгосрочной перспективе.

Общий подход сводится к тому, что позиции по всем внешнеполитическим вопросам в сфере отношений с Россией и Восточного партнерства, а также в сфере энергетической политики и новых энергетических проектов должны быть одобрены Советом ЕС и его рабочими группами. Ни одно национальное государство не имеет больше права на самостоятельную игру. Если государства-члены ЕС хотят, чтобы Кремль серьезно относился к ЕС, они в том числе должны единодушным фронтом выступать как ЕС. В этом отношении Германия может подать позитивный пример и выступить за более интенсивное согласование разных вопросов между государствами-членами ЕС. Еще один момент, который стоит обсудить с европейскими партнерами, – это формат диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Регулярный диалог с Россией является важным, но институционализация некоего Совета ЕС-Россия может дать ложный сигнал. В Евразийский экономический союз помимо России входят также Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизстан. Консультации между двумя союзами могли бы усилить позиции ЕС как самостоятельного игрока, а также помогли бы избежать эксклюзивного контакта с Россией и одновременно с этим учесть интересы других государств-членов ЕАЭС. Совет НАТО-Россия также стоит продолжать использовать как платформу для взаимодействия. Но прин-

цип остается неизменным: Диалог имеет рамки, и Германия должна их придерживаться не так, как Россия.

⊗ **Маттиа Неллес** (Mattia Nelles) работает экспертом по международной политике в Центре либеральной современности в Берлине, где он занимается вопросами Украины и России. Кроме того, он активно сотрудничает с общественной организацией IFAIR, являющейся общедоступной интеллектуальной платформой. Там он руководил программным блоком «Восточная Европа и Евразия».

⊗ **Никлас Коссов** (Niklas Kossow) – руководитель программного блока «Отношения между Востоком и Западом» в организации Polis 180, являющейся общедоступной интеллектуальной платформой по вопросам внешней и внутриевропейской политики. Помимо этого, он работает над кандидатской диссертацией на тему использования цифровых информационно-коммуникационных средств в борьбе с коррупцией и сотрудничает с разными организациями в качестве консультанта по этим вопросам.

⊗ **Анн-Софи Гаст** (Ann-Sophie Gast) работает в программном блоке «Отношения между Востоком и Западом» в организации Polis 180, являющейся общедоступной интеллектуальной платформой по вопросам внешней и внутриевропейской политики. Кроме того, она учится в аспирантуре Берлинской высшей школы транснациональных исследований (Berlin Graduate School for Transnational Studies), где занимается темами евразийской интеграции и внешней политики России; она также работает научным сотрудником в Центре Восточной Европы и международных исследований (Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien (ZOiS)).

Война лайков

Как Интернет изменяет войну и политику и почему мы все становимся оружием

Питер У. Сингер

В вашей книге LikeWar («Война лайков»), которая вскоре увидит свет, вы размышляете о том, как социальные медиа становятся оружием, и исследуете, как Интернет изменяет войну и политику. Можете ли вы охарактеризовать наиболее важный тренд?

Около 25 лет назад исследователи обнаружили явление так называемой кибервойны. Компьютерные сети как раз только возникали и быстро приобретали значимость. Они все больше и чаще взламывались – это и есть «кибервойна». Сейчас нам постепенно становится ясно, что эта война имеет своего двойника. Я называю его «войной лайков» (LikeWar). На такой войне взламываются информация и люди внутри сетей. Моя книга начинается с некоторых давних примеров, с прежде немислимых процессов, которые являются результатом этих изменений: с первого твита Дональда Трампа через хэштег IS (Islamic State, Исламское государство», ИГ), который помог при захвате Мосула, внушив установку на силу войск террористов, которой в реальности не было, и этим вызвав панику среди защитников города – вплоть до показа видео в YouTube о чикагских гангстерах, повлекшего за собой войну между бандами. Кажется, будто все эти примеры имеют между собой мало общего. Однако все они наглядно иллюстрируют, насколько сильно социальные медиа влияют на известия, политику и войну. LikeWar все изменила – начиная с того, что надо делать, чтобы «победить», и заканчивая нашими взглядами на важнейшие проблемы мира. И это только начало. Все, что мы пережили за последние годы, – это лишь предвкушение того, что нас еще ждет впереди.

Вы утверждаете, что не только Интернет изменил войны, но и войны тоже изменили Интернет. Можете вкратце пояснить, что там происходит?

Интернет, в прошлом безмятежное и лучезарное пространство для личных контактов, превратился в нервную систему современной торговли. Кроме того, он мутировал на поле битвы, на котором информация сама стала оружием.

Насколько важным Интернет стал для экономики и социальной жизни, таким же неотъемлемым он является сейчас для военных, для демократических и авторитарных правительств, для активистов, а также шпионов и солдат. Все они его используют, чтобы вести войны и проводить кампании, у которых нет четких границ. И примечательным образом все пользуются одной и той же тактикой: все они покушаются на нас с вами. Иными словами, самые авторитетные рекрутеры, ориентированные на ИГ или на Тейлор Свифт, работают совершенно аналогичным образом и охотятся за той же самой публикой!

Какую роль играют такие большие технологические кампании, как Facebook и YouTube, в LikeWar? Каково их влияние?

LikeWar означает также, что роль компаний, которые являются определяющими для Интернета, изменилась. Они больше не просто соединяют нас, но и устанавливают правила онлайн-войны. Это влияет на все, и не в последнюю очередь также на исход вы-

боров и сражений. YouTube, например, был изначально инспирирован идеей заполучить картинку стрип-казуса с обнаженной грудью певицы Джанет Джексон. Это была возможность делиться видео в обход цензуры. А сейчас компания должна заниматься тем, как бы ей посредством регламентации обуздать все мыслимое и немислимое – от неонацизма до российских информационных операций. Последствия решений небольшого числа людей едва ли смогут оказаться сильнее. Если бы, например, Марк Цукерберг ввел реформы в Facebook уже в 2016 году, а не в 2018-м, когда вред уже был нанесен, то сегодня, вероятно, кто-то другой занимал бы пост президента США. Вотум недоверия по вопросу Brexit, возможно, выглядел бы иначе в мире, если бы были запрещены боты, а алгоритмы по-другому управляли известиями. Различные террористические акты не случались бы, в зависимости от того, какой обмен новостями как раз был или не был позволен.

При каких предпосылках можно «победить» в этом окружении? Имеют ли управляемые на государственном уровне подходы, практикуемые во многих государствах, преимущество перед privately управляемыми моделями из западного мира в стиле Кремниевой долины?

Чтобы победить в «войне лайков», необходимо отправить гулять свое послание по типу вируса, то есть быстро обеспечить ему широкое распространение в Интернете. Это в одинаковой мере действительно и для выборов, и для сражений или маркетинговой войны ради нового альбома, так как внимание создает власть и задает повестки дня.

Есть множество путей, чтобы достичь этой цели и при этом сохранять контроль. В то время как пионеры Интернета еще утверждали, что Всемирная сеть сделает всех нас свободными, правительствам и фирмам удалось запрячь в свои телеги эту прежде освободительную силу социально-медийной революции и использовать ее для своей выгоды.

Существуют модели старого типа, например, в Турции, где из социально-медийной активности экстрагируется важная информация о диссидентах и блокируется содержание, критикующее систему, которое в противном случае стремительно распространялось бы во Всемирной паутине (World-Wide-Web). Сверх того, например, в Китае, строится так называемая социально-кредитная система, в которой сохраняются различные «данные граждан» – от онлайн-комментариев относительно перформанса в профессиональной сфере и до времени, которое человек проводит за компьютерными играми. На этой основе составляется система баллов, которая оценивает «благонадежность» индивидуума. Количество баллов является решающим во многом, например, для перспективы получения работы, и может оказывать влияние даже при поиске партнера. Восхитительно то, что на Западе с его Big Data собираются те же самые огромные массивы данных, но в руках небольшого числа компаний, которые извлекают из этого прибыль для самих себя.

Не преувеличена ли опасность, которая якобы исходит от социальных медиа как оружия? Разве в свое время не было аналогичного сомнения, когда появился печатный станок? Насколько опасно то, что достоверность информации затеняется эпидемичностью ее распространения? И разве не всегда в военное время правдой пренебрегали?

Ну, я утверждал бы противоположное. Печатный станок был исторически важнейшим изобретением. Он многое принес с собой и на многое воодушевил: от массовой литературы, Мартина Лютера и Реформации и вплоть до 30-летней войны. И не в последнюю очередь печатный станок дал жизнь также и новостному бизнесу. Вместо того чтобы преувеличи-

вать то, как это изобретение изменило мир, мы скорее склоняемся к тому, чтобы приуменьшить его значение. И в наше время мы переживаем точно такое же мощное по влиянию новшество. Новая технология коммуникации не только формирует нашу социальную жизнь, но и влияет также на наше поведение как избирателей и на наше ведение войны.

Итак, да, мы видим пример, отражающий некоторую часть прошлого, и именно ту часть, которая имеет огромное историческое значение. Действительно также, что и раньше в военное время правдой зачастую пренебрегали. Однако сейчас к этому прибавляются опасные тенденции развития: от «альтернативных фактов» – концепции, названной так советниками Трампа (которая в буквальном смысле является атакой на представление о самой правде), и до DeepFake-видео, которые так сплавляют реальность и подделку, что вообще больше не понять, где истинное, а где сфальсифицированное. Чтобы удерживать контроль, военные ведомства и маркетинговые фирмы все более обращаются к искусственному интеллекту.

Что может этому противодействовать – на политическом и на индивидуальном уровне? Что могут сделать обычные люди, чтобы не стать жертвенной пешкой на этом новом онлайн поле битвы?

Как для всех проблем в реальном мире, здесь тоже есть не одно решение. Мы должны сближаться на уровне правительства, экономики и общественности. Для правительств это означает следующее: точно так же, как они в прошлые десятилетия принимали контрмеры, когда им стали понятны угрозы, исходящие из виртуального мира, они должны поступать по отношению к LikeWar. При этом США являются примером того, что как раз НЕ надо делать. Но есть и хорошие примеры, такие, как Эстония, которая оберегает своих граждан и свою демократию от новых внешних и внутренних опасностей.

Компании должны отдавать себе отчет в том, что их изделия становятся полями битв и что они должны брать на себя больше ответственности за защиту своих клиентов, то есть за нас с вами, а мы также должны это от них требовать. Кроме того, они больше не имеют права реагировать лишь задним числом. Они должны своевременно проявлять заботу о том, чтобы через их сети не могло причиняться зло – будь то со стороны экстремизма или вследствие операций ведения информационных войн. Они не могут и далее отговариваться незнанием реальной ситуации.

И, наконец, мы как клиенты и граждане должны поумнеть, особенно в том, как нам двигаться в мире, полном «лайков» и лжи. В карточных играх есть такая поговорка: если ты не знаешь, кто за столом проигравший, значит это ты. Кроме того, мы и сами должны брать больше ответственности за свою собственную роль во всем этом. Можно самому определять, будут ли через собственную сеть друзей и семьи распространяться истинные факты или ложь, ненависть или дружелюбие и в конечном итоге выноситься в мир через Web. В «войне лайков» ты являешься тем, чем ты делишься, а то, что разделяешь, показывает, кто ты есть.

Вопросы задавал Тобиас Фелла.

⊗ **Питер У. Сингер** (Peter W. Singer) – американский ученый и эксперт по ведению современных войн. Он консультирует Фонд «Новая Америка» (New America Foundation) по стратегическим вопросам, по версии журнала Foreign Policy входит в список 100 мировых мыслителей.

Экзистенциальный вызов

Смогут ли предстоящие выборы вернуть мир в Украине

Алексей Семений

В сентябре Украина вступила в новый важный избирательный цикл, который завершится осенью 2019 года. Результаты президентских и парламентских выборов должны прояснить многие важные темы внешней и внутренней политики, что, в свою очередь, может серьезно повлиять не только на судьбу Украины, но и на архитектуру системы безопасности в Европе, дестабилизация которой началась в 2013-2014 годах.

Вопреки многочисленным декларациям представителей украинской власти, страна все еще не стала на путь кардинальных политических и социально-экономических изменений. Более того, в последние годы большинство граждан крайне недовольны положением дел – они убеждены, что процессы развиваются в откровенно неверном направлении. Из-за такой ситуации внутри страны и весьма неопределенной обстановки за ее пределами Украина попадает сегодня в достаточно уязвимое положение.

Нет сомнений, что российская агрессия (которую нельзя считать оконченной, пока части Донбасса и Крым остаются под оккупацией) представляет собой один из самых сложных и масштабных вызовов для развития Украины на ближайшие годы. Если мы на полном серьезе воспринимаем официальные заявления лидеров Российской Федерации относительно предварительных условий для нормализации отношений с Украиной, то ни одна из более-менее влиятельных политических сил в Украине не одобрит их в таком виде ни сегодня, ни в обозримом будущем, потому что в определенных аспектах они ставят под вопрос государственность и суверенитет Украины как таковые. Но если мы рассматриваем их как приглашение к началу переговорного процесса с целью найти выход из кризиса или проложить путь к такому процессу, то мы как минимум могли бы предпринять попытку снизить уровень текущего напряжения и неопределенности.

Существуют недвусмысленные предпосылки для потенциальной нестабильности в Украине, которые с грядущими выборами могут усилиться

Четыре года войны и кризиса доказали, что Украина растрчивает ресурсы, не достигая при этом ощутимых позитивных результатов. Несмотря на все победные реляции со стороны представителей власти или даже некоторые заверения Запада в отношении успешных реформ, существуют недвусмысленные предпосылки для потенциальной нестабильности в Украине, которые с грядущими выборами могут усилиться.

Не останавливаясь детально на приносящих вред действиях и ошибках России или любого другого внешнего игрока, давайте рассмотрим возможный положительный вклад Украины в сложившуюся ситуацию. С середины 2000-х годов внешняя политика и поли-

тика безопасности Украины представляют собой провальную историю с набором ошибок, которые привели к драматическим последствиям. Особенно болезненный опыт приобретен начиная с 2014 года, когда те, кто реально принимает решения в Украине, обязаны были наконец-то осознать цену собственных ошибок в такой опасной обстановке и сложившейся ситуации. К сожалению, многие из них этого не сделали – то ли из-за недостаточной квалификации, то ли из-за отсутствия воли.

По всей видимости, результатом выборов будет не только смена имен, но и частичное изменение политического курса, что открыло бы определенное окно возможностей. Но какая именно новая политика нужна Украине в этот напряженный период? Какие фундаментальные изменения (если вообще какие-то нужны) следовало бы осуществить после выборов, чтобы не упустить этих возможностей?

Ответы на эти вопросы довольно сложные, но я предполагаю, что объединенные усилия следовало бы в первую очередь сконцентрировать на двух проблемах: улучшении социально-экономической ситуации (что должно выразиться в существенном росте ВВП, притоке прямых иностранных инвестиций, снижении уровня бедности, прекращении массовой эмиграции и т. д.) и начале процесса деокупации Донбасса с его последующей ненасильственной реинтеграцией. Обе проблемы – экономика и Донбасс – достаточно тесно переплетены между собой, и каждую из задач нельзя решить по отдельности.

Существует много концепций экономического развития Украины, и в данной статье не преследуется цель проанализировать их все, но, по моему убеждению, одна из главных проблем – это отсутствие политической воли в Украине к реальным изменениям как следствие личных корыстных интересов и неумелого управления.

Решение по Донбассу, каким бы сложным оно ни было, – это для Украины своего рода тест на выживание, на состоятельность как государства, так и общества, то есть на жизнестойкость в самом общем смысле

В то же время задача поиска реального решения по Донбассу до сих пор не решена даже на теоретическом уровне. С каждым годом ситуация в регионе ухудшается, и понадобится все больше усилий и ресурсов для выхода из нее.

Решение по Донбассу, каким бы сложным оно ни было, – это для Украины своего рода тест на выживание, на состоятельность как государства, так и общества, то есть на жизнестойкость в самом общем смысле. Мы отдаем должное усилиям наших иностранных партнеров, но это наш экзистенциальный вызов, который мы не можем предотвратить и от которого не можем увернуться, даже если отдельные украинские политики и будут стремиться к этому, поддерживая, к примеру, призывы «отрезать Донбасс от Украины».

Итак, как могло бы выглядеть такое «волшебное решение», даже если шансы на него не особо высоки?

Во-первых, нам следует признать, что урегулирование ситуации на Донбассе должно быть частью общего плана урегулирования украинского кризиса, которое, ссылаясь на Минские соглашения, в конечном итоге приведет к усовершенствованию или перезагрузке всей архитектуры системы Европейской безопасности.

Участие США, ЕС и России в этом процессе имеет определяющее значение, хотя актуальные индикаторы сигнализируют в пользу обратной тенденции – конфронтации. При этом Украина должна изменить свое нынешнее позиционирование в сфере безопасности и привести его в соответствие с текущим положением дел в мире, даже если мы от него не в восторге. Несмотря на критику, пример реальной политики Финляндии в течение XX столетия (а не выборочный взгляд на нее с исключительно негативными подтекстами) мог бы стать хорошим прецедентом, который можно взять на вооружение или хотя бы принять во внимание.

Во-вторых, нам следует спланировать установление некоего международного контроля за процессом урегулирования ситуации на Донбассе. Это может быть миротворческая миссия или временная международная администрация в качестве приемлемой альтернативы, позволяющей «сохранить лицо» для некоторых ключевых участников, и в качестве определенного переходного периода, пока ситуация в регионе не нормализуется.

И, наконец, следует изначально придать важное значение усилиям, направленным на реинтеграцию, например, идеям специального экономического статуса или свободной экономико-инвестиционной зоны, а также акцентировать внимание на инклюзивной составляющей политических вопросов.

Оценивая текущую ситуацию и перспективы, сегодня для Украины реалистичны три сценария. Это может быть базовый вариант или, другими словами, «пробираться через болото», подразумевающий медленное и нестабильное движение вперед с определенными откатами назад. Вероятен и оптимистичный сценарий – глубокая перезагрузка (прежде всего – политическая и экономическая) в контексте выборов в 2019 году, запуск реального партнерского взаимодействия с Западом и процесс нормализации отношений с Россией, отправной точкой которого станет деокупация Донбасса, начало продуктивной дискуссии по проблеме Крыма, а также ощутимое улучшение социально-экономической ситуации в стране. Не исключен и негативный сценарий: страна будет скатываться в хаос, рискуя своей государственностью и целостностью как таковыми.

Несмотря на сильное внешнее влияние на развитие событий в Украине, я надеюсь, что украинцы воплотят в жизнь оптимистичный сценарий, который не только улучшит ситуацию внутри страны, но и создаст новые возможности для позитивных преобразований в Европе. *Faber est suae quisque fortunae.*

☞ Д-р **Алексей Семений** (Oleksiy Semeniyy) – директор Института глобальных трансформаций, занимающегося вопросами внешней политики и политики безопасности. Он окончил Институт международных отношений Киевского Национального университета им. Тараса Шевченко и колледж по эффективному управлению им. Карла-Фридриха Гьорделера в Берлине, защитил диссертацию в Вестфальском университете им. Вильгельма (Мюнстер), позже работал на разных должностях в правительственном и неправительственном секторах.

Заложники «промежуточного положения»

Шесть ориентиров для европейской безопасности в контексте деятельности ОБСЕ

Томас Гремингер

Диалог всегда является первым шагом к построению отношений. В сложившейся ситуации возникла острая необходимость в перестройке отношений с упором на взаимопонимание и всестороннее доверие. То, как мы находим общий язык друг с другом, имеет значение. Избранные нами форматы помогают очертить рамки для позитивных изменений. Сегодня дискуссии по теме европейской безопасности слишком часто сводятся к взаимным обвинениям и повторам хорошо известных позиций, хотя требуется совершенно иное. До тех пор, пока мы не найдем лучшего подхода, мы рискуем еще больше запутаться в паутине предвзятых представлений – как о нас самих, так и о наших якобы злонамеренных оппонентах.

Без содержательного диалога мы не будем в состоянии отреагировать на нынешний кризис доверия. Мы также не будем в состоянии справиться с растущим скептицизмом в отношении жизнеспособности нашей системы безопасности, основанной на сотрудничестве. Сейчас необходимо действовать. В противном случае недоверие и унилатерализм продолжат подпитывать друг друга, подталкивая нас к глубокой пропасти, выбраться из которой будет все сложнее и сложнее.

Мы должны искоренить ситуации, когда из-за географического положения страны возникает необходимость отдать предпочтение одной из сторон

Итак, что мы можем сделать? Позвольте мне дать вам несколько ориентиров согласно видению ОБСЕ.

Во-первых, нам стоит грамотнее использовать существующие площадки для диалога. В контексте деятельности ОБСЕ это означает создание большего пространства для неформального диалога с целью дополнить все более и более стерильные дискуссии в пределах наших стандартных, официально регламентированных форматов.

Во-вторых, нам нужно расставлять приоритеты. Некоторые задачи являются более безотлагательными, чем другие. Например, мы в обязательном порядке должны согласовать практические шаги для снижения военной напряженности и для предотвращения того, чтобы преднамеренные или непреднамеренные военные инциденты начали выходить из-под контроля.

В рамках ОБСЕ дан старт актуализации военно-политических тем посредством неформальных, но структурированных дискуссий. Так называемый Структурированный диалог, запущенный в декабре 2016 года на заседании Совета министров ОБСЕ в Гамбурге, по-

способствовал выгодному обмену мнениями о понимании угроз, тенденциях и событиях в сфере военного потенциала и военных доктринах. Я надеюсь, что этот процесс позволит нам согласовать меры по снижению военных рисков и придать новый импульс актуальным мерам по укреплению доверия и безопасности. На текущий момент конструктивное участие в Структурированном диалоге дает основания для осторожного оптимизма.

В-третьих, мы обязаны стремиться к сотрудничеству там, где наши интересы совпадают. В сущности, тут речь идет о вызовах, которые можно преодолеть только совместными усилиями: насильственный экстремизм, терроризм, киберугрозы, торговля людьми и наркотиками, а также большие потоки беженцев и мигрантов. Стимулирование последовательного прогресса в преодолении этих и прочих взаимосвязанных вызовов может помочь нам постепенно восстановить предсказуемость и доверие.

В-четвертых, нам нужно активизировать усилия по разрешению затяжных конфликтов в регионе ОБСЕ, а также использовать существующие форматы посредничества для налаживания конструктивного взаимодействия друг с другом. Как мы видим в процессе урегулирования Приднестровского конфликта, сотрудничество возможно и способно дать практические результаты даже в затяжных конфликтах, при условии, что ключевые международные участники процесса работают сообща и стороны проявляют достаточную политическую волю, чтобы пойти на разумные риски ради достижения необходимого прогресса.

В-пятых, мы должны предотвращать случаи, когда из-за географического положения страны возникает тупиковая ситуация – необходимость отдать предпочтение одной стороне перед другой. Страны, оказавшиеся сегодня заложниками «промежуточного положения», должны иметь открытые возможности как для сотрудничества в обоих направлениях, так и для реализации своей естественной миссии в качестве коммуникаторов-миротворцев.

Нет иного пути, кроме реализации Минских соглашений

Последнее и самое важное: мы должны прочнее сплотиться на пути к устранению самой большой преграды для безопасности и сотрудничества в Европе – кризиса внутри и вокруг Украины. Нам срочно необходим новый политический импульс, чтобы найти выход из тупика и побудить стороны начать воплощать в жизнь Минские соглашения, – и, поверьте, нет иного пути, кроме этого. Я надеюсь, что последние встречи на высоком уровне в формате Нормандской четверки являются индикатором того, что процессы снова могли бы начать двигаться в верном направлении.

Нам нужно засучить рукава и активно взяться за продвижение в этом направлении. Потребуется время и много небольших шагов, чтобы устранить наши разногласия и восстановить взаимное доверие посредством диалога. На этом пути, неизбежно, будут трудности. Но мы должны начать двигаться в этом направлении.

ОБСЕ способна обеспечить широкоформатную площадку для активного участия в содержательном диалоге, деэскалации напряжения на разных направлениях и осуществления совместных действий в отношении стандартных угроз и вызовов. Но систему без-

опасности на основе взаимного доверия и общих правил нам удастся возродить только в том случае, если мы приложим более активные усилия по защите и утверждению принципов и обязательств ОБСЕ.

Когда наступит подходящее время и как только накопится необходимая энергия, нам также нужно будет подумать над тем, как инициировать более масштабный и всеобъемлющий диалог. Принимая во внимание наследие ОБСЕ, стоит непременно обсудить идею нового Хельсинкского процесса.

ОБСЕ стала бы правильным местом для такого рода инициативы как организация, являющаяся результатом объединения политики сдерживания с процессом политической разрядки во времена холодной войны. Это позволило бы нам вновь подтвердить свою приверженность принципам Хельсинкского заключительного акта. Нам нужно не изобретать велосипед, а вернуться к неискаженному пониманию сути этих принципов. Такого рода процесс мог бы обеспечить более значимый фундамент для диалога и, возможно, вновь направить нас по маршруту, озвученному в Астане в 2010 году в рамках концепции Евроатлантического и Евразийского сообщества безопасности.

☞ **Томас Гремингер** (Thomas Greminger) - с июня 2017 года является Генеральным секретарем ОБСЕ. До этого назначения он работал заместителем генерального директора Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству. С 2010 по 2015 год Томас Гремингер был постоянным представителем Швейцарии при ОБСЕ. Он является автором ряда публикаций по вопросам военной истории, регулирования конфликтов, миротворчества, развития и прав человека.

Социальная Европа – это иллюзия

Почему нужно распрощаться с мифами о становлении социального Евросоюза

Мартин Хёпнер

Европейский прогрессистский дискурс пестрит мифами и табу. Тем, кто захочет вступить в этот дискурс, потребуется особая осмотрительность. Ведь совсем непросто четко очертить социальные последствия европейской интеграции и тем самым вступить в противоречие с мифом о социальной Европе. В конце концов можно невольно быстро оказаться в лагере противников ЕС. Поэтому без мифа о социальной Европе не обходится практически ни одно выступление представителей социал-демократического или профсоюзного спектра.

Социальная Европа может употребляться в эмпирическом и прогностическом значении. Наверное, вы согласитесь со мной, что это понятие не очень-то подходит для описания состояния Европейского союза. Слишком много событий произошло за прошедшие одну-две декады, начиная с вмешательства Европейского суда (European Court of Justice) в законодательство о праве на забастовки (дела Viking и Laval), подчинения общественного инфраструктурного сектора европейскому законодательству о конкуренции и вплоть до политики сплошного социального «прореживания», которой придерживается «Тройка» в Южной Европе. Европейская политика гендерного равенства, которую часто по праву ставят в пример как желательную с социальной точки зрения, не в состоянии уравновесить все названное выше.

Может быть, социальная Европа пребывает в стадии становления? Нет, какие-либо признаки этого отсутствуют. Прошу понять меня правильно: ЕС мог бы достичь большего социального эффекта по сравнению с тем, что в нем происходит сегодня. Это не миф, и я позже еще вернусь к этому вопросу. Зато мифом является то, в чем нас стараются убедить в юбилейных и праздничных речах, утверждая, что лозунг «больше Европы» приближает нас к социальной Европе. Этот традиционный нарратив в течение лет потерял свой смысл, но все же по-прежнему остается неизменным элементом социально-демократического и профсоюзного самоутверждения.

С каждой новой волной расширения ЕС становился все более пестрым образованием. Тем самым постоянно снижались и шансы на достижение в нем социальной гармонии.

Прошу вас вместе со мной мысленно обратить свой взор на те шаги в процессе интеграции, которые вы можете вспомнить сами. Возможно, вы были свидетелями дискуссии вокруг программы развития общего внутреннего рынка в 1980-е годы, а возможно, вы моложе, и ваши воспоминания начинаются с момента введения валютного союза и свя-

занных с ним реформ. Это были шаги по углублению интеграции чисто экономического характера. Почему же социал-демократия и профсоюзы постоянно выполняли роль преданного попутчика? Потому что эти шаги сопровождались неявными, а иногда явными и социальными обещаниями. Экономическая интеграция, как полагали многие тогда, все больше и больше будет вовлекать в свой водоворот смежные направления политики и в конце концов приведет к становлению социальной Европы.

В теории все это казалось довольно убедительным. Да и политология, которая обозначила ожидаемый эффект «вовлечения в свою орбиту» теоретическим понятием *spillover*, казалось бы, подтвердила правдоподобность этого нарратива. Но история интеграции пошла другим путем. С каждой новой волной расширения ЕС становился все более пестрым образованием. Тем самым и шансы на осуществление честолюбивых проектов по достижению социальной гармонии по мере углубления экономической интеграции не росли, а постоянно снижались. Нынче даже в теории нам трудно представить себе европейское социальное государство, которое одинаково хорошо подошло бы и для Болгарии, и для Дании. Не говоря уже о возможности его практической реализации. Так же обстоит дело, например, с надеждой на единые и максимально амбициозные правила участия наемных рабочих в принятии решений во всей Европе. Можно было бы привести множество подобных примеров.

Но и это еще не все. Возросшая гетерогенность государств-членов нисколько не помешала растущей радикализации экономической интеграции и распространению ее влияния на все мыслимые сферы политики. В этом смысле распространение ее влияния действительно произошло, но не в форме положительных социальных сдвигов благодаря надгосударственному характеру развития, а в форме деструктивных импульсов либерализации там, где социальные аспекты проявляются особенно остро: на уровне государств – членов ЕС.

Европейский суд истолковал свободы общего внутреннего рынка настолько экстенсивно, что они вплотную приблизились к индивидуальным притязаниям на либерализацию

Можно назвать источники, питающие импульсы либерализации. В Европейском законодательстве о конкуренции в частности содержится запрет на бюджетные субсидии. На этот запрет постоянно наталкиваются государственные виды деятельности в секторах, где существуют как государственные (публичные), так и частные поставщики услуг или производители. Так, сейчас спорят о том, следует ли усматривать нарушение европейского законодательства о конкуренции в бюджетном финансировании благотворительных организаций Нижней Саксонии, так как оно ставит в невыгодное положение частные структуры, предлагающие свои услуги по уходу или опеке. Такую модель конфликта то и дело можно встретить в так называемых смешанных секторах, в частности банковских учреждениях публичного права, телерадиовещании или всех секторах инфраструктуры: частные поставщики услуг осознали значение европейского законодательства о конкуренции как инструмента продавливания своих интересов, заточенных на либерализацию.

Свободы общего внутреннего рынка, то есть право его участников на свободу передвижения в нем Европейский суд истолковывает настолько широко, что они все больше напоминают индивидуальные притязания на либерализацию. Так, свобода по оказанию услуг повлекла за собой существенный рост уровня либерализации, то же можно сказать и о свободе жительства и экономической деятельности. Сказанное также лучше всего проиллюстрировать на свежем примере. В деле о предприятии Polbud Европейский суд принял решение, согласно которому перенос места нахождения общества лишь в уставе подпадает под защиту принципа свободы жительства и экономической деятельности. Поэтому предприятиям в будущем станет еще легче отказываться от своей правовой формы и менять ее на иную встречающуюся в ЕС организационно-правовую форму. Для этого им вовсе не придется переносить свои административные офисы или места осуществления ими иных видов деятельности. В чем заключается социальная острота такого решения: становится легче обходить в случае необходимости принцип участия наемных рабочих в принятии решений на уровне руководящих органов. Угроза использования такого приема в обход закона становится все более очевидной в спорах со стороной наемных рабочих. Из-за подобной судебной практики принцип участия наемных работников в принятии решений из обязывающего института все более превращается в добровольную полюбовную сделку.

Европейская экономическая интеграция выступает в качестве фактора усиления глобализации

Но все это меркнет на фоне процедуры мониторинга и внесения корректив, учрежденной во время кризиса еврозоны, а также в высшей степени разрушительного в социальном плане вмешательства «Тройки» в экономическую, социальную и бюджетную политику стран в форме европейских механизмов финансовой стабилизации. Помимо широко известного диктата экономии и политики социальных сокращений подобные предписания нацелены и на ослабление профсоюзов, в частности посредством адресного вмешательства в обязательные для выполнения положения рамочных тарифных соглашений.

Это перечисление ограничивается теми импульсами либерализации, которые восходят к прямым постановлениям наднациональных организаций – Европейской комиссии, Европейского суда, Европейского центрального банка, МВФ. Европейская интеграция порождает новые импульсы либерализации, обостряя экономическую конкуренцию между странами ЕС, в частности конкуренцию в сфере налогообложения. Понятно, что цель общего внутреннего рынка состоит как раз в обострении внутриевропейской конкуренции – с этим никто не спорит. Но прошу вас не верить из-за этого тем, кто хочет внушить мысль, что европейская интеграция служит защите от глобализации, иными словами, защите от транснациональной конкуренции. И это миф. На самом деле европейская экономическая интеграция выступает в качестве фактора усиления глобализации, то есть в определенной степени является внутриевропейской глобализацией в квадрате.

Что же это значит, если говорить о надеждах, которые мы возлагали на ЕС, который по крайней мере был бы более социальным по своей сути, нежели это было в прошлом? Я не стал бы ратовать за отказ от проектов на европейском уровне, устремленных в будущее.

Неплохим проектом могло бы, например, стать выделение финансовой помощи за счет средств из структурных фондов на создание системы минимальных социальных гарантий в тех более бедных странах – членах ЕС, в которых до сегодняшнего дня отсутствует минимальная социальная защита. Стоит побороться за такие или подобные им идеи, которые органично вписываются в призывы о «наращивании Европы».

Впрочем, это не меняет того, что питать иллюзии относительно предстоящей в ближайшем будущем гармонизации, то есть европейской единой системы социального обеспечения было бы безответственно. Уверен, существующее положение все же изменится в не столь близком будущем. Но до того времени нам придется настроиться на своеобразную многоуровневую систему. На европейском уровне осуществляется защита конкуренции, свобод, действующих на общем внутреннем европейском рынке, а также основополагающих требований относительно конвергенции евро. В то же время нормы и механизмы перераспределения, необходимые для реализации социальных прав, остаются закрепленными на уровне отдельных государств – членов ЕС.

Стремление к нахождению решения, которое позволит стать ЕС более социальным, предполагает готовность к преодолению мифов и табу

Осознание этого особенно важно для формулировки согласующихся между собой стратегий. В таком случае недостаточно сформулировать ориентированные на будущее концепции европейской социальной политики. Эти концепции следует подкрепить двумя дополнительными частными стратегиями, посредством которых удастся улучшить защиту социальных прав от европейских импульсов, нацеленных на либерализацию. Главным элементом является концепция исключений в отдельных областях, разработанная близкими к профсоюзам юристами. Она нацелена на то, чтобы исключить трудовые и социальные уложения отдельных стран – членов ЕС из сферы применения свобод, действующих на общем внутреннем европейском рынке, европейского законодательства о конкуренции и обложенных санкциями процедур внесения корректив.

И здесь круг, связанный с мифом о возможности построить социальную Европу за счет реализации принципа «больше Европы», замыкается. Острую необходимость улучшения защиты трудовых и социальных уложений от деструктивных импульсов европейской либерализации невозможно встроить в традиционно существующий нарратив. Вывод, что усиление социального характера ЕС нуждается то в реализации принципа «больше Европы», то в защите «от избытка Европы», по сегодняшний день в значительной степени является табу в дискуссии социал-демократических и профсоюзных сил. Тем самым возникает опасный пробел. Существует угроза того, что сформулированные в форме каталогов требования могут оказаться попросту непосильными с точки зрения существующих возможностей. Реальные же пути к решению проблем с огромным трудом пробиваются в повестку дня прогрессистов, поскольку вступают в конфликт с постоянно распространяемыми и бесполезными по сути мифами.

Мифы вполне могут быть необходимым элементом политического самоутверждения. Но избытие мифов, как можно было убедиться на примере мифа о становлении социаль-

ной Европы, может оказать деструктивное влияние. Стремление к нахождению решения, которое позволит стать ЕС более социальным, предполагает готовность к преодолению мифов и табу. Однако пока что такая готовность едва прослеживается. Нужно проявлять бдительность там, где существует угроза вытеснения эмпирических выводов, полученных в результате европейской дискуссии прогрессистов, упорно исповедуемыми мифами. Лучшим выходом, исходя из моего опыта, было бы открыто называть мифы мифами и активно подвергать их критическому анализу.

⤵ **Мартин Хёпнер** - политолог и руководитель исследовательской группы по политической экономике европейской интеграции при Кёльнском институте по изучению общественных наук имени Макса Планка. Помимо этого, работает внештатным профессором на факультете экономических и общественных наук Кёльнского университета.

Новая восточная (пост)политика

И Путин не вечен. Нужно готовиться к периоду, который наступит после него.

Ян К. Берендс

Дискуссия о России быстро привела Германию и Европу к ярко выраженному мышлению противостоящих друг другу лагерей. С одной стороны – те, кто поддерживает санкции и желает обуздать влияние Москвы. По другую сторону – те, кто хотел бы пойти навстречу Кремлю и стремится к обретению нового *modus vivendi* в отношениях с

Путиним. В основе обеих позиций – чисто тактические соображения, касающиеся вопроса нейтрализации конфликта между Россией и Западом. Однако продуманной стратегии нет. Дискуссия о выстраивании отношений с Россией в долгосрочной перспективе не ведется.

До тех пор пока у власти будут оставаться Путин и его окружение, Германии и Европе в течение последующих лет следовало бы настроиться на дипломатию в стиле *heavy metal* (Mark Galeotti). В то же время Западу стоит подумать и о том, что будет после Путина. Ведь в настоящий момент Россия находится в стадии внутривнутриполитической стагнации, напоминающей застой брежневской эпохи в 1970-е годы. Структурное экономическое убожество, дрящавая война на Донбассе, инцидент со Скрипалем и связанные с ним абсурдные выходки, протест против пенсионной реформы, а также недавние манипуляции на выборах в дальневосточных регионах России являются свидетельством тлеющего кризиса авторитарной системы. При этом, естественно, не следует недооценивать инерционной мощи режима. Но его легитимность разваливается на куски. Он мало что может предложить российскому обществу. Неясно, как долго будет сохраняться его стабильность. Исторический пример с Брежневым показывает, что после долгих лет стагнации в России могут произойти быстрые изменения.

Россия сама решает свою судьбу. Традиционно многое зависит от курса, который осуществляется тем, кто стоит во главе страны. Однако спустя многие годы антизападной риторики подобная стратегия управления страной, похоже, все больше теряет свое влияние. В связи с экономическим кризисом растет чувство неудовлетворенности со стороны городских элит России. Можно наблюдать возвращение в зачаточной стадии к политическому плюрализму в России. Германии и Европе стоит задуматься над тем, как можно достучаться до сознания российского общества.

Попытка Михаила Горбачева навязать цивилизацию Советскому Союзу потерпела неудачу. Для успеха задуманных им реформ не хватило поддержки со стороны общества. Тем не менее дальнейшая либерализация и демократизация России и всего постсоветского пространства отвечают интересам Германии, ЕС и не в последнюю очередь самих российских граждан. Эта цель должна стать руководством к действию в политическом отношении и встать в один ряд с обузданием политики Кремля.

Общественные изменения – не линейный процесс. В XIX веке Франция обрела стабильный экономический порядок не с первой попытки. Отчего же в России все должно произойти быстрее? Даже спустя 100 лет после революции и гражданской войны сохранилось тяжелое наследие диктатуры. И все же стоит поддержать силы, которые могут стать носителями либерального устройства России. Рецидивы, случившиеся после 1990-х годов, не должны стать причиной для ошибочных выводов о том, что в России возможно только авторитарное правле-

ние. Предрасположенности к автократии не существует. Напротив, как раз на фоне глобального кризиса демократии тем более важно снова положиться на притягательную силу свободных обществ и содействовать тем, кто поддерживает эти идеи даже там, где они не находятся у власти.

Ввиду глобального кризиса демократии тем более важно снова положиться на притягательную силу свободных обществ

Если конкретно, то речь идет об инвестициях в российское общество. Именно общество и экономика, а не государство и его структуры могут стать в России движущей силой преобразования гражданского общества. При этом имеется в виду не первоочередная поддержка небольшой политической оппозиции, а выстраивание многочисленных каналов коммуникации, в частности, с молодыми людьми, но не только с ними. Учащиеся и студенты должны получить право на безвизовый въезд в Европейский союз. Помимо этого, нам нужны более масштабные программы научного и культурного обмена не только с Москвой или Санкт-Петербургом, а со всеми частями страны. Следует приглашать на повышение квалификации предпринимателей и представителей местной экономики и предоставлять им возможность знакомства с повседневной жизнью на Западе. При этом небольшие частичные программы, индивидуальное содействие и обмен на местном уровне важнее показательного пиара в формате так называемого Петербургского диалога. Одновременно речь идет и о чем-то большем, нежели двусторонние контакты между немцами и россиянами. Первенство мира по футболу показало, сколь высок интерес российских граждан к контактам с Европой и миром. Именно здесь – точка для приложения соответствующих усилий. Целью должна стать поддержка поколения, которое не боится Европы, а хорошо знает ее и ощущает себя европейцами. Примером здесь могут послужить усилия по воспитанию молодежи в западной части Германии после 1945 года. Общественный обмен с Россией и другими постсоветскими государствами должен стать приоритетной задачей.

Берлин и Брюссель должны согласовать между собой стратегию отношений с Россией, которая не ограничивается одним днем. Но при этом нельзя упускать из виду и политическую элиту. Пока что она вынуждена соблюдать конформизм. Но ведь сквозь мрак брежневских времен в начале 1980-х годов пробилась Михаил Горбачев и его команда. Тогда западные государства в значительной степени оказались неподготовленными к такому ходу событий. Поэтому в интересах Германии и Европы не провозглашать существующий минимальный уровень отношений с Россией нормальным положением вещей. Нынешний кризис обусловлен конкретными решениями российского руководства. Пока что режим нуждается в конфликте с Западом для собственной легитимации. Но в последующие годы возможны и альтернативные сценарии. Нам следует надеяться на внутренние преобразования в России и осторожно поддерживать их посредством продуманной политики.

☉ Д-р **Ян К. Берендс** (Jan C. Behrends) – руководитель проектов исследовательской сети Violence and State Legitimacy in Late Socialism при Центре исследований современной истории в Потсдаме. К основным сферам его научной деятельности относятся современная история Восточной Европы, история родов, европейские диктаторские режимы и история насилия.

Срочно!

Земля уже прогрелась на 1°C, и мы видим катастрофические последствия

Мануэла Маттесс

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC) представила новый специальный отчет. В нем в частности речь идет о достижении поставленной цели: снижение темпов глобального потепления до уровня 1,5 °C по сравнению с доиндустриальной эпохой. Еще в 2014 году IPCC обнародовала цифры, согласно которым это казалось едва достижимым. В новом отчете содержится более позитивная оценка. Так, может быть, ситуация не столь уж драматична?

Положение все-таки довольно серьезное. Правда, IPCC внес коррективы в размер бюджета совокупных выбросов CO₂ и увеличил его по сравнению с 2014 годом. Таким образом, у человечества появилось больше времени до момента, когда он будет исчерпан. Но это вовсе не означает, что мы можем ослабить наши усилия. Существует и техническая, и физическая возможность ограничить глобальное потепление Земли до 1,5 °C – и в отчете прямо говорится о выгоде, которую могут извлечь из этого как человечество, так и экосистема в целом. Но он четко дает понять, насколько далекоидущие и беспрецедентные изменения потребуются для этого. Одного обезуглероживания энергетического сектора тут недостаточно. Нам придется вплотную заняться сельским хозяйством, градостроительством, промышленностью, транспортной и строительной отраслями. У нас осталось не так много времени, ведь Земля уже прогрелась на один градус, и мы видим катастрофические последствия этого процесса.

Каково главное послание отчета?

Главным посланием, наверное, является то, что удержание темпов глобального потепления на уровне 1,5 °C возможно, но для этого потребуются огромные усилия, и действовать нужно немедленно. Существует весьма большая разница между целями, которые поставит перед собой человечество: снижение уровня потепления до двух или полутора градусов. В последнем случае уровень моря повысился бы менее чем на 10 см, снизилась бы интенсивность таяния вечной мерзлоты, а тем самым и интенсивность выделения вредоносного для климата метана. Появилась бы возможность сохранить, хотя бы отчасти, коралловые рифы, столь важные для нашей экосистемы. Мировые рыбные запасы не уменьшались бы такими резкими темпами, а экстремальные метеорологические явления наблюдались бы не столь часто и были бы не столь разрушительными. В общем и целом в таком случае человечество было бы в состоянии удержать под своим контролем последствия глобального изменения климата.

В каких областях, по мнению IPCC, существует самая острая необходимость в действиях?

Если мы не достигнем цели в 1,5 °C, то вплотную приблизимся к опасной точке. Изменения климата могут стать необратимыми. Обязательно нужно добиться быстрого сниже-

ния уровня выбросов CO₂ таким образом, чтобы к 2050 году свести их к нулю. Действовать в стиле *business as usual* никак не получится. В специальном отчете содержатся конкретные предложения по достижению этой цели. Важным фактором является перестройка глобальных энергетических систем на основе возобновляемых источников энергии, резкое сокращение использования таких ископаемых видов топлива, как уголь, и преобразования в промышленности.

В отчете также говорится о так называемой отрицательной эмиссии, которая в будущем может стать важным фактором в борьбе против изменения климата. Что следует под этим понимать?

«Негативные эмиссии» – один из аспектов дискуссии о снижении уровня потепления до полутора градусов, который заслуживает неотложного и более пристального внимания. По сути речь идет о технологии, которая благодаря техническим решениям позволит извлекать из атмосферы объем двуокиси углерода, превышающий уровень выбросов этого газа. Вначале это воспринимается положительно, так как создает впечатление, что с глобальным потеплением можно справиться одной лишь техникой и инновациями. Но это не так. При существующих ныне возможностях речь идет скорее о «ложных друзьях». Пока что негативные эмиссии осуществляются лишь в отдельных местах и в рамках многочисленных проектов – причем в большинстве случаев с очень высокими затратами и без настоящего анализа возможных последствий или реальной отдачи. Если говорить конкретно, то все эти надежды основаны на технологиях, которых пока вообще нет и влияние которых на человека и природу совершенно неизвестно. Опасно полагать, что нам не стоит ничего менять и следует просто продолжать делать все так, как прежде. С моей точки зрения, нужно отказаться от геоинженерии, то есть технического вмешательства в нашу экосистему для борьбы с изменением климата.

В декабре в польском городе Катовице состоится следующая конференция ООН об изменении климата. На ней планируется принять свод правил для реализации Парижского соглашения. Каково значение отчета IPCC для этого мирового саммита?

Отчет играет существенную роль. Ведь речь пойдет не только о такой важной задаче, как принятие свода правил с целью реализации Парижского соглашения по климату и выяснение многочисленных вопросов в сфере финансирования усилий по защите климата. 24-ю Всемирную конференцию по климату в Катовице можно будет считать успешной лишь тогда, когда на ней будет продемонстрирована воля к постановке еще более амбициозных целей в сфере глобальной защиты климата. Имеющихся национальных вкладов недостаточно ни для достижения цели удержания глобального потепления на уровне 2 °С, ни для того, чтобы вообще думать о цели в 1,5 °С. Если посмотреть на все предложения, то мы находимся скорее на пути к пределу потепления в 3–4 °С с соответствующими опустошительными последствиями для миллионов людей и нашей окружающей среды.

И здесь благодаря отчету можно было бы усилить давление?

Существует срочная необходимость постановки более амбициозных задач в плане национальных вкладов. Содержащиеся в отчете IPCC послания как нельзя лучше способствуют этой цели, так как указывают на то, что цель достижения предельного уровня

потепления в 1,5 °С вполне достижима. Однако в них подчеркнута и необходимость наращивания усилий, и то, что мы находимся в условиях цейтнота. Больше нет возможности откладывать решение проблем на потом. Это создает стимул к действиям, что, по моему мнению, может существенно повлиять на декабрьские переговоры в Катовице. К тому же это усиливает и позиции гражданского общества, уже давно требующего изменений, предложенных в отчете.

Политика в сфере климата Федерального правительства Германии в последнее время подвергается острой критике. Какие полезные рекомендации может извлечь для себя из отчета IPCC немецкая политика в сфере энергетики и климата?

Судя по информации, изложенной в отчете, ближайшие годы, возможно, станут важнейшими в истории человечества. Нынче, к сожалению, разрыв между осознанием того, что необходимо и возможно, и конкретными действиями во всем мире остается все еще большим. Выводы отчета содержат четкий сигнал правительствам всей планеты: нам необходим поступательный перелом в развитии энергетики, транспорта и аграрного сектора. Это, конечно, касается и Германии, а также Европейского союза. В любом случае их среднесрочные цели в сфере защиты климата должны стать более амбициозными.

Что это конкретно значит?

С учетом положений специального отчета необходимо обсудить перспективу как можно более быстрого и социально приемлемого отказа от угля в комиссии «Рост, структурные изменения и политика занятости». Согласно выводам IPCC, темпы сокращения потребления этого вида сырья в рамках сценария по достижению цели в полтора градуса должны быть наиболее стремительными. Но отчет адресован не только правительствам. Придется кое-что изменить и нам, гражданам такой богатой, промышленно развитой страны, как Германия, например, привести в соответствие с требованиями этого отчета наше поведение в плане потребления или питания. Эффективная защита климата приносит пользу не только нам и окружающей нас среде. Важными аспектами будущего без вредных климатических последствий являются также социальная справедливость и снижение неравенства. Так давайте же вместе работать над этим.

Вопросы задавала Клаудиа Детч

☞ **Мануэла Маттесс** (Manuela Mattheß) – референт Фонда им. Фридриха Эберта в области международной энергетической политики и политики по защите климата. Ранее она работала проектным ассистентом Фонда в Сенегале и референтом отдела Центральной и Восточной Европы в Берлине.

Новый «Уотергейт» – это иллюзия

Почему миру придется в обозримом будущем приспособиться к Трампу

Тобиас Фелла

У президента США проблемы. В последнее время нелицеприятный свет на президентство Дональда Трампа пролила новая книга журналиста Боба Вудворда, расследовавшего «Уотергейтский скандал», а также статья анонимного члена правительства.

Речь о человеке, которого министр обороны Джеймс Мэттис охарактеризовал как личность, «чья способность к восприятию информации и чье поведение находятся на уровне ученика пятого или шестого класса», действующую неуравновешенно и не проявляющую интереса к стратегическим последствиям своей политики. Глава аппарата президента Джон Келли назвал Белый дом «сумасшедшим» местом, в котором разум и логика не срабатывают. Единственным выходом для некоторых сотрудников остается внутреннее сопротивление. Ибо таким образом, как пишет один из них в газете New York Times, удастся предотвратить хотя бы катастрофы.

По предварительным расчетам, в ноябре на промежуточных выборах в США можно ожидать убедительную победу демократов. Над Овальным кабинетом дамокловым мечом висит расследование, связанное с влиянием России. Если специальному прокурору ФБР Мюллеру удастся найти доказательства тайного сговора с Кремлем, касающегося избирательной кампании на выборах в США 2016 года, то вскоре речь может пойти не о том, чтобы «посадить ее», а о том, чтобы «закрыть его». И Трампу остается тогда надеяться только на одно: прощение своих грехов Майком Пенсом, который в случае отставки президента или успешного импичмента принял бы его дела.

Многие пытаются сравнивать сложившееся положение с Уотергейтским скандалом. Напомним, 8 августа 1974 года, после разоблачения многочисленных преступных интриг Белого дома президенту США Ричарду Никсону впервые в истории этой страны пришлось уйти в отставку, чтобы избежать импичмента. Детонатором этого события стал взлом штаб-квартиры Демократической партии в вашингтонской гостинице «Уотергейт», осуществленный избирательным штабом Никсона за два года до этого. В результате инициированного Бобом Вудвордом и Карлом Бернштейном расследования была получена внушительная доказательная база, не оставившая даже ведущим республиканцам в составе Конгресса иного выбора, кроме как смириться с крушением Никсона.

Подобный сценарий в случае с Трампом маловероятен из-за наличия, по крайней мере, пяти причин.

Во-первых, Республиканская партия не та, что была в 1970-е годы. Тогда в ней доминировали такие политики-старожилы, как Барри Голдуотер, она носила прозвище GOP (Большая старая партия), и, осознавая собственную значимость, настаивала на своей институциональной самостоятельности в Конгрессе. Сегодня же ее избранники в Сенате в Палате представителей считают себя проводниками идей президента. Отличительной

особенностью председателя Комитета по разведке Девина Нуньеса стало, например, выражение постоянных сомнений в легитимности расследований по России.

Во-вторых, Трамп извлекает выгоду из поддержки средствами массовой коммуникации, о которой Никсон даже мечтать не мог. Американский информационный канал Fox News является рупором президента, а ведущий Шон Ханнити – его близким другом и неофициальным советником. К этому следует прибавить и линию обороны, состоящую из правых блогов, веб-сайтов, а также функционирование социальных сетей. Немедленно и в режиме истинного времени подаются контрнарративы, атака парируется контратакой. Да и ряды сомкнуты плотно. Для большинства электората GOP канал Fox и Трамп являются источниками информации, заслуживающими наибольшего доверия и оставившими далеко позади CNN или MSNBC.

Когда основы страны сотрясали война во Вьетнаме, Уотергейт, расизм и студенческие протесты, существовало хотя бы общее понимание правды, в рамках которого шли споры о правильной политике

Во времена Никсона медиaproстранство было не столь разобоченным. Вещание на всю страну осуществлялось всего тремя большими сетями и американской некоммерческой телевизионной службой PBS. На национальном рынке ведущее положение занимали несколько газет. Репутация «четвертой власти» была в значительной степени чистой. Существовали такие личности, как Уолтер Кронкайт – тележурналист и ведущий новостей канала CBS – «человек, которому больше всего доверяла Америка». В его передаче сторонники Никсона защищали своего президента. Окружение Трампа отправляется для этого к Шону Ханнити и на телеканал Fox News. Там нет нужды защищать своего идола.

В-третьих, в связи со сказанным выше Соединенные Штаты «разделены иначе», чем в 1974 году. Когда основы страны сотрясали война во Вьетнаме, Уотергейт, расизм и студенческие протесты, существовало хотя бы общее понимание правды, в рамках которого шли споры о правильной политике. Этот консенсус был нарушен, по крайней мере, с момента избрания Трампа. Споры по существу между представителями обоих лагерей практически не ведутся. Тогда как консерваторы убеждены в невиновности своего президента в истории с Россией, либералы уже вынесли обвинительный вердикт вне зависимости от состояния расследования.

В-четвертых, эпоха Трампа разворачивается в условиях нездоровой политической системы. Годами осуществлялись манипуляции с границами избирательных округов, чтобы добиться максимальных шансов на собственную победу. К тому же резко возросло влияние денег на политику, в частности, в форме так называемых пожертвований в избирательный фонд, что подрывает легитимность демократических выборов. Сопутствующее этому разочарование тормозит формирование надпартийных противодействующих сил. При Ричарде Никсоне эрозия как раз дала толчок ощущению общности. Институции системы сдержек и противовесов были более устойчивыми, чем сейчас, а доверие к политике – более высоким.

В-пятых, существует «фактор Трампа». После решения Верховного суда Никсон выдал вызвавшие подозрения аудиозаписи уполномоченным органам. Его преемника не считают способным на такой шаг. Но если бы президент отказался выдать потенциальные доказательства, США оказались бы в ситуации кризиса доверия к государству и конституции. Да и замена путем применения дополнительной 25-й статьи в Конституции США, согласно которой вице-президент при условии согласия на то кабинета может объявить президента не способным занимать свою должность, маловероятна. Слишком высока зависимость партии от Трампа и его избирателей.

Что же дальше? Предположительно поражение республиканцев на осенних выборах в ноябре еще больше обострит ситуацию. Демократы усилят давление на Белый дом, например, в форме процедуры импичмента или создания новых комитетов по расследованию, в том числе и резонансных вызовов на их заседания. Президент и его команда через канал Fox и медиапортал InfoWars примут ответные меры. Иному решению мешают многочисленные прецеденты, имевшие место в последние годы. В повестку дня с обеих сторон политического спектра прочно вошли обструкция и полемика.

Нам, европейцам, легко указывать пальцем в сторону США. Но все же не следовало бы повторять ошибку и с уверенностью в собственной непогрешимости усматривать в себе последний бастион либерального мирового устройства.

Нам, европейцам, легко указывать пальцем в сторону США: слишком иной и нелепой кажется ситуация по ту сторону Атлантики. Но все же нам не следовало бы повторять ошибку и с уверенностью в собственной непогрешимости усматривать в себе последний бастион либерального мирового устройства. Ибо мы не являемся таковым. Существует слишком много как внутренних, так и внешних проблем. Если и есть выход, то он требует большей, а не меньшей скромности, в том числе и в отношении претензии на собственную истину. Интеллектуальный арсенал для этого имеется, в частности, в лице Мишеля Фуко или Шанталь Муфф. Нужно только воспользоваться им в интересах социальной Европы.

Впервые эта статья была опубликована на Euractiv.

☞ **Тобиас Фелла** (Tobias Fella) – менеджер проектов в Школе управления Hertie. Ранее был референтом по вопросам германской внешней политики и политики в сфере безопасности Фонда им. Фридриха Эберта в Берлине.

Именно в сложные времена нам нужны открытые дебаты.
Для этого IPG стал важной платформой.

Мартин Шульц